This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4341.1.801,5

HARVARD COLLEGE LIBRARY

BOUGHT WITH THE INCOME
OF A FUND LEFT BY
GEORGE RAPALL NOYES

הועתק

УЧЕНИЧЕСКІЕ ГОДЫ

ГОГОЛЯ.

С 2 34
Т 3

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. И. Шенрока.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

ПРОФСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЗАВКОМА
44113

МОСКВА.
Типо-Литографія Мусинъ-Пушкина, Никитина и Бончъ-Бруевича.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. кн. Голицына
1898.

Slav 4341.1.801.5

Noyes

Предисловіе.

Первое изданіе „Ученическихъ годовъ“, появившееся въ началѣ 1887 г., вышло изъ продажи около десяти лѣтъ тому назадъ. Послѣ этого, въ 1892 г., все содержаніе книги вновь вошло цѣликомъ въ первый томъ моихъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“. Не смотря на то, требованія на „Ученическіе годы“ не прекращались, что̀ побудило меня наконецъ предпринять новое отдѣльное изданіе ихъ, причемъ явилась возможность, опустивъ вступительныя главы, какъ имѣющія отношеніе скорѣе къ полной біографіи, сдѣлать въ замѣнъ ихъ нѣкоторыя необходимыя исправленія и дополненія, и также внести новыя дополнительныя замѣтки въ приложеніяхъ.

В. Ш.

1154

I. ПРЕДКИ Н. В. ГОГОЛЯ. ЛИЧНОСТЬ И ВЛІЯНІЕ РОДИТЕЛЕЙ.

I.

Въ одномъ изъ раннихъ произведеній Гоголя въ слѣдующихъ вдохновенныхъ строкахъ выразилось живое сочувствіе юнаго писателя родной украинской старинѣ и своимъ малороссійскимъ предкамъ. „Эхъ, старина, старина! Что̀ за радость, что̀ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что̀ давнодавно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, или дѣдъ, или прадѣдъ, ну, тогда и рукой махни“ [1])... То же пламенное увлеченіе національными преданіями внушило Гоголю впослѣдствіи цѣлую поэму, въ которой яркая художественная картина блестящей эпохи казачества была согрѣта огнемъ задушевнаго чувства, жившаго глубоко въ душѣ автора.

Этими восторженно-поэтическими симпатіями къ предкамъ, однако, и ограничивалось отношеніе къ нимъ Гоголя и, насколько извѣстно, онъ никогда не интересовался, подобно Пушкину, своей генеалогіей. Въ числѣ „родичей“ его, правда, немного и нашлось бы людей не только выдающихся, но и вообще заслуживающихъ вниманія, хотя одинъ изъ нихъ былъ несомнѣнно замѣтнымъ дѣятелемъ своего времени и принималъ оживленное участіе въ политическихъ событіяхъ эпохи. Гоголь, конечно, увлекался больше общимъ поэтическимъ колоритомъ родной старины, не удѣляя особаго вниманія отдѣльнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о національномъ характерѣ и симпатіяхъ геніальнаго писателя, а также и объ отношеніяхъ его къ Украйнѣ и къ предкамъ не можетъ не представляться интереснымъ и существеннымъ при его изученіи.

Украйна была исконнымъ мѣстомъ жительства рода Гоголей, на что указываетъ находившееся въ ней, неподалеку отъ

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 81.

Кіева, село *Гоголевъ*, не разъ упоминаемое въ историческихъ документахъ, относящихся ко второй половинѣ XVII вѣка. Около этого времени въ малороссійскихъ лѣтописяхъ встрѣчается и имя владѣльца этого села, Евстафія или Остапа Гоголя, сначала подольскаго полковника, позднѣе могилевскаго. Личность Остапа, не смотря на отсутствіе вполнѣ опредѣленныхъ извѣстій, несомнѣнно можетъ быть признана недюжинной по своей энергіи и дарованіямъ. Послѣднее обстоятельство получаетъ особенное значеніе въ виду факта, отмѣченнаго почтеннымъ историкомъ, изучившимъ эпоху Хмельницкаго, по словамъ котораго, „чѣмъ меньше въ это время власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ, или радой, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ болѣе усиливалось ихъ вліяніе на общественныя дѣла". Въ монографіи Н. И. Костомарова, „Иванъ Выговскій", не разъ упоминается имя полковника Гоголя; о немъ и ближайшихъ его сподвижникахъ покойный историкъ отзывается, какъ о людяхъ, получившихъ извѣстное образованіе. Но краснорѣчивѣе всего говоритъ въ пользу Остапа расположеніе и близость къ нему знаменитаго гетмана, довѣрившаго ему управленіе полкомъ [1]).

Дѣятельность Остапа, какъ лица подвластнаго и вынужденнаго соображаться съ обстоятельствами и волей сильныхъ, носила характеръ не вполнѣ самостоятельный въ силу внѣшнихъ условій; мы видимъ его то на сторонѣ Польши, то Москвы; онъ постоянно готовъ былъ измѣнить ей, и если не тяготѣлъ преимущественно къ Рѣчи Посполитой, то, быть можетъ, просто дѣйствовалъ, соображаясь съ обстоятельствами и оправдывая собой извѣстную невыгодную характеристику казаковъ его времени: „Черкасы—воровскіе люди".

По смерти знаменитаго его покровителя судьба Остапа была связана съ именами Выговскаго и особенно Дорошенка [2]).

---

[1]) Имя Остапа упоминается въ первый разъ подъ 1655 г. въ краткой исторіи Малороссіи,—обыкновенно прилагаемой къ извѣстной малороссійской лѣтописи Самовидца и потому несправедливо считавшейся ея продолженіемъ, — гдѣ отмѣчено, что въ этомъ году татары съ поляками облегли въ Умани христіанскіе полки, и въ томъ числѣ полкъ Гоголя, а потомъ двинулись противъ Хмельницкаго на Ставищи и осадили его въ полѣ, которое послѣ прозвано Дрижиполемъ.

[2]) Когда послѣ Хмельницкаго между казаками вспыхнула распря, обнаружившая затаенныя стремленія двухъ противоположныхъ партій, притихшихъ и на время успокоившихся при жизни славнаго гетмана,—между такъ называемыми *„значными"* казаками скоро обнаружились сторонники союза съ Польшей на новыхъ, федеративныхъ, основаніяхъ, которыя гарантировали бы для Малороссіи сохраненіе относительной политической свободы. Къ этой-то партіи и примкнулъ Остапъ, который, вѣроятно, сочувствовалъ воодушевлявшей ее идеѣ еще при жизни Хмельницкаго, долго колебавшагося въ выборѣ между примиреніемъ Малороссіи съ Польшей и присоединеніемъ къ Московскому государству. Впослѣдствіи Остапъ является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ помощ-

Такимъ образомъ предки Николая Васильевича принадлежали къ старинному малороссійскому роду, получившему нѣкоторую извѣстность во времена Богдана Хмельницкаго.

Позднѣе родъ этотъ, подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію и въ числѣ двухъ своихъ представителей вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Украйнѣ. Временное уклоненіе въ католицизмъ, очевидно, было вызвано щедрымъ королевскимъ даромъ Остапу, которымъ предоставлялось ему право наслѣдственнаго владѣнія помѣстьемъ Ольховцами съ женой и сыномъ. Этимъ случайнымъ и эпизодическимъ обстоятельствомъ объясняется странное, повидимому, свидѣтельство дѣда нашего писателя, который, доказывая свое дворянское происхожденіе, выразился въ оффиціальномъ донесеніи, что „его предки, фамиліей Гоголи, польской націи“. Онъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ, очевидно, только ближайшихъ представителей рода, такъ какъ указаніе на ихъ права болѣе соотвѣтствовало его цѣлямъ. Это былъ тотъ именно дѣдъ Гоголя, который, по мнѣнію перваго біографа нашего писателя, былъ изображенъ въ Аѳанасіи Ивановичѣ Товстогубѣ [1]), и который въ дѣйствительности носилъ имя Аѳанасія Демьяновича. Онъ былъ уже настоящій малороссъ и, конечно, не имѣлъ въ своемъ характерѣ ровно ничего польскаго.

Еще отецъ Аѳанасія Демьяновича былъ православный; онъ даже постригся, по окончаніи курса въ кіевской духовной семинаріи, въ священники въ родномъ селѣ Кононовкѣ (Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи), куда переселился изъ своихъ польскихъ помѣстій, „вышедши въ Россійскую сторону“, родитель его, Янъ Гоголь, воспитанникъ той же академіи. Въ честь послѣдняго потомки его стали называться Гоголи-Яновскіе. Не слыхавъ, вѣроятно, о происхожденіи этой фамильной прибавки, Го-

никовъ Данилы Выговскаго (брата гетмана) при нападеніяхъ его на Кіевъ, когда Иванъ Выговскій, не оставляя своей уклончивой и лицемѣрной политики, прикрывался личиной преданности Москвѣ, замышляя въ то же время воспользоваться враждебнымъ настроеніемъ Украйны противъ москалей, чтобы произвести возстаніе. Однажды московскій воевода Шереметевъ доносилъ, что подольскій полковникъ вмѣстѣ съ другими пытались незамѣтно для москалей подступить къ Кіеву, но когда съѣхались съ московскими холопами, то не пошли далѣе и остановились за рѣчкой Лыбедью въ трехъ верстахъ отъ Кіева. Наконецъ, когда, послѣ пораженія своей партіи, Давила Выговскій принужденъ былъ удалиться въ лодкѣ за Днѣпръ, то бѣжавшіе драгуны укрылись отъ преслѣдованій *въ селѣ Гоголевѣ*. При избраніи же въ Переяславлѣ на гетманство Юрія Хмельниченка Гоголь явно выказалъ свое недовольство, усмотрѣвъ въ переяславскихъ статьяхъ что-то „новоприданное“, небывалое. Послѣднія лѣтописныя извѣстія объ Остапѣ представляютъ его уже энергическимъ сообщникомъ Дорошенка, который пользовался имъ въ переговорахъ съ Крымомъ и Царьградомъ. Въ заключеніе своей карьеры онъ получилъ отъ польскаго короля помѣстье Ольховцы въ награду за услуги, оказанныя Рѣчи Посполитой.

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ, прототипами Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны были старички Зарудные, сосѣди Гоголей.

голь впослѣдствіи отбросилъ ее, говоря, что онъ не знаетъ, откуда она взялась, что ее „поляки выдумали“ [1]).

Вотъ почти все, что̀ извѣстно о предкахъ Гоголя. Такъ же скудны свѣдѣнія и объ отцѣ его, Василіи Аѳанасьевичѣ, о которомъ мы знаемъ почти только то, что онъ отличался веселымъ, добродушнымъ характеромъ и обладалъ отчасти сценическимъ талантомъ. Произведенія его цѣнилъ его геніальный сынъ уже въ возрастѣ юноши, въ бытность свою въ Петербургѣ, а въ дѣтствѣ, при жизни отца, ему нерѣдко случалось во время хлопотъ о театрѣ обращаться къ нему за совѣтами, какъ любителю и знатоку, опытному какъ въ игрѣ, такъ особенно въ постановкѣ пьесъ [2]).

II.

Скудныя свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать объ отцѣ Гоголя, сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что это былъ человѣкъ выросшій и проведшій всю жизнь въ скромной деревенской обстановкѣ, преданный всей душой семьѣ и роднымъ и не чуждый того мечтательнаго романтизма, который въ старину нерѣдко находилъ себѣ пріютъ въ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества. Природа щедро одарила его, какъ бы предназначивъ для широкаго поприща и серьезной умственной дѣятельности, но судьба и обстоятельства жизни не допустили замѣтно выдѣлиться изъ толпы обыкновенныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Ему, повидимому, не приходило и на мысль мечтать о литературной извѣстности; ни личный характеръ, чрезвычайно скромный и удовлетворяющійся немногимъ, ни весь складъ жизни не представляли данныхъ для честолюбія этого рода. Совершенно случайное обстоятельство вызвало творчество Василія Аѳанасьевича, но даже и при этихъ условіяхъ историки украинской литературы отводятъ ему почетное мѣсто въ своихъ трудахъ, и смѣло можно утверждать, что мимо, такъ сказать, рекомендаціи со стороны знаменитаго сына, однѣми комедіями-шутками его имя было бы спасено отъ забвенія.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь родился въ 1780 г. въ своемъ наслѣдственномъ хуторѣ Купчинскомъ, близъ рѣки Голтвы, въ сотнѣ Шишацкой. Впослѣдствіи этотъ хуторъ былъ по его имени названъ Васильевкой, а по прибавочной фамиліи — Яновщиной.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“, 1875, 1, 439.

[2]) Вмѣстѣ съ просьбой о присылкѣ полотна для театра Гоголь высказываетъ однажды надежду, что отецъ не откажется помочь ему въ приготовленіи костюмовъ.—О литературной дѣятельности Гоголя—отца см. въ „Русской Сценѣ“, 1865, № 6 и 7. „Гоголь — отецъ“. „Очерки украинской драматич. литературы“ статья Маруси К. и въ „Основѣ“, 1862, № 2, „Гоголь — отецъ, его комедія „Простакъ“.

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, касающихся ранняго его дѣтства; извѣстно только, что онъ былъ сынъ войскового писаря и воспитаніе получилъ въ Полтавской духовной семинаріи, какъ въ единственномъ тогда заведеніи родного города. „Мужъ мой“, — говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ жена его, Марья Ивановна, — „учился въ Полтавѣ, гдѣ еще не было, кромѣ семинаріи, ничего“. При такомъ отзывѣ Марьи Ивановны, мнѣніе которой могло быть отголоскомъ мнѣнія мужа, можно думать, что развитіемъ своихъ способностей Василій Аѳанасьевичъ былъ обязанъ почти только личной любознательности и живому, наблюдательному уму. Въ этомъ отношеніи судьба его чрезвычайно походитъ на судьбу его знаменитаго сына. Послѣдній, впрочемъ, благодаря исключительному положенію школы, въ которой воспитывался, встрѣтилъ въ ней довольно развитое товарищество, тогда какъ Василій Аѳанасьевичъ, конечно, не могъ особенно похвалиться и въ этомъ отношеніи... Къ счастью, онъ имѣлъ умнаго, хорошо образованнаго отца. Аѳанасій Демьяновичъ, хотя и не принадлежалъ уже къ духовному званію, подобно двумъ ближайшимъ своимъ предкамъ, изъ которыхъ одинъ, какъ мы видѣли, былъ даже служителемъ алтаря, но также, какъ названные предки, прошелъ черезъ семинарію и завершилъ свое образованіе въ Кіевской духовной академіи. Сохранились воспоминанія, указывающія на то, что Аѳанасій Гоголь получилъ въ академіи настолько основательное для своего времени образованіе, что считался знатокомъ языковъ, особенно латинскаго и нѣмецкаго, которые преподавалъ дѣтямъ своихъ деревенскихъ сосѣдей. О самой женитьбѣ его разсказываютъ анекдотъ, что онъ похитилъ изъ родительскаго дома любимую свою ученицу, Татьяну Семеновну Лизогубъ, дочь бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, по матери изъ фамиліи Танскихъ. Онъ предварительно объяснился ей въ любви, скрывъ записку въ скорлупѣ грецкаго орѣха, и, удостовѣрившись во взаимности, обвѣнчался съ нею безъ вѣдома родителей. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ единственный извѣстный случай изъ жизни дѣда нашего безсмертнаго писателя, изображенный послѣднимъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ [1]). Для насъ особенно важно, что родъ Гоголей-Яновскихъ отличался интеллигентностью и любовью къ умственнымъ занятіямъ. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, какъ сынъ помѣщика, уже гораздо меньше заботился о своемъ образованіи. Не предназначая себя по окончаніи курса въ семинаріи къ духовному званію, онъ хотя и

---

[1]) Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что Аѳанасій Демьяновичъ и жена его послужили исключительно прототипами для Аѳанасья Ивановича и Пульхеріи Ивановны, большое сходство съ которыми представляли также, какъ было сказано, старички Зарудные и многіе другіе.

пошелъ, по примѣру отца и дѣда, въ академію [1]), но затѣмъ считалъ свое образованіе вполнѣ законченнымъ. Старинная рутина помѣщичьяго благодушія и скудный выборъ дорогъ при опредѣленіи карьеры побуждали въ тѣ времена большинство молодыхъ людей, не задумываясь о призваніи, идти по слѣдамъ окружающихъ; почти всѣ они посвящали себя сельскому хозяйству и спокойно оставались на всю жизнь въ имѣніяхъ. На девятомъ году отъ роду молодой Гоголь былъ зачисленъ (номинально) въ военную службу корнетомъ, но позднѣе былъ переименованъ гражданскимъ чиномъ и перешелъ на службу въ малороссійскій почтамтъ [2]). По выходѣ въ отставку до самой женитьбы онъ долженъ былъ помогать родителямъ въ ихъ хозяйственныхъ заботахъ и большую часть времени употреблялъ на исполненіе разныхъ мелкихъ порученій. Часто приходилось ему ѣздить въ сосѣднія деревни, особенно Сорочинцы, а когда родители уѣзжали изъ Яновщины, на обязанности молодого человѣка лежало занимать гостей. Вообще онъ игралъ въ домѣ второстепенную роль паныча, которою совершенно удовлетворялся. Самымъ знаменательнымъ событіемъ въ жизни Василія Аѳанасьевича была, конечно, его женитьба на Марьѣ Ивановнѣ Косяровской. Здѣсь особенно выказала себя его романическая натура. Уцѣлѣвшая небольшая переписка съ невѣстой, а потомъ женой, знакомитъ непосредственно съ его личностью и отчасти со степенью его литературнаго образованія. Чтеніе распространенныхъ тогда сентиментальныхъ романовъ должно было оставить замѣтные слѣды въ его душѣ, если въ минуты страстныхъ изліяній у него вырываются выраженія, отзывающіяся складомъ литературныхъ произведеній его времени. Такія выраженія, какъ „наша дружба основана на священныхъ правилахъ честности“, или „я долженъ прикрывать видомъ веселости сильную печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній“, даже выборомъ словъ напоминаютъ стиль карамзинскихъ повѣстей и писемъ... Съ будущей своей женой Василій Аѳанасьевичъ былъ знакомъ еще въ дѣтствѣ; какъ сосѣди, они часто видали другъ друга; но когда красивая дочь помѣщика Косяровскаго, получившая впослѣдствіи отъ тетки своей Трощинской за нѣжный цвѣтъ лица прозваніе бѣлянки, стала подростать, — она произвела сильное впечатлѣніе на своего романтика-сосѣда. Въ

[1]) Въ запискахъ М. И. Гоголь даже не упомянуто о томъ, что ея мужъ былъ въ академіи, и мы лишь случайно узнаемъ объ этомъ фактѣ изъ воспоминаній А. С. Данилевскаго. Мы не основываемся въ данномъ случаѣ на запискахъ М. Ив. Гоголь, потому что она могла просто позабыть отмѣтить эту подробность.

[2]) Свѣдѣніе это заимствуемъ изъ статьи Лазаревскаго: „Очерки малороссійскихъ фамилій“ („Русск. Архивъ“, 1875 г., 4, 452). Непонятнымъ могло бы показаться, какимъ образомъ служба Гоголя отнесена къ 1788 г. (ему было тогда всего 8 лѣтъ), но разъясненіе этого можно найти въ приложеніяхъ къ первому тому „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“.

сердцѣ Василія Аѳанасьевича вспыхнула страсть, увѣнчавшаяся счастливымъ брачнымъ союзомъ, не омраченнымъ ничѣмъ въ продолженіе почти двадцатилѣтней супружеской жизни и оставившимъ въ пережившей мужа подругѣ жизни навсегда самыя свѣтлыя и теплыя воспоминанія. Марья Ивановна втайнѣ отвѣчала на пылкое увлеченіе жениха, но при всемъ томъ не рѣшалась даже читать его письма, которыя она почтительно передавала нераспечатанными отцу или теткѣ. Приводимъ здѣсь вполнѣ эти записки В. А. Гоголя къ невѣстѣ, писанныя на обрывкахъ простой синей бумаги.

1. „Единственный другъ! Итакъ я, полагаясь на ваши увѣренія, осмѣливаюсь назвать васъ другомъ, а болѣе чувствую удовольствіе, что вы, свято почитая добродѣтель, чувствуете цѣну таковой дружбы, основанной единственно на священныхъ правилахъ честности. Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ скукѣ— только къ вамъ писать, а видѣться съ вами нескоро буду. Мои родители ѣдутъ къ вамъ, а я остаюсь дома съ гостьми, а потомъ всюду съ унылымъ сердцемъ по дѣламъ изъ дому. Одно мнѣ осталось облегченіе — видѣть хоть въ одной строкѣ дѣйствіе души вашей. Не лишите меня сего счастія увѣдомить о вашемъ здоровьѣ: оно составляетъ мою жизнь и благополучіе. Прощайте— вашъ вѣчно вѣрный другъ Василій“.

2. „Къ великой моей горести я не могу съ вами ничего поговорить, долженъ холодно обходиться и прикрывать видомъ веселости сильную любовь и печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній! Ахъ, можетъ, вы меня не любите! можетъ, вы перемѣнили ужъ свое намѣреніе, но я ничего не знаю, и отчаяніе ежеминутно терзаетъ мое сердце. Я сегодня долженъ ѣхать, не говоря съ вами! О, какъ несносна для меня сія разлука, тѣмъ болѣе, что я не увѣренъ въ вашей любви. Увѣрьте меня хоть однимъ словомъ, пожалѣйте несчастнаго! Прощайте, вашъ вѣчно усердный Василій“.

3. „Вы мнѣ не отвѣчали на мою записку! вы меня не жалѣете! Ахъ, когда бы вы знали, какая горесть снѣдаетъ меня! Я не могу уже скрыть своей печали. О, несчастнѣйшій, что̀ я сдѣлалъ! Я васъ огорчилъ! Вы меня не простили! Какъ я могу отсюда [1]) удалиться, покуда вы меня не простите! Пожалѣйте! простите! Удостойте меня одной строчки — и я благополученъ. Болѣе не могу писать: перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ...“

4. „Единственный другъ! Нѣкоторая надобность заставляетъ меня пробыть здѣсь [2]) до обѣда. Но я сказалъ вчера тетушкѣ, что рано поѣду и что у васъ не буду. Ахъ, какъ бы я желалъ

[1]) Изъ Яресокъ.

[2]) Въ селѣ Ярескахъ, гдѣ жила тетка Марьи Ивановны; писано съ квартиры.

еще васъ увидѣть! Но совѣстно перемѣнять уже то, что̀ сказалъ. Однакожъ тетушка хотѣла писать матушкѣ. Можетъ, вы будете писать; я посылаю нарочнаго человѣка. О, когда бы мнѣ приказали придти за письмомъ! Прощайте, я не могу выразить, что̀ со мною дѣлается. О Боже, какъ я отсюда выѣду! Прошу васъ, пожалѣйте несчастнаго! Не забудьте вашего вѣчно вѣрнаго друга Василія".

5. „Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастія сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ страшное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце. Прощайте, наилучшій на свѣтѣ другъ! Прошу васъ быть здоровой и не безпокоиться обо мнѣ. Увѣряю васъ, что никто на свѣтѣ не можетъ столь сильно любить, сколько любитъ васъ и почитаетъ вашъ вѣчно вѣрнѣйшій другъ, несчастный Василій. Я завтра ѣду въ Сорочинцы и всячески буду поспѣшать, чтобы скорѣе увидѣться съ вами".

Приписка сбоку:

„Прошу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ. И самъ не знаю, какъ пишу".

Но что̀ за личность была невѣста, эта вдохновительница нашего пламеннаго романтика? Съ нею и съ отношеніями ея къ жениху мы знакомимся изъ отрывочныхъ воспоминаній, набросанныхъ ею въ старости, по просьбѣ извѣстнаго біографа ея сына, П. А. Кулиша.

„Дѣтства своего",—разсказываетъ она въ этихъ запискахъ, „я почти не помню. Отецъ мой былъ женатъ на Марьѣ Ильиничнѣ Шостакъ, служилъ въ военной службѣ, простудился и потерялъ одинъ глазъ, что̀ заставило его выйти въ отставку. Потомъ отецъ мой служилъ въ Орлѣ и оставилъ меня полуторамѣсячной у тетки Анны Матвѣевны Трощинской (сестры отца моего, Ивана Матвѣевича Косяровскаго: у него былъ еще братъ Петръ Матвѣевичъ [1]). У нея былъ сынъ, который служилъ въ Петербургѣ; онъ очень любилъ меня. Тетка сама учила меня, какъ могла. Когда отецъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ за мной, я мало знала родителей и мнѣ очень не хотѣлось оставлять тетку; я много плакала. Дома въ хуторѣ (въ семи верстахъ отъ Васильевки) я увидѣла сестру и брата; но очень грустила за теткой (малороссіанизмъ; вмѣсто—по теткѣ), которая опять взяла меня и я у нея оставалась до двѣнадцати лѣтъ. Потомъ отецъ получилъ мѣсто почтмейстера въ Харьковѣ и взялъ меня отъ тетки, гдѣ я начала учиться съ братомъ, но скоро доктора совѣтовали отцу оставить службу, если не хочетъ потерять совершенно зрѣнія, и мы опять пріѣхали въ свой хуторъ. Въ это время сосѣдъ

[1]) Отецъ Павла и Петра Петровичей Косяровскихъ, о которыхъ см. ниже.

мой по деревнѣ, будущій мужъ мой, пріѣхалъ къ отцу посовѣтоваться о службѣ въ Харьковѣ. Отецъ мой, указывая на насъ, дѣтей, въ разговорѣ сказалъ: „вотъ моя забота!“. Онъ же (Василій Аѳанасьевичъ) подумалъ, глядя на меня: „отъ одной-то я скоро избавлю васъ!“ Такъ онъ послѣ мнѣ разсказывалъ. Тогда мнѣ было всего тринадцать лѣтъ. Я чувствовала къ нему что-то особенное, но оставалась спокойной и думала только о теткѣ, моей второй матери, которой я много разсказывала о своей жизни въ Харьковѣ. Женихъ мой часто навѣщалъ насъ (у тетки, въ мѣстечкѣ Ярескахъ). Онъ иногда спрашивалъ меня, могу ли я терпѣть его и не скучаю ли съ нимъ. Я отвѣчала, что мнѣ съ нимъ пріятно, и дѣйствительно, онъ былъ всегда очень любезенъ и внимателенъ ко мнѣ съ самаго дѣтства. Когда я бывало гуляла съ дѣвушками къ рѣкѣ Пслу, то слышала пріятную музыку изъза кустовъ другого берега. Не трудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома, скрываясь въ садахъ. Когда я разсказывала объ этомъ тетушкѣ, она, улыбаясь, говорила: „вотъ кстати ты вышла гулять! Онъ такъ любитъ природу и, пользуясь хорошей погодой, наслаждается музыкой. Но ты больше не ходи гулять такъ далеко отъ дому“. Одинъ разъ, не найдя меня дома, онъ пошелъ въ садъ. Увидя его, я задрожала, какъ въ лихорадкѣ, и вернулась домой. Когда мы остались одни, онъ спросилъ меня, люблю ли я его; я отвѣчала, что люблю, какъ всѣхъ людей. Удивляюсь, какъ я могла такъ скрывать свои чувства на четырнадцатомъ году. Когда я ушла, онъ сказалъ теткѣ, что очень желалъ бы жениться на мнѣ, но сомнѣвается, могу ли я любить его. Она отвѣчала, что я люблю его, что я доброе дитя и могу быть хорошей женой, что она увѣрена, что я люблю его, потому что скучаю, когда долго его не вижу, а что я такъ отвѣчала потому, что боюсь мужчинъ, наслышавшись отъ нея, какіе они бываютъ лукавые. Когда онъ уѣхалъ, тетка позвала меня и передала мнѣ его предложеніе. Я сказала, что боюсь, что подруги будутъ смѣяться надо мной; но она меня урезонила, и насъ сговорили. Родители взяли меня къ себѣ, чтобы приготовить кое-что, и я уже не такъ скучала, потому что женихъ мой часто пріѣзжалъ, а когда не могъ пріѣхать, то писалъ письма, которыя я, не распечатывая, отдавала отцу. Читая ихъ, онъ, улыбаясь, говорилъ: „видно, что начитался романовъ!“ Письма были наполнены нѣжными выраженіями, и отецъ диктовалъ мнѣ отвѣты. Письма жениха я всегда носила съ собой. Свадьба наша назначалась черезъ годъ. Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, насъ перевѣнчали въ мѣстечкѣ Ярескахъ; потомъ мужъ мой уѣхалъ, а я осталась у тетки, оттого что еще была слишкомъ молода; потомъ гостила у родителей, гдѣ часто съ нимъ видалась.

Но въ началѣ ноября онъ сталъ просить родителей отдать ему меня, говоря, что не можетъ болѣе жить безъ меня. Такъ вмѣсто году я пробыла у нихъ одинъ мѣсяцъ. Они благословили меня и отпустили. Онъ меня привезъ въ деревню Васильевку, гдѣ встрѣтили насъ отецъ и мать. Они приняли меня какъ родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надѣвала на меня свои старинныя вещи. Любовь ко мнѣ мужа была неописанная; я была вполнѣ счастлива. Онъ былъ старѣе меня на тринадцать лѣтъ. Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома".

Такъ просто ведетъ Марья Ивановна задушевную повѣсть о красныхъ дняхъ своей жизни, не вдаваясь въ лишнія подробности и не теряя нити воспоминаній. Свободно и легко изливается на бумагу эта исповѣдь сердца и естественность придаетъ прелесть разсказу. Подобныя отношенія счастливой супружеской четы еще не особенная рѣдкость, но не всегда они выдерживаютъ продолжительный искусъ и не всякая женщина способна такъ занимательно и толково изобразить ихъ. Сравнивая это плавное изложеніе съ пріемами рѣчи Марьи Ивановны въ обыденныхъ письмахъ, невольно дивишься и чистому языку (за исключеніемъ немногихъ провинціализмовъ) и нѣкоторому мастерству разсказа для женщины такого скромнаго образованія. Сила искренняго чувства и правдивость открытой души помогли ей справиться съ непривычкой къ правильному выраженію мыслей, а глубокая привязанность къ покойному мужу, тогда уже полвѣка лежавшему въ могилѣ, не допустила ее до рисовки и аффектаціи, неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ кроется фальшь.

Замѣчательно, что самый бракъ съ ея „единственнымъ другомъ" представлялся Марьѣ Ивановнѣ освященнымъ свыше. Въ другомъ мѣстѣ она передаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Четырнадцати лѣтъ меня выдали за моего добраго мужа, въ семи верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Онъ меня тогда увидалъ, не имѣющую году, и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моего дѣтства" [1]. Такимъ образомъ чувство любви къ мужу имѣло у нея и нѣкоторую мистическую окраску.

Бракосочетаніе совершилось въ 1807 году. Молодые зажили счастливой семейной жизнью и въ ветхомъ деревенскомъ домикѣ Яновщины царствовали миръ и согласіе. Характеры обоихъ супруговъ въ высшей степени благопріятствовали полному ладу между ними. Василій Аѳанасьевичъ въ домашней сферѣ отличался замѣчательной мягкостью и добротой, такъ что никто въ домѣ не чувствовалъ суровой власти господина. Легко представить себѣ,

[1]) „Записки о жизни Гоголя", т. 1, стр. 17.

какъ любили его свои, когда и посторонніе находили въ его обществѣ отраду и отдыхъ. Таковъ же онъ былъ въ обхожденіи съ прислугой и крѣпостными; всѣ случайныя ихъ неловкости и проступки онъ обращалъ въ шутку, будучи не охотникомъ до строгихъ взысканій. Не станемъ распространяться о гостепріимствѣ Василія Аѳанасьевича, такъ какъ оно достаточно извѣстно; замѣтимъ только, что, можетъ быть, слишкомъ выдвигаютъ обыкновенно неотразимо обаятельное дѣйствіе, которое его личность производила на окружающихъ. Вѣрное въ своемъ основаніи, такое представленіе грѣшитъ поэтическимъ преувеличеніемъ. Проще и вѣрнѣе характеризуетъ его по воспоминаніямъ извѣстный товарищъ и лучшій другъ Н. В. Гоголя, А. С. Данилевскій, слѣдующими словами: — „онъ былъ человѣкъ въ высшей степени интересный, безподобный разсказчикъ“. Эта-то способность его и была, конечно, причиной, что Трощинскій сталъ побуждать его впослѣдствіи сочинять пьесы для сцены.

Несомнѣнно, что, въ свою очередь, и Василій Аѳанасьевичъ нашелъ въ окружающей средѣ много добраго и привлекательнаго и это все болѣе и болѣе должно было привязывать его къ домашнему очагу и направлять по той дорогѣ, которую указали ему обстоятельства.

Деревню онъ оставлялъ крайне неохотно для рѣдкихъ поѣздокъ въ Полтаву и Миргородъ, но оставался тамъ недолго и всегда спѣшилъ къ семьѣ. Однажды только рѣшился было онъ оставить Яновщину для службы въ губернскомъ городѣ, но и тогда единственной побудительной причиной было желаніе служить при вліятельномъ родственникѣ. Это было въ 1806 году, когда Д. П. Трощинскій, выйдя въ отставку, переселился изъ Петербурга въ свое помѣстье Кибинцы (Миргородскаго повѣта) и былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе маршалы, или предводители. Гоголь занялъ при немъ мѣсто секретаря, но скоро соскучился и вышелъ въ отставку. Не будь Трощинскаго, Василію Аѳанасьевичу не пришло бы и въ голову переѣзжать въ городъ и надѣвать чиновничій мундиръ. Не смотря на ограниченность средствъ, въ службѣ онъ не нуждался и, чуждый по природѣ мелкаго честолюбія, никогда серьезно ея не искалъ. Въ другой разъ подумывалъ Василій Аѳанасьевичъ уже со всѣмъ семействомъ двинуться въ Полтаву и ради воспитанія дѣтей просить должности. Это было въ то время, когда онъ отдавалъ своихъ сыновей въ гимназію. Но здѣсь главную роль играла, конечно, родительская нѣжность; по крайней мѣрѣ, онъ легко отказался отъ своей мысли, когда по смерти одного изъ сыновей ему удалось устроить другого въ Нѣжинѣ, а такъ какъ вскорѣ, благодаря ходатайству всесильнаго Трощинскаго передъ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, послѣдній принялъ на себя

безплатное обученіе Никоши, то больше для переѣзда въ городъ не представлялось уже ни малѣйшаго повода.

Большое разнообразіе было внесено въ мирную жизнь Гоголей-Яновскихъ переѣздомъ Трощинскаго въ Малороссію. До того времени Василій Аѳанасьевичъ не встрѣчалъ въ окружающей обстановкѣ ровно ничего, что̀ бы могло ему указать на возможность иной жизни, болѣе соотвѣтствующей его природнымъ задаткамъ. Его эстетическая натура проявляла себя и въ крупныхъ, и въ мелкихъ вещахъ, но никому не приходило въ голову серьезно взглянуть на ея указанія, а самъ Василій Аѳанасьевичъ, повидимому, былъ всего менѣе склоненъ прислушиваться къ влеченію своей природы. Онъ какъ бы не чувствовалъ того могучаго голоса, который съ ранняго дѣтства призывалъ къ великой будущности прославившаго его сына, что̀ вполнѣ объясняется совершеннымъ отсутствіемъ въ окружающей средѣ како́го-либо намека на серьезный умственный трудъ. Замѣчательно, напримѣръ, что онъ любилъ при всякомъ удобномъ случаѣ писать стихи; но, упражняясь въ поэзіи, онъ единственно забавлялся способностью, шутя, безъ усилій, сочинять вирши. Мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать заключенія о качествахъ этихъ поэтическихъ упражненій; но отзывъ Марьи Ивановны заставляетъ думать, что мужъ ея вообще легко относился къ своимъ литературнымъ опытамъ, не придавая имъ никакого значенія. „Мужъ мой“,—разсказываетъ Марья Ивановна, — „иногда писалъ стихи, но ничего серьезнаго. Къ знакомымъ онъ писалъ иногда письма въ стихахъ, болѣе комическаго характера. Онъ имѣлъ природный умъ, любилъ природу и поэзію“. Уже эти слова женщины, далекой отъ литературы, сумѣвшей, однако, оцѣнить эстетическія наклонности мужа, не лишены интереса. Но есть большое основаніе предполагать, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ Василій Аѳанасьевичъ могъ бы заявить себя чѣмъ-нибудь болѣе крупнымъ сравнительно съ двумя комедіями, случайно имъ сочиненными и затѣмъ, особенно благодаря громкой извѣстности сына, обратившими на себя вниманіе общества и критики. Прежде всего, живя безвыѣздно въ деревнѣ, онъ, конечно, долго не имѣлъ возможности удовлетворять своей любви къ чтенію. „Книгами мы пользовались изъ библіотеки Трощинскаго“, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Марья Ивановна. Но такой путь для обогащенія ума открылся для Василія Аѳанасьевича уже почти въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, когда строй жизни его давно опредѣлился и когда по воспитанію, образовавшимся привычкамъ и складу характера онъ окончательно сдѣлался мирнымъ сельскимъ жителемъ. Исполняя желаніе Трощинскаго, Василій Аѳанасьевичъ удовлетворялъ, конечно, и внутренней потребности творить, но смотрѣлъ на дѣло по обыкновенію легко, низводя

свой трудъ на степень простой забавы. Одинъ суровый критикъ драматическихъ пьесъ Гоголя-отца видитъ въ нихъ даже преступленіе противъ народа, полагая, что въ нихъ бары насмѣхались надъ языкомъ, нравами и обычаями того народа, который кормилъ ихъ. Непонятно, откуда авторъ приведенныхъ мнѣній почерпнулъ свѣдѣнія о насмѣшливомъ и презрительномъ отношеніи къ народу такого любителя родной Малороссіи и ея преданій, какимъ былъ Д. П. Трощинскій. Но любопытно, что и этотъ критикъ признаетъ, что „въ комедіи Гоголя нѣтъ ни фарса, ни вычурныхъ фразъ, ни лишнихъ лицъ и рѣчей; у него все „у себя дома, все на мѣстѣ". Согласно другому отзыву, гораздо болѣе авторитетному, В. А. Гоголь, „будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени,—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ (?) дворянами родномъ быту, и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи".

Но и въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ этихъ полушутливыхъ литературныхъ опытовъ, сближеніе съ Трощинскимъ было полезно Василію Аѳанасьевичу, не говоря уже о томъ, что маленькій его Никоша много выигралъ для своего эстетическаго развитія, имѣя случай близко видѣть интеллигентную среду, окружавшую Трощинскаго. Справедливо и мѣтко называетъ Кулишъ, въ одной изъ своихъ статей, Кибинцы (имѣніе Трощинскаго) „Аѳинами временъ Гоголева-отца". Неумолимое время не пощадило никакихъ слѣдовъ былого великолѣпія Кибинцевъ; не уцѣлѣли ни богатая избранная библіотека, ни рѣдкія, дорогія картины, ни прекрасная мебель или коллекціи оружія, монетъ, медалей и даже табакерокъ, ни даже такія вещи, какъ бюро королевы Маріи Антуанеты и принадлежавшіе ей великолѣпные фарфоровые часы и подсвѣчники. Все продано, все исчезло! Но кто зналъ Кибинцы въ дни ихъ величія и славы, тѣ не могутъ и теперь безъ увлеченія вспомнить объ этомъ сказочномъ міркѣ. Все здѣсь говорило, что хозяинъ былъ человѣкъ просвѣщенный, съ тонкимъ вкусомъ и большой разносторонней любознательностью. Много было приманокъ, привлекавшихъ сюда всѣхъ, кто имѣлъ возможность проникнуть въ кибинцскіе чертоги. Здѣсь былъ вѣчный пиръ въ праздникъ и въ будни. Кто бы и когда ни подъѣзжалъ къ господскому дому въ Кибинцахъ, уже издалека начиналъ различать звуки домашняго деревенскаго оркестра, казавшіеся сначала какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ и становившіеся по мѣрѣ приближенія все явственнѣе и громогласнѣе, и, наконецъ, передъ путникомъ выросталъ величавый домъ Трощинскаго съ примы-

кавшими къ нему безчисленными флигелями и службами. Домъ этотъ походилъ больше на обширный клубъ или гостинницу, чѣмъ на обыкновенный домашній очагъ. Все было поставлено въ немъ на широкую ногу, всего было въ изобиліи и вездѣ блистали изящество и красота. Гостей въ Кибинцахъ круглый годъ бывало такъ много, что исчезновеніе однихъ и появленіе другихъ было почти незамѣтно въ этомъ волнующемся морѣ. Большинство изъ нихъ пользовались особыми помѣщеніями и всевозможнымъ комфортомъ: каждому присылался въ его комнату чай, кофе или десертъ, и лишь къ обѣду всѣ должны были въ строго опредѣленный часъ собираться по звонку. До какихъ широкихъ размѣровъ доходило хлѣбосольство Трощинскаго, показываетъ слѣдующій примѣръ. По словамъ друга Н. В. Гоголя, А. С. Данилевскаго, однажды былъ преоригинальный случай съ какимъ-то артилерійскимъ офицеромъ Б***. Онъ попалъ въ Кибинцы случайно передъ именинами Трощинскаго и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обласкали, и ему такъ понравилось у Трощинскихъ, что онъ такъ и остался у нихъ проживать года на три. Впрочемъ, при всемъ гостепріимствѣ Трощинскій былъ нѣсколько натянутъ и не особенно привѣтливъ въ обращеніи. А. С. Данилевскій передаетъ, что много разъ случалось ему бывать въ Кибинцахъ и Ярескахъ вмѣстѣ съ Н. В. Гоголемъ и гостить подолгу, но Трощинскій едва ли промолвилъ съ ними даже слово. Съ гостями онъ вообще бесѣдовалъ мало и любилъ при нихъ раскладывать граппасьянсъ. Передъ обѣдомъ гости, располагаясь въ разныхъ концахъ столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконецъ, появлялся Дмитрій Прокофьевичъ, всегда въ полномъ парадѣ, во всѣхъ орденахъ и лентахъ, задумчивый, суровый, съ выраженіемъ скуки или утомленія на умномъ старческомъ лицѣ. Усвоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерывъ со всѣхъ сторонъ знаки подобострастія давали ему видъ козырного короля среди этой массы людей. При всемъ томъ это былъ человѣкъ очень добрый, готовый помогать и оказывать покровительство, кому было возможно...

У этого-то „царька“, какъ называли въ сосѣдствѣ Трощинскаго, Василій Аѳанасьевичъ состоялъ на правахъ родственника, хотя они далеко не были на равной, дружеской ногѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Несмотря на то, что просвѣщенный сановникъ умѣлъ цѣнить способности Гоголя, особенно драматическія, и знаніе горячо любимой Малороссіи, онъ, все-таки, не дѣлалъ для него исключенія въ характерѣ своихъ отношеній къ окружающимъ и всегда держалъ его на извѣстномъ разстояніи. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ, имѣя несомнѣнныя преимущества передъ толпой случайныхъ посѣтителей Кибинцевъ, и самъ не становился

съ Трощинскимъ на одну доску, чего не допускала значительная разница между ними и въ возрастѣ, и въ положеніи. Относясь къ Трощинскому, какъ къ покровителю, онъ раздѣлялъ съ другими чувство благоговѣнія передъ нимъ, что, конечно, исключало уже всякую возможность панибратства. Но во время пріѣздовъ своихъ въ Кибинцы Василій Аѳанасьевичъ могъ свободно располагаться въ предоставленномъ въ его полное распоряженіе флигелѣ и помѣстить въ немъ всю семью, хотя, какъ человѣкъ деликатный, онъ лишь въ крайности думалъ было однажды воспользоваться этимъ правомъ [1]). Кромѣ того, къ его услугамъ былъ экипажъ, люди для посылокъ, наконецъ, онъ могъ во всякое время пользоваться совѣтами домашнихъ врачей Трощинскаго. Случалось, что и самъ Дмитрій Прокофьевичъ пріѣзжалъ къ нему, а потомъ ко вдовѣ его, со всѣмъ штатомъ, съ челядью и шутами. Въ дѣлахъ практической важности Трощинскій всегда оказывалъ содѣйствіе любимому родственнику и его семьѣ. Итакъ сношенія съ Трощинскимъ вносили, повторяемъ, большое разнообразіе въ жизнь васильевскихъ помѣщиковъ, давая имъ возможность многое видѣть и узнавать.

Въ запискахъ Марьи Ивановны мы находимъ всего нѣсколько строкъ о посѣщеніяхъ ею и мужемъ Кибинцевъ: „Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома. Потомъ мы проживали у Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, который, поселясь въ Ма-

---

[1]) Однажды онъ писалъ женѣ: „Мнѣ очень жаль, что ты не соглашаешься выѣхать изъ дому съ дѣтьми. Анна Матвѣевна Трощинская и старики помѣстили бы васъ, да и въ Кибинцахъ можно бы быть тебѣ безъ всякихъ затрудненій: я весь флигель одинъ занимаю. О, какъ бы мы были счастливы вмѣстѣ!“ На это послѣдовалъ, однако, категорическій отказъ со стороны Марьи Ивановны, которая и сама въ каждомъ письмѣ высказывала желаніе поскорѣе увидѣть себя подъ одной кровлей съ любимымъ мужемъ. В. А — чу казалось болѣе удобнымъ предпочесть для своихъ скромное помѣщеніе у женниной тетки; такъ же думала Марья Ивановна: „Какія у тебя, мой другъ, мрачныя мысли! Ты воображаешь себѣ, что у насъ въ деревнѣ повальная болѣзнь, и чтобы мнѣ выѣхать съ такимъ семействомъ къ нашимъ старикамъ или тетенькѣ. Ну, какъ можно и въ обоихъ этихъ домахъ помѣстить насъ! и гдѣ? развѣ въ Кибинцахъ? но и тамъ не выгодно со всѣми дѣтьми: вѣдь это не шутка подняться со всей семьей, и надобно, по крайней мѣрѣ, рублей сто, чтобы обмундировать прилично въ такомъ домѣ кормилицу, а когда Богъ дастъ (новорожденнаго), то и другую, а дома мнѣ ихъ одѣяніе ничего не будетъ стоить. И такъ всѣ говорятъ и думаютъ, что мы богаты, а будто отъ скупости не хотимъ ничего имѣть, а не знаютъ нашей иногда крайней нужды. Но когда бы, Боже сохрани, въ самомъ дѣлѣ какая опасность, тогда бы нечего разсуждать о выгодѣ, но у насъ, благодаря милосердаго Бога, ни одной души больной, кромѣ Агаѳья *) не выздоровѣла“ и проч. Также стѣснялся и Н. В. Гоголь иногда заѣзжать по дорогѣ изъ Нѣжина въ Кибинцы. „Прошу васъ, дражайшая маменька, распорядиться такъ, чтобы намъ не заѣзжать въ Кибинцы, ибо платья у меня совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, которое на мнѣ“. Но съ другой стороны онъ могъ свободно пользоваться книгами изъ библіотеки Трощинскаго: „Сдѣлайте милость, пришлите намъ на дорогу, для разогнанія скуки долго оставаться на постоялыхъ дворахъ, нѣсколько книгъ изъ Кибинцевъ“. (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 13 и 24).

*) Агаѳья или Гапа — няня Н. В. Гоголя.

лороссіи, рѣдко насъ отпускалъ домой. Тамъ я видѣла все, чего не искала въ свѣтѣ: и балы, и театры, и отличное общество; бывали даже пріѣзжіе изъ обѣихъ столицъ. Но я всегда была рада ѣхать къ себѣ въ деревню".

Не воспитавъ и не обработавъ свой талантъ, Василій Аѳанасьевичъ не сдѣлался также хорошимъ помѣщикомъ, къ чему, впрочемъ, не имѣлъ никакого призванія. По крайней мѣрѣ, онъ не пріобрѣлъ въ этой области выдающейся опытности и познаній, какъ того можно было ожидать отъ человѣка его дарованій, прожившаго весь вѣкъ въ деревнѣ [1]). И какъ деревенскій житель, Василій Аѳанасьевичъ отличался преимущественно эстетическими наклонностями, которыя обнаруживались въ любви къ саду и полямъ, въ упоеніи мелодичнымъ пѣніемъ соловьевъ и въ тонкомъ вкусѣ, проявляемомъ въ выборѣ и покупкѣ вещей для дома, наконецъ, въ планахъ, составляемыхъ относительно дома, усадьбы. Въ саду онъ любилъ устраивать изящные гротики, красивыя бесѣдки. Въ немъ онъ проводилъ цѣлые дни, не замѣчая времени за работами, или, любуясь посаженными имъ подрастающими деревьями, изъ которыхъ многія донынѣ сохранились въ обширномъ саду Васильевки [2]).

Каждая дорожка, каждая аллея носила у него особыя названія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ его сентиментальные вкусы, какъ, напр., „долина спокойствія", находившаяся въ сосѣднемъ съ Васильевкой лѣску Яворивщинѣ (отъ слова яворъ), излюбленномъ мѣстѣ прогулокъ какъ Василія Аѳанасьевича, такъ и Николая Васильевича [3]). Къ сожалѣнію, протекшее полустолѣтіе наложило свою желѣзную руку на многое и въ этой усадьбѣ

---

[1]) „Онъ былъ человѣкъ хорошій, нравственный, правдивый, но особенно практическимъ не былъ". Такъ характеризовала Василія Аѳанасьевича по воспоминаніямъ матери, дочь его, Анна Васильевна Гоголь.

[2]) Любопытно, что, будучи человѣкомъ мягкимъ и уступчивымъ по натурѣ, онъ настоятельно требовалъ, чтобы никто не смѣлъ стукомъ разгонять соловьевъ и не позволялъ поэтому мыть бѣлье на прудѣ, находящемся въ Васильевкѣ посреди сада.

[3]) Не можемъ не упомянуть, что Н. В. Гоголь унаслѣдовалъ отъ отца эту страсть, при чемъ даже въ предпочтеніи однихъ деревьевъ другимъ вкусы сына поразительно совпадали съ вкусами отца (любимыми деревьями обоихъ были дубы и клены). Въ памяти писателя дорогой образъ отца живо возстаетъ именно въ связи съ представленіемъ о садѣ и весеннихъ работахъ въ немъ. „Весна приближается, время самое веселое, когда весело можемъ провести его. Это-то время обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ бывало, съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанной дорожкой... Признаюсь, какъ бы я желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ прежде, жаркій охотникъ въ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя". (Соч. и письма Гог., т. V, стр. 49—50).

(въ томъ числѣ и на „долину спокойствія"), да и самый лѣсокъ вырубленъ на продажу лѣтъ двадцать тому назадъ [1]).

Возвращаясь къ разсказу Марьи Ивановны, не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что ея записка почти исключительно посвящена разсказу о мужѣ, такъ что этимъ оттѣснены на второй планъ даже воспоминанія объ обожаемомъ сынѣ, о которомъ она говоритъ только вскользь. Какъ видно, дорогая ей память о счастливыхъ годахъ замужества заслоняла для нея всю послѣдующую жизнь. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ она съ особенной любовью и обстоятельностью передаетъ только о другомъ важнѣйшемъ событіи своей жизни—о построеніи храма въ Васильевкѣ.

„Церкви еще у насъ не было и люди оттого терпѣли много неудобствъ, особенно въ дурную погоду и при переѣздахъ черезъ рѣку Голтву. Я начала просить мужа строить церковь. Онъ удивился и сказалъ: „Помилуй! какъ мы будемъ строить церковь, когда у меня нѣтъ и 500 рублей!" а я отвѣчала, что Богъ поможетъ. Въ это время пріѣхала маменька [2]) и начала также уговаривать. И видно, что на это было Божье соизволеніе, потому что все начало устраиваться какъ бы само собою: на другой день пріѣхалъ архитекторъ италіанецъ, жившій у Дм. П. Трощинскаго. Онъ охотно сдѣлалъ планъ маленькой церкви для своей деревни (двѣсти душъ) и кстати явился каменщикъ, искавшій работы. Когда ему показали планъ и спросили, что онъ возьметъ за то, чтобы надѣлать кирпичъ съ нашими рабочими, онъ потребовалъ пять тысячъ и приступилъ къ работѣ. Онъ бралъ деньги по частямъ, но требовалъ прибавки, сожалѣя, что дешево запросилъ. Мы ему прибавили еще тысячу рублей. Итакъ, съ Божіей помощью, церковь была окончена вчернѣ въ теченіе двухъ лѣтъ [3]). Потомъ мы поѣхали въ Ромны на Ильинскую [4]) ярмарку и перемѣнили старинное серебро на церковныя вещи. И чрезъ три года послѣ постройки началось служеніе".

Впослѣдствіи, по смерти мужа, Марья Ивановна много заботилась объ изготовленіи плащаницы для церкви и въ продолженіе почти цѣлаго года, какъ увидимъ ниже, въ каждомъ письмѣ къ одному изъ родственниковъ, жившему въ Одессѣ и слѣдившему за исполненіемъ работы, освѣдомлялась о ходѣ дѣла.

---

[1]) Многое и теперь напоминаетъ, по крайней мѣрѣ, въ Васильевкѣ, ея незабвенныхъ хозяевъ. Въ серединѣ сада тянется длинная тѣнистая аллея, представляющая эффектную перспективу съ обоихъ концовъ; неподалеку отъ нея проходитъ дорожка, по обѣимъ сторонамъ которой почти всѣ деревья посажены рукою Николая Васильевича, а нѣкоторыя и Василія Аѳанасьевича.

[2]) Марья Алексѣевна Шостакъ.

[3]) Говорятъ, что обѣтъ построить церковь въ Васильевкѣ былъ данъ Марьей Ивановной передъ рожденіемъ Н. В. Гоголя послѣ двухъ неудачныхъ родовъ.

[4]) Впослѣдствіи эта ярмарка была перенесена въ Полтаву.

II. КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ДѢТСТВѢ ГОГОЛЯ И О ДОМАШНЕЙ СРЕДѢ ЕГО ДО ПОСТУПЛЕНІЯ ВЪ ШКОЛУ.

Н. В. Гоголь родился 19 марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, находящемся на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Случайное обстоятельство было причиной пріѣзда матери Гоголя передъ родами въ Сорочинцы: ее привело туда опасеніе, послѣ двухъ неудачныхъ родовъ, за жизнь будущаго ребенка и надежда на помощь и искусство мѣстнаго врача (Трахимовскаго). Вслѣдствіе той же боязни ею былъ данъ обѣтъ, если родится сынъ, назвать его Николаемъ въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Свѣдѣнія эти сообщены Г. П. Данилевскимъ на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, тогда какъ прежде родиной Николая Васильевича ошибочно считали Васильевку, родовое имѣніе его отца [1]). Въ статьѣ Данилевскаго есть также нѣкоторыя свѣдѣнія и о раннихъ годахъ дѣтства Гоголя, которыя могли бы быть драгоцѣнны при отсутствіи иныхъ данныхъ, если бы они не были до нѣкоторой степени разсчитаны на эффектъ разсказа,—о томъ, напр., что Гоголь, „*трехъ лѣтъ* отъ роду(!), не учась грамотѣ у учителя, уже бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ“; что онъ рано началъ писать стихи и что однажды извѣстный поэтъ-сатирикъ Капнистъ, навѣщавшій по сосѣдству семейство Гоголей, захотѣлъ увидѣть эти стихотворческіе опыты и сталъ настаивать, чтобы Гоголь прочелъ ему что-нибудь; послѣ нѣкоторыхъ колебаній малютка-Гоголь будто бы съ важностью исполнилъ его просьбу, и Капнистъ призналъ въ немъ зародыши дарованія... Интереснѣе и правдоподобнѣе сообщеніе о томъ, что отецъ Гоголя во время прогулокъ заставлялъ своихъ дѣтей что-нибудь импровизировать, при чемъ всегда торжествовалъ Николай Васильевичъ, уже обнаруживавшій большую находчивость...

Разсмотримъ теперь вліяніе родителей Гоголя на ихъ геніальнаго сына.

Какъ авторъ нѣсколькихъ комедій изъ малороссійскаго быта, разыгранныхъ на домашней сценѣ его родственника Трощинскаго,

---

[1]) См. статью Кулиша, „Отеч. Зап.“, 1852, 4. Въ свѣдѣніяхъ о времени рожденія Гоголя есть также разногласія и неточности. Годомъ рожденія сначала былъ указанъ въ статьѣ Кулиша 1808. Свѣдѣніе это могло быть заимствовано изъ предисловія къ французскому переводу повѣстей Луи Віардо, который составилъ предисловіе со словъ И. С. Тургенева.

В. А-чъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовалъ развитію въ мальчикѣ эстетическаго вкуса и наклонности къ юмору, но во всякомъ случаѣ онъ умеръ слишкомъ рано, чтобы имѣть серьезное вліяніе на сына, которое поэтому едва ли могло оставить болѣе или менѣе глубокіе слѣды. Участіе его въ развитіи ребенка, кромѣ наслѣдственности, могло имѣть значеніе не столько самостоятельное и рѣзко выдающееся, сколько какъ отдѣльное звено въ общей совокупности условій, согласно дѣйствовавшихъ въ смыслѣ образованія личности.

Но если нельзя допустить болѣе дѣйствительнаго вліянія на Гоголя со стороны его отца, то любовь его къ послѣднему видна какъ изъ писемъ, при жизни его, такъ съ особенною яркостью проявляется въ нѣкоторыхъ письмахъ къ матери вскорѣ послѣ его смерти. Въ одномъ изъ нихъ Гоголь съ грустью говоритъ напр. о томъ, что онъ хотѣлъ послать свое сочиненіе и нѣсколько картинокъ папенькѣ, но „видно ему не угодно было ихъ видѣть“ [1]). Въ другомъ письмѣ, проникнутомъ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, рядомъ съ изліяніемъ самыхъ пылкихъ мечтаній о будущемъ, онъ вдругъ вспоминаетъ съ чувствомъ объ отцѣ, образъ котораго, по его словамъ, „одушевляетъ его въ трудномъ пути жизни и въ минуты горя разсвѣтляетъ сгустившіяся думы“ [2]).

Не меньшею любовью Гоголя пользовалась и мать его Марья Ивановна.

По нашему мнѣнію, отношенія Гоголя къ матери должны быть опредѣлены со всею точностью; они заслуживаютъ самаго тщательнаго и полнаго изученія, какъ по степени ихъ значенія, такъ и по мѣсту, занимаемому ими въ ряду вопросовъ, разъясненіе которыхъ еще возможно на основаніи существующихъ источниковъ. Много было говорено въ біографическихъ статьяхъ о Гоголѣ о вліяніи на его развитіе всей родственной среды, особенно отца и дѣда, наконецъ самой домашней обстановки, воспитавшей въ немъ любовь къ Малороссіи и сообщившей его творчеству нѣкоторыя черты національнаго юмора. Но при этомъ постоянно упускалось изъ виду, что подобнымъ вліяніемъ до нѣкоторой степени онъ могъ быть обязанъ въ раннемъ возрастѣ и матери, напр. она также отличалась, по словамъ Гоголя (въ одномъ изъ первыхъ петербургскихъ писемъ), въ довольно почтенной степени знакомствомъ съ малороссійскимъ бытомъ [3]). Въ образованіи *нравственной личности Гоголя* изъ всѣхъ близкихъ къ нему людей едва ли не ей принадлежитъ главное мѣсто, о чемъ можно предполагать уже по продолжительности этого вліянія, сохранявшаго

[1]) Соч. и письма Гоголя, V, 21 стр.
[2]) Тамъ же, стр. 50.
[3]) „Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ. Вы много знаете нравы и обычаи малороссіянъ нашихъ“. (V т., стр. 81).

свою силу въ самый важный періодъ образованія характера сына. Во время его юности она являлась, какъ видно изъ писемъ, наиболѣе интимною его собесѣдницей, такъ какъ ей онъ повѣрялъ занимавшія его мысли и томившія заботы. Ее онъ называетъ въ письмѣ къ Косяровскому ангеломъ-хранителемъ своимъ, рѣдкою матерью, также великодушною, достойнѣйшею изъ всѣхъ матерей [1]).

Важнѣйшія данныя для опредѣленія степени и характера вліянія на Гоголя его матери даетъ намъ одно изъ петербургскихъ его писемъ, когда онъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, оглядываясь на прошедшее, дѣлаетъ довольно обстоятельную оцѣнку первоначальнаго своего воспитанія. Искренній и свободный отъ какихъ бы то ни было панегириковъ тонъ письма дѣлаетъ его особенно интереснымъ. Озабоченный будущностью одной изъ меньшихъ сестеръ и раздѣляя о ней попеченія матери, Гоголь даетъ послѣдней практическіе совѣты, то рекомендуя пользоваться уже испытанными на себѣ педагогическими пріемами, то напротивъ предостерегая отъ повторенія сдѣланныхъ уже однажды ошибокъ. Въ ряду мнѣній, высказанныхъ имъ по этому поводу, особенное вниманіе обращаетъ на себя между прочимъ, вѣроятно, не лишенный основанія упрекъ въ неумѣломъ обращеніи съ нимъ,— упрекъ, объясняющій многое въ сложившемся у него характерѣ. Изъ собственнаго сознанія Гоголя можно убѣдиться, что позднѣйшее его самомнѣніе было до нѣкоторой степени естественнымъ и весьма обычнымъ плодомъ неумѣреннаго обожанія и излишней нѣжности, которыми часто окружаютъ своихъ первенцевъ неопытныя матери. „Я помню", говоритъ онъ, „я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство" [2]). При подобномъ воспитаніи подъ вліяніемъ различныхъ условій и неодинаковыхъ природныхъ задатковъ, какъ извѣстно, люди выходятъ или крайними эгоистами, или по крайней мѣрѣ чрезмѣрно самонадѣянными, если они не лишены души и сердца. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ, можетъ быть, отнести Гоголя. Въ общемъ сдѣланная имъ оцѣнка собственнаго воспитанія оказалась очень сочувственная и, конечно, не безъ основанія. Не стѣсняясь серьезно и искренно указывать нѣкоторые недостатки въ своемъ воспитаніи, онъ даетъ о немъ отзывъ, полный любви и благодарности, и съ увлеченіемъ восклицаетъ: „Я очень помню, какъ вы меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все

---

[1]) „Русск. Стар.", 1875, I, 43—44.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 186.

усиліе воспитать меня". Особенное одобреніе и сочувствіе возбуждаютъ въ немъ воспоминанія разсказовъ матери о страшномъ судѣ, которые въ немъ „потрясли и разбудили всю чувствительность, заронили впослѣдствіи самыя высокія мысли".

Основа религіознаго чувства, имѣвшаго столь важное значеніе въ жизни Гоголя и наложившаго яркій отпечатокъ на всѣ его взгляды и убѣжденія, была заложена, слѣдовательно, по его собственному сознанію, еще въ раннемъ дѣтствѣ все тою же заботливою и любящею матерью. При несомнѣнно искреннемъ благочестіи она, естественно, не могла не обратить особеннаго вниманія на эту важнѣйшую задачу воспитанія. Впрочемъ путь и пріемы, которыми она стремилась возбудить въ ребенкѣ религіозное чувство, не были вполнѣ одобрены Гоголемъ, находившимъ, что родители рѣдко бываютъ вполнѣ хорошими воспитателями своихъ дѣтей, и что мать его не составляла исключенія изъ общаго правила. Высказывая эту мысль, Гоголь имѣлъ въ виду, кромѣ упомянутаго недостатка въ обращеніи съ нимъ, способствовавшаго, какъ мы видѣли, развитію самонадѣянности, также неправильное развитіе религіознаго чувства; онъ возражаетъ противъ излишняго формализма, выразившагося въ заботахъ пріучить ребенка прежде всего къ неуклонному почитанію обрядовой стороны, при невниманіи къ надлежащему объясненію непонятной для дитяти сущности религіи. „На все глядѣлъ я безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня, но, стоя въ ней, я ничего не видѣлъ кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся"...

III. ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ.

Около десяти лѣтъ отъ роду Гоголь былъ отвезенъ въ Полтаву и отданъ вмѣстѣ съ братомъ для приготовленія въ мѣстную гимназію къ одному изъ служившихъ въ ней учителей. Сношенія съ родной семьей, какъ письменныя, такъ и личныя, какъ видно изъ писемъ, были очень часты, что происходило отчасти потому, что состояніе здоровья ребенка было ненадежно и самое ученье шло не совсѣмъ успѣшно, такъ что вскорѣ потребовались усиленныя занятія съ особенно приглашеннымъ для этой цѣли учителемъ.

Дальнѣйшихъ подробностей о жизни Гоголя въ это время мы не имѣемъ никакихъ, но съ *этой поры* является уже возможность для нашихъ цѣлей пользоваться его письмами [1]).

[1]) Въ трудѣ Кулиша мы находимъ одно и то очень краткое извѣстіе о первоначальномъ воспитаніи Гоголя. („Зап. о жизни Гоголя", 1 т., стр. 16). Тамъ

Съ мая 1821 г. по іюнь 1828 Гоголь былъ ученикомъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Къ сожалѣнію, школьная жизнь его долго почти совсѣмъ не отражается въ письмахъ къ родителямъ. Составить удовлетворительное представленіе о ней всего больше мѣшаетъ самый возрастъ автора, еще не привыкшаго давать себѣ отчетъ въ переживаемыхъ впечатлѣніяхъ и не чувствовавшаго потребности въ письменной бесѣдѣ, хотя бы съ самыми близкими людьми, о вопросахъ, не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ практическимъ нуждамъ. Не усердно занимаясь преподаваемыми предметами, находясь на счету ученика лѣниваго и посредственнаго по успѣхамъ, дерзкаго и „неряшливаго“ по поведенію, Гоголь не любилъ воспитавшую его школу [1]) и, мало ею интересуясь, не находилъ удовольствія и говорить о ней. Вообще Гоголь нерѣдко вспоминалъ о ней лишь впослѣдствіи. *Только* въ послѣдніе годы жизни въ Нѣжинѣ, когда онъ уже значительно развился и созрѣлъ, мы находимъ въ письмахъ попытки подвести итоги вынесенному изъ школы, но и эти, крайне враждебные, отзывы были сдѣланы мимоходомъ, подъ вліяніемъ раздраженія, и вызывались необходимостью отвѣчать на упреки матери за потерянные годы. Къ тому же они не даютъ ни малѣйшаго представленія о разнородныхъ впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ въ стѣнахъ заведенія за все школьное время. Исключеніе представляютъ только немногія строки, касающіяся ученическаго театра; кое-что мы узнаемъ также изъ трехъ писемъ его къ товарищу Высоцкому.

сказано, что „Гоголь получилъ его сначала дома отъ наемнаго семинариста, а потомъ готовился къ поступленію въ гимназію въ Полтавѣ, на дому у одного учителя гимназіи вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Иваномъ. Но когда ихъ взяли на каникулы и младшій братъ умеръ (9 лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (онъ былъ старше брата однимъ годомъ) оставался нѣкоторое время дома, пока не отданъ былъ въ Нѣжинскую Гимназію Высшихъ наукъ въ маѣ 1821 г.“ Слѣдовательно, братъ Гоголя скончался въ 1820 г. лѣтомъ, а Н. В., не возвращавшійся больше въ Полтаву послѣ каникулъ, большую часть слѣдующаго учебнаго года провелъ дома. Но уже въ февралѣ было подано прошеніе о принятіи Гоголя въ нѣжинскую гимназію и въ маѣ онъ былъ ея ученикомъ. По свѣдѣніямъ же Справочнаго Энциклопедическаго словаря (т. III 1854 года) Гоголь пробылъ два года въ полтавской гимназіи. Въ сборникѣ „Русскіе Люди“ (изд. Вольфа Спб. 1866 г.) мы читаемъ также: „Гоголь первоначальное воспитаніе получилъ въ полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, по окончаніи котораго учился два года въ первомъ классѣ полтавской гимназіи“. Для насъ это противорѣчіе неважно, потому что словарь былъ составленъ въ 1854 году, раньше появленія книги Кулиша и, вѣроятно, черпалъ свои свѣдѣнія изъ его же прежнихъ замѣтокъ или статей, а изданіе „Русскіе Люди“, очевидно, повторяетъ свѣдѣнія прежняго какого-нибудь источника. Такимъ образомъ нѣтъ причины сомнѣваться въ справедливости приведенныхъ словъ Кулиша, которыя мы находимъ въ его трудѣ, изданномъ уже въ 1856 г.

[1]) Уже гораздо позднѣе отношенія Гоголя къ Лицею измѣнились; такъ Гоголь былъ сильно огорченъ и встревоженъ однажды несправедливыми слухами о пожарѣ въ нѣжинскомъ Лицеѣ (письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому, Соч. и письма Гог., изд. Кулиша, V т., стр. 251).

Такимъ образомъ кромѣ писемъ къ матери при изученіи школьнаго періода жизни Гоголя мы должны обратиться къ другимъ источникамъ, напр. отзывамъ о Гоголѣ-отрокѣ его школьныхъ товарищей и наставниковъ и къ нѣкоторымъ оффиціальнымъ даннымъ.

Въ ряду источниковъ подобнаго рода первымъ по времени документомъ является прошеніе отца Гоголя о принятіи сына въ число воспитанниковъ нѣжинской гимназіи—въ письмѣ, адресованномъ къ директору Кукольнику (отцу извѣстнаго писателя). Письмо это не достигло цѣли: оно было получено уже по смерти Кукольника и отцу Гоголя пришлось вторично обратиться къ начальству гимназіи съ тою же просьбой, на которую уже послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Гоголь былъ помѣщенъ въ число своекоштныхъ пансіонеровъ, а черезъ годъ устроенъ на казенный счетъ, такъ какъ родители были не въ силахъ платить ежегодно тысячу рублей за его образованіе. Поступленіе его въ самомъ концѣ учебнаго года не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что нѣжинская гимназія въ то время только начала свое существованіе и еще не получила правильной организаціи. Созданная наскоро и открытая лишь за полгода до поступленія Гоголя, она нуждалась даже въ учебномъ персоналѣ и была не богата воспитанниками; ей предстояло еще устройство почти всѣхъ частей школьнаго обихода [1]). Въ это-то время черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ, въ качествѣ хорошаго знакомаго, увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи и совѣтовалъ ему отдать сына въ находящійся при ней пансіонъ. Подготовка мальчика оказалась крайне не блестящая: на пріемномъ испытаніи онъ обнаружилъ удовлетворительныя познанія единственно въ Законѣ Божіемъ. Поступленіе его при такихъ условіяхъ объясняется, конечно, только исключительнымъ положеніемъ только-что возникавшаго учебнаго заведенія, хотя Гоголь и попалъ даже въ среднее отдѣленіе изъ трехъ, на которыя были раздѣлены по познаніямъ вновь принятые воспитанники.

О первомъ впечатлѣніи, произведенномъ Гоголемъ на его будущихъ школьныхъ товарищей, приведемъ любопытный разсказъ одного изъ его старшихъ однокашниковъ, покойнаго Любича-Романовича.

„Въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко (какъ въ то время назывался Нѣжинскій лицей) Гоголь былъ привезенъ родны-

---

[1]) Даже къ концу года въ ней было всего 52 ученика, которые всѣ учились въ одномъ классѣ. (См. „Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ“, т. III, 1879, неоффиц. отд., стр. 128).

ми, обходившимися съ нимъ какъ-то особенно нѣжно и жалостливо, точно съ ребенкомъ, страдающимъ какою-то тяжкою, неизлѣчимою болѣзнью. Онъ былъ не только закутанъ въ различныя свитки, шубы и одѣяла, но просто-напросто закупоренъ. Когда стали его разоблачать, то долго не могли докопаться до тщедушнаго, крайне некрасиваго и обезображеннаго золотухой Николая Васильевича. Мы чуть ли не всей гимназіей вышли въ пріемную взглянуть на это „чудовище“, какъ быстро окрестили его всегда насмѣшливые школьники“.

„Глаза его были обрамлены краснымъ, золотушнымъ ободкомъ, щеки и весь носъ покрыты красными же пятнами, а изъ ушей вытекала каплями матерія. Поэтому уши его были крѣпко завязаны пестрымъ, цвѣтнымъ платкомъ, придававшимъ его дряблой фигурѣ потѣшный видъ“.

„Во все время моего пребыванія въ стѣнахъ гимназіи“, прибавляетъ разсказчикъ,—„Гоголь шелъ ниже меня двумя классами. Учился онъ очень плохо, всегда и во всемъ былъ неопрятенъ и грязенъ, за что особенно не жаловали его преподаватели и репетиторы, на которыхъ, впрочемъ, онъ мало обращалъ вниманія“ [1]).

За первый годъ жизни Гоголя въ Нѣжинѣ письма его становятся нѣсколько больше по объему, но остаются по прежнему однообразными и дѣтскими по содержанію [2]). Въ нихъ мы все еще не находимъ пока почти ничего, кромѣ сообщеній о состояніи своего здоровья и о своихъ нуждахъ. Существенную разницу съ письмами предшествующей поры можно видѣть только въ томъ, что съ болѣе зрѣлымъ сравнительно возрастомъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ Гоголю приходится испытывать и больше заботъ и затрудненій, нежели въ Полтавѣ. Въ новой обстановкѣ Гоголю было уже не такъ привольно, какъ прежде: въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ, очевидно только-что по возвращеніи послѣ вакаціи, онъ уже жалуется на тоску о родителяхъ и проситъ, чтобы они побывали у него въ томъ же мѣсяцѣ; говоритъ о боляхъ въ груди. Разлука съ родителями на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде, и съ меньшею надеждою на близкое свиданіе, послѣ полугодовой жизни въ семьѣ, большая отдаленность отъ нея, отсутствіе людей, кромѣ отпущеннаго съ нимъ дядьки (сближеніе съ другими названными ниже лицами могло произойти только по прошествіи нѣкотораго времени), наконецъ, еще не успокоившееся, не улегшееся чувство нѣкоторой

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“, 1892, XII т., стр. 695.

[2]) Мы сравниваемъ ихъ здѣсь съ дошедшими до насъ тремя письмами изъ Полтавы. (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 3 и 4).

осиротѣлости, одиночества по смерти любимаго брата, раздѣлявшаго съ нимъ въ Полтавѣ тоску разлуки съ домашними, — все это должно было производить самое тяжелое, удручающее дѣйствіе на мальчика. Онъ не спитъ, неутѣшно плачетъ, находя нѣкоторое облегченіе въ своемъ горѣ только въ участіи преданнаго дядьки, просиживающаго надъ его постелью цѣлыя ночи, наконецъ онъ, что̀ такъ естественно въ его возрастѣ, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства разлуки и одиночества въ совершенно новой и чуждой пока сферѣ, преувеличиваетъ значеніе ощущаемой имъ физической боли. Все это представляетъ явленія очень обыкновенныя въ дѣтскомъ возрастѣ при подобныхъ случаяхъ, какъ и то, что настроеніе Гоголя, какъ и всякаго ребенка его лѣтъ, обыкновенно перемѣнялось слишкомъ быстро. Сравнимъ, для подтвержденія сказаннаго, письма его отъ 13 и 14 августа 1821 г.: въ первомъ высказывается радость и спокойное, свѣтлое состояніе духа, второе проникнуто уже наивнымъ дѣтскимъ отчаяніемъ. Дѣло было въ томъ, что, получивъ отъ родителей обѣщаніе пріѣхать къ нему только въ октябрѣ, между тѣмъ какъ онъ прежде разсчитывалъ на болѣе скорое свиданіе, Гоголь еще сильнѣе поддался охватившей было его по возвращеніи изъ дому грусти, и теперь она совершенно вытѣсняетъ на короткое время свойственную дѣтскому возрасту безпечность и способность легко забывать непріятныя впечатлѣнія, и вотъ результатомъ такого тяжелаго настроенія является жалобное письмо, повидимому, очень напугавшее родителей. Было въ самомъ дѣлѣ чѣмъ встревожиться; свое состояніе Гоголь описываетъ въ яркихъ краскахъ: „Весьма опечалился я, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, еслибы вы пріѣхали какъ можно поскорѣе и узнали бы *объ участи* своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь—напротивъ того. О еслибы, дражайшіе родители, вы пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день *слезы рѣкой льются*, и самъ не знаю, отчего, и особливо, когда вспомню объ васъ, *то градомъ такъ и льются*. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать“ [1]). Слѣдующее письмо, заключавшее въ себѣ извиненія и оправданія Гоголя, даетъ основаніе предположить, что на свои жалобы онъ получилъ въ отвѣтъ увѣщанія и усовѣщиванія. Здѣсь онъ старается загладить свой необдуманный поступокъ, утверждая, что у него дѣйствительно очень болѣла грудь съ другого же дня по

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 5.

пріѣздѣ въ Нѣжинъ, но что теперь (т. е. когда онъ писалъ) онъ совершенно здоровъ и веселъ. Между тѣмъ наканунѣ тревожнаго письма онъ говорилъ, что былъ здоровъ; онъ писалъ въ первый разъ не въ день пріѣзда въ Нѣжинъ, а уже по полученіи извѣстій изъ дому („освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ...“) [1]) Все это отзывается еще ребячествомъ, какъ и приписка къ письму 14 августа въ постскриптумѣ о томъ, что учениковъ еще не собралось и половины, заключающая въ себѣ какъ бы намекъ на то, что онъ слишкомъ рано привезенъ, что можно было бы побыть еще нѣсколько времени дома.

Но мало-по-малу Гоголь привыкъ, конечно, къ своему новому мѣсту воспитанія и достаточно освоился съ жизнью въ немъ: по крайней мѣрѣ, жалобы его прекращаются, и въ самой перепискѣ замѣчается довольно продолжительный, именно мѣсячный перерывъ, — вѣрный признакъ нѣкотораго успокоенія.

Уже вскорѣ по вступленіи въ школу Гоголь могъ чувствовать себя въ ней не совсѣмъ одинокимъ: въ числѣ товарищей онъ встрѣтилъ дѣтей короткихъ знакомыхъ отца, впослѣдствіи своихъ постоянныхъ спутниковъ въ поѣздкахъ домой на каникулы. (Это были Барановъ и А. С. Данилевскій, оставшійся другомъ Гоголя въ продолженіе всей жизни). Сверхъ того при мальчикѣ находился еще дядька, котораго отецъ Гоголя получилъ позволеніе держать при пансіонѣ въ качествѣ служителя безплатно [2]). Постоянная близость любимаго и преданнаго дядьки была большимъ утѣшеніемъ для ребенка въ разлукѣ его съ родителями, особенно на первое время [3]). Заботливые родители, безкорыстно предлагая услуги своего дворового человѣка, должны были имѣть въ виду именно этотъ уходъ за сыномъ и возможное облегченіе для ребенка времени первоначальнаго ознакомленія и постепеннаго освоенія съ неизвѣстнымъ ему школьнымъ міромъ [4]).

Вскорѣ и въ числѣ воспитателей Гоголя нашлись также люди, расположенные къ нему и отчасти бывшіе въ короткихъ отношеніяхъ съ его родителями. Самъ глава заведенія, Иванъ Семеновичъ Орлай, познакомился и сошелся съ семействомъ отца Гоголя въ Кибинцахъ у Трощинскаго, еще до назначенія своего въ Нѣ-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 5.

[2]) Это былъ Симонъ, о которомъ Гоголь упоминаетъ въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ.

[3]) „Не забудьте добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ не плакать о васъ, дражайшіе родители, и не просиживалъ цѣлой ночи надо мной“. (Соч. и письма Гоголя, V т., стр. 5).

[4]) Въ случаяхъ денежныхъ затрудненій тотъ же Симонъ является опекуномъ Гоголя уже года три спустя. (Соч. и письма Гоголя, V т., стр. 25).

жинъ [1]). Степень близости отношеній Орлая къ Гоголю можетъ быть опредѣлена по характеру упоминаній о немъ въ письмахъ (изъ которыхъ ясно, что онъ считался хорошимъ знакомымъ дома), и, главнымъ образомъ, по той заботливости и особенному участію, которое онъ принималъ въ частныхъ дѣлахъ своего питомца, приказывая ему, напр., чаще писать къ матери и проч. [2]).

Такова была внѣшняя обстановка Гоголя въ заведеніи.

Обычное однообразіе школьной жизни прерывалось только театромъ въ стѣнахъ заведенія и поѣздками домой на каникулы.

IV. ПЕРЕПИСКА СЪ МАТЕРЬЮ И СЪ РОДСТВЕННИКАМИ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ШКОЛѢ. СЛОГЪ ПИСЕМЪ.

Переписка Гоголя въ изданіи Кулиша начинается съ 1820 г. т. е. съ одиннадцати-лѣтняго возраста писателя. Первыя письма его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ еще носятъ на себѣ всѣ слѣды дѣтства и не представляютъ особаго интереса по своему крайнему однообразію и скудному матеріалу, въ нихъ заключающемуся. Это, очевидно, только начальные опыты въ составленіи писемъ ребенка, недавно разставшагося впервые съ родителями. Самый кругъ переписки былъ пока тѣсно ограниченъ письменными сношеніями съ родителями и двумя дядями по матери

---

[1]) Изъ другихъ наставниковъ Гоголя съ его родителями уже во время пребыванія его въ школѣ познакомился профессоръ физики и химіи Шаполинскій, для котораго Гоголь просилъ однажды выслать болѣе помѣстительный экипажъ, нежели обыкновенно, такъ какъ въ немъ нужно было помѣстить кромѣ обычныхъ спутниковъ—товарищей уже упомянутаго профессора.

[2]) Изъ переписки видно, что въ случаѣ нужды въ деньгахъ Гоголь могъ также свободно обращаться къ нему. (Соч. и письма Гог., V т., стр. 4, 6, 10). Здѣсь во всякомъ случаѣ дѣло идетъ не объ Иванѣ Семеновичѣ Даниловскомъ, о которомъ въ это время нигдѣ не упоминается въ письмахъ и съ которымъ Гоголь тогда еще почти не былъ знакомъ.

Приведемъ слова товарища Гоголя Н. В. Кукольника о школьныхъ отношеніяхъ Орлая къ Гоголю: „Иванъ Семеновичъ не жаловалъ, если ученики, во время лекцій, оставляли классы и прогуливались по коридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, и потому немудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ изъ бѣды сухъ и всегда одною и тою же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шелъ прямо къ нему навстрѣчу, раскланивался и докладывалъ: „Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать Вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все очень хорошо. (Имѣніе Орлая, при которомъ было всего шесть душъ, находилось по сосѣдству съ деревней матери Гоголя)...—„Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться ей отъ меня, и поблагодарить...“ Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безпрепятственно продолжалъ свою прогулку по коридорамъ“. („Лицей князя Безбородко“, 1859 г. и вновь перепечатано подъ названіемъ: „Гимназія Высшихъ Наукъ“. С.-Петерб. 1881 года).

(Косяровскими) и очень немногими письмами къ другимъ близкимъ людямъ. Впослѣдствіи, въ 1827 г., мы находимъ еще три письма къ пріятелю, бывшему школьному товарищу, Высоцкому.

Въ письмахъ къ матери всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе теплая родственная привязанность почтительнаго сына, остававшаяся довольно долго отличительною чертой Гоголя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть нѣсколько писемъ его къ ней въ разные періоды жизни и сравнить ихъ съ письмами къ другимъ лицамъ.

Съ матерью Гоголь при полной дружеской откровенности и непринужденности обращенія никогда не позволяетъ себѣ ни фамильярности, ни даже шутливаго тона — признакъ въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не только извѣстнаго уваженія, но и особаго характера самыхъ отношеній, неизмѣнно серьезныхъ, хотя и вполнѣ искреннихъ, безъ малѣйшей натянутости или скрытности. Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются правда немногія письма уже конца сороковыхъ годовъ, когда подготовлявшійся въ Гоголѣ психическій процессъ не могъ отчасти не отразиться и на семейныхъ его отношеніяхъ. Впрочемъ, если въ эти годы мы встрѣчаемъ у Гоголя въ письмахъ къ матери иногда суровый, мѣстами, пожалуй, раздражительный тонъ, особенно тамъ, гдѣ онъ читаетъ ей поученія въ обличительномъ духѣ или съ досадой упрекаетъ за слабость гордиться его славой [1]), то нигдѣ въ этихъ письмахъ нельзя найти ни малѣйшей тѣни неуваженія, ни малѣйшаго намека на равнодушіе. Но въ это же время мы не находимъ въ нихъ болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія обычнаго его малороссійскаго веселаго юмора, его мѣткаго и живого слога, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ характеристикъ незнакомыхъ матери городовъ, напр. Петербурга, Любека,

---

[1]) „Старайтесь лучше во мнѣ видѣть христіанина и человѣка, нежели литератора". (Соч. и письма Гог., VI т., стр. 86).

Но впослѣдствіи, въ концѣ тридцатыхъ и особенно въ сороковыхъ годахъ, отношенія поэта къ матери сильно измѣняются: тонъ писемъ становится сдержаннѣе и холоднѣе, а иногда является даже рѣзкимъ и суровымъ, хотя было бы несправедливымъ преувеличеніемъ, какъ это часто дѣлалось, не видѣть за указанной чертой проявленія въ иныхъ случаяхъ также прежней теплой привязанности, напоминающей характеръ сыновнихъ отношеній къ ней въ былые годы. Случайныя вспышки и неровности обращенія, обостряемыя принятымъ на себя строгимъ поучительнымъ тономъ, съ которымъ, впрочемъ, Гоголь относился ко всѣмъ близкимъ людямъ въ послѣдніе годы жизни, отразились въ письмахъ къ матери и своимъ внѣшнимъ противорѣчіемъ съ его прежними письмами легко могли поразить многихъ критиковъ, но несомнѣнно, что здѣсь преимущественно имѣли значеніе его убѣжденія и ложный взглядъ на себя, побуждавшіе его къ суровымъ проповѣдническимъ пріемамъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не вытѣснившія въ немъ сыновнихъ чувствъ любви и уваженія. Справедливо, впрочемъ, что письма къ ней въ это время становятся гораздо рѣже и значительно меньше по объему, по мѣрѣ того, какъ все болѣе расширялся кругъ переписки его съ нѣкоторыми избранными изъ друзей...

Травемюнде, между тѣмъ какъ этими чертами изобилуютъ не только первыя его литературныя произведенія, но и нѣкоторыя изъ дѣтскихъ писемъ къ другимъ лицамъ, напр., къ дядѣ Павлу Петровичу Косяровскому. Особенно замѣтна разница тамъ, гдѣ между письмами къ матери вдругъ попадается какое-нибудь шутливое письмецо или приписка къ какому-нибудь другому лицу, отличающіяся совершенно инымъ тономъ, переходящимъ почти въ шалость (таковы письма къ Варварѣ Петровнѣ Косяровской). Очевидно, что съ извѣстной степенью уваженія Гоголь считалъ несогласной развязную шутливость (охотно допускаемую, впрочемъ, въ другихъ случаяхъ), какъ и вообще всякое празднословіе. Указанную черту писемъ къ матери и разницу между ними и письмами къ другимъ лицамъ всего естественнѣе объяснить тѣмъ, что это были письма наиболѣе интимныя, и въ то же время они обыкновенно не были легкими или незначительными по содержанію. Въ нихъ Гоголь неоднократно говоритъ о своихъ чувствахъ къ матери, и нѣкоторые такіе отрывки проникнуты у него искреннимъ лиризмомъ, при которомъ нѣтъ уже мѣста профанирующей сильное чувство автора шуткѣ. Въ значительномъ большинствѣ другихъ онъ бесѣдуетъ съ нею о предметахъ наиболѣе нужныхъ и важныхъ [1]). Понятно, въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній, почему мы почти вовсе не находимъ въ письмахъ поэта къ матери не только юмора, но и тѣхъ художественныхъ красокъ, которыя мы привыкли встрѣчать у Гоголя (послѣднихъ, конечно, нельзя собственно искать въ перепискѣ, но мѣстами, хотя и очень рѣдко, онѣ являются и въ ней). Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи письма Гоголя къ матери съ письмами къ Павлу Петровичу Косяровскому. Въ послѣднихъ также раскрывается передъ нами личность молодого автора, но уже совершенно съ другой стороны: мы находимъ здѣсь самый развязный и свободный, самый веселый дружескій тонъ, отъ котораго отрадно и легко становится на душѣ, и который дышитъ неподдѣльной, неподражаемой искренностью и теплотой. Но зато сейчасъ же видно по несерьезности содержанія и даже по самому слогу, испещренному простонародными малороссійскими словами или въ шутку употребленными иностранными, передѣланными на русскій ладъ, наконецъ особенно по нѣкоторымъ че-

---

[1]) Интимная жизнь Гоголя была вообще открыта для матери, хотя онъ и не касается въ бесѣдахъ съ нею того, чего она не могла раздѣлять, напр. недовольства мертвенностью и застоемъ уѣздной жизни въ Нѣжинѣ, или того, что относилось къ его литературнымъ работамъ. „Я никогда не вводилъ ни въ какія литературныя мои отношенія и не говорилъ съ ней о подобныхъ дѣлахъ“. (Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 5). „Пишу я, соображаясь съ моими силами, средствами, не ставлю ничего на срокъ, да и не люблю даже объ этомъ предметѣ разговаривать съ кѣмъ-бы то ни было“. (V т., 239).

резчуръ реальнымъ выраженіямъ, что корреспондентъ принадлежалъ къ числу людей, дорогихъ ему и очень имъ любимыхъ, но, вѣроятно, не такихъ, которымъ онъ сталъ бы повѣрять самыя сокровенныя, наиболѣе важныя для него чувства и мысли.

Мы разсмотрѣли дѣтскія письма Гоголя къ матери по содержанію; сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣтокъ объ ихъ слогѣ.

Внимательное изученіе писемъ наводитъ на мысль о томъ, что въ періодъ формированія слога Гоголь не мало заботился уже объ украшеніи рѣчи и, что всего важнѣе, заботы эти были, повидимому, результатомъ не только желанія усвоить себѣ пріемы рѣчи образованнаго человѣка, но даже до нѣкоторой степени щегольнуть краснорѣчіемъ, для чего онъ добивался уже извѣстнаго литературнаго навыка. Послѣднее обнаруживается нерѣдко въ искусственномъ построеніи цѣлыхъ періодовъ, въ употребленіи нѣкоторыхъ реторическихъ фигуръ, напр., часто встрѣчающейся въ его дѣтскихъ письмахъ фигуры единоначалія, въ употребленіи цвѣтистыхъ и изысканныхъ фразъ съ явнымъ притязаніемъ на эффектъ, на красоту выраженія. Еще въ первые годы переписки, при отсутствіи выработаннаго упражненіемъ навыка излагать на письмѣ свои мысли, рядомъ съ какимъ-нибудь выраженіемъ, совершенно дѣтскимъ по построенію фразы и по самой мысли, у Гоголя неожиданно является изящный оборотъ рѣчи, образное выраженіе и пр. Все это несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о заботѣ автора относительно рѣчи и наглядно знакомитъ съ постепеннымъ формированіемъ слога нашего писателя.

Очень можетъ быть, что наставленія и примѣръ другихъ лицъ и особенно авторитетное вліяніе журнальной литературы, съ которой, какъ видно изъ писемъ, рано началъ знакомиться Гоголь, наконецъ—школы могли отразиться на сложившихся у него пріемахъ рѣчи. Нѣкоторая наклонность къ реторикѣ могла быть первоначально естественнымъ слѣдствіемъ справедливаго, но не правильно понимаемаго убѣжденія въ необходимости соблюденія приличнаго содержанію тона рѣчи, когда случалось говорить о чемъ-нибудь важномъ или возвышенномъ, вообще о предметахъ, выходившихъ изъ круга обыкновенныхъ [1]).

---

[1]). Мы знаемъ изъ воспоминаній товарищей Гоголя о томъ, что онъ и сотрудники его по изданію въ школѣ рукописнаго журнала бились изо всѣхъ силъ, чтобы писать высокимъ слогомъ („Библіогр. Зап.“, 1859, стр. 492). Профессоръ Никольскій, преподававшій русскую словесность, при своихъ воззрѣніяхъ на предметъ могъ только поощрить и поддерживать съ своей стороны это стремленіе. Самъ онъ писалъ донесенія въ конференцію по всѣмъ правиламъ реторики и, какъ преподаватель, по свидѣтельству своего собрата Кулжинскаго, за хлопотами жизни отсталъ отъ современнаго состоянія литературы и остановился на Херасковѣ и Державинѣ.

Нельзя отрицать, что при всей искренности сыновняго чувства у Гоголя въ выраженіи его въ дѣтскихъ письмахъ иногда замѣчается примѣсь реторики, особенно яркой своей противоположностью съ простымъ и естественнымъ тономъ остальнаго изложенія. Самая форма обращеній къ обоимъ родителямъ въ началѣ первыхъ писемъ, обыкновенно заученная, однообразно-почтительная, повидимому, представляетъ результатъ указаній и примѣра старшихъ. Интересно сравнить поздравительное письмо къ матери отъ 1 октября 1824 г., ко дню ея ангела, съ написаннымъ тогда-же письмомъ къ отцу: въ противоположность совершенной простотѣ послѣдняго мы замѣчаемъ въ первомъ изысканность конструкціи и отдѣльныхъ выраженій, множество сравненій, предложенія съ фигурой единоначалія и проч. Причина ясная: письмо къ отцу было обыкновенное, будничное, а къ матери, по причинѣ ея именинъ,—торжественное, праздничное.

Извѣстно, что нѣкоторыя письма Гоголя къ матери, особенно первое письмо послѣ полученія имъ извѣстія о смерти отца, многіе находили исполненными реторики. Но такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать недостатокъ сыновней любви Гоголя и напротивъ есть много данныхъ и свидѣтельствъ, подтверждающихъ ее, то самое естественное и правдоподобное объясненіе замѣченнаго факта, по нашему мнѣнію, должно быть такое: резонерство и реторика, обнаружившіяся еще въ дѣтской перепискѣ Гоголя и потомъ проявлявшіяся изрѣдка въ письмахъ (въ разсужденіяхъ о многихъ отвлеченныхъ и особенно религіозныхъ и другихъ важныхъ вопросахъ), наконецъ дошедшія до поразительныхъ размѣровъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, были въ сущности не чужды его натурѣ и отчасти еще очень рано усвоены Гоголемъ извнѣ, но до поры до времени сдерживались и подавлялись могучимъ талантомъ и живою юношескою впечатлительностью, пока съ наступленіемъ возраста менѣе пылкаго и легче поддающагося сухой разсудочности, въ свою очередь, не заглушали его [1]).

---

[1]). Нельзя не пожалѣть о томъ, что не сохранилось почти никакихъ, даже скудныхъ свѣдѣній о первыхъ, еще дѣтскихъ литературныхъ опытахъ Гоголя. Мы знаемъ единственно, что онъ, подобно своимъ товарищамъ, сильно заботился о высокомъ слогѣ; но намъ слишкомъ мало извѣстно о сюжетахъ, которые онъ заимствовалъ для этихъ опытовъ, и наконецъ о томъ, кому и какъ именно онъ подражалъ. Первые опыты почти каждаго дѣятеля, получающаго впослѣдствіи громкую извѣстность на литературномъ поприщѣ, состоятъ обыкновенно въ подражаніи, и иногда довольно рабскомъ, произведеніямъ предшественниковъ. Естественно, что самая любовь къ поэзіи возгорается подъ обаятельнымъ дѣйствіемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія въ годы отрочества или ранней юности, которыя глубоко западаютъ въ молодую душу, и, возбуждаемыя страстнымъ сочувствіемъ красотамъ любимыхъ художественныхъ произведеній, сопровождаются болѣе или менѣе восторженнымъ поклоненіемъ самимъ ихъ авторамъ. Большею частью проходитъ не мало времени, пока начинающему писателю послѣ не одной невѣрной попытки удается наконецъ найти истинный

„Обратите вниманіе“,—говоритъ г. Кояловичъ—„какое сознаніе своей личности сквозитъ въ его словахъ: „*Я весьма радъ, я поставилъ для себя первымъ долгомъ, я увѣренъ!*“ какъ подобраны здѣсь всѣ нужныя слова для полной убѣдительности просьбы! какъ великолѣпно это *слѣдовательно* которымъ начинается просьба, и какъ неотразимо для родительскаго сердца это *для моей пользы*, которымъ она кончается! [1]). Нѣтъ, читая это первое дошедшее до насъ письмо Гоголя, мы не ошибемся, сказавъ, что Гоголь его *сочинялъ* и на немъ пробовалъ силу своихъ творче-

путь, опредѣливъ свое истинное призваніе. Въ отношеніи къ Гоголю у насъ остается нѣкоторый пробѣлъ между самыми первыми его художественными впечатлѣніями, вынесенными впрочемъ не изъ чтенія, а изъ разсказовъ отца и изъ представленій его комедіи, и между „Луизой“ Фосса, внушившей Гоголю замыселъ его идилліи: „Ганцъ Кюхельгартенъ“, уже передъ выпускомъ его изъ школы. Единственное мѣсто въ сочиненіяхъ Гоголя дающее намъ возможность составить нѣкоторое представленіе о его школьныхъ опытахъ на основаніи его собственныхъ словъ, а не на сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ недостаточно точныхъ воспоминаніяхъ товарищей, находится въ „Авторской Исповѣди“: „Первые мои опыты“,—говорилъ онъ тамъ—„первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“. (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 248). Этимъ признаніемъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается неосновательное утвержденіе Пащенка, гимназическаго товарища Гоголя, относившаго къ нѣжинскому періоду первые замыслы „Вечеровъ на Хуторѣ“, а равно предположеніе другого товарища его, Прокоповича, что „Ганцъ Кюхельгартенъ“ принадлежитъ будто бы времени переѣзда автора въ Петербургъ.

Приведемъ здѣсь слишкомъ мало извѣстную, относящуюся къ 1826 г. замѣтку Гоголя въ альбомъ его товарища Любича-Романовича: „Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія несбыточными (sic!), ожиданія неисполненными и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности. Но счастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ“ („Библіогр. Зап.“, 1858 г., стр. 492, сообщеніе Гербеля). Здѣсь мы видимъ несомнѣнные слѣды реторики.

Впрочемъ, въ приложенныхъ Кулишемъ двухъ небольшихъ классныхъ упражненіяхъ Гоголя мы не замѣчаемъ особенно явныхъ слѣдовъ реторики, при чемъ первое изъ нихъ напоминаетъ отчасти своимъ складомъ рѣчи нѣкоторыя позднѣйшія прозаическія статьи Гоголя изъ числа тѣхъ, которыя отличаются сравнительно болѣе естественнымъ изложеніемъ; но одно изъ нихъ касается вопроса объ апелляціяхъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія (по русскому праву) и отличается по этому сухимъ, вполнѣ дѣловымъ тономъ, а другое, хотя и относится къ литературному вопросу о значеніи *критики* и о томъ, что требуется отъ *критики*, но оно очень коротко и при томъ слишкомъ одиночно.

[1]) Г. Кояловичъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующія слова одного изъ писемъ Гоголя къ родителямъ: „Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здравіи вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего. Ваканціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего; слѣдовательно, нужно заняться ваканціями, чтобы поспѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если вы будете въ Полтавѣ, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы“. (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 3).

скихъ способностей. Было много причинъ, вслѣдствіе которыхъ Гоголю пришлось—хотя и безсознательно сначала,—прибѣгнуть именно въ письмахъ къ услугамъ своихъ творческихъ способностей. Одно уже различіе личныхъ интересовъ сына и родителей вслѣдствіе одной только разницы въ обстановкѣ и условіяхъ жизни и вытекающая отсюда необходимость возбуждать нужное участіе къ своимъ интересамъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, одно уже это вызвало Гоголя на особое вниманіе къ своей перепискѣ съ родными.

Но кромѣ невинной дѣтской хитрости, неизбѣжной въ извѣстный возрастъ, на то же творчество въ письмахъ вызвали и такія чувства, какъ сыновняя любовь, которая въ Гоголѣ несомнѣнно была и глубокая, и искренняя. Усиленное разлукой, это нѣжное чувство естественно искало особенно сильнаго выраженія, не удовлетворяясь обычной фразеологіей, и сама собой являлась потребность въ реторикѣ, въ украшеніяхъ слога, что̀ также не могло обойтись безъ участія творческихъ силъ". [1]).

Въ приведенныхъ вполнѣ справедливыхъ строкахъ усиленно обращаемъ вниманіе на выразившееся въ нихъ довѣріе къ искренности сыновнихъ чувствъ Гоголя, и кстати замѣтимъ, что сомнѣнія, высказываемыя въ этомъ смыслѣ въ нашей печати, представляются и намъ излишне преувеличенными.

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ о раннемъ дѣтствѣ и о школьной жизни Гоголя того изъ товарищей и друзей, котораго онъ называетъ обыкновенно „ближайшимъ", а также и о послѣднемъ скажемъ предварительно нѣсколько словъ.

V. ВОСПОМИНАНІЯ А. С. ДАНИЛЕВСКАГО О ДѢТСТВѢ И ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, начавъ собирать сохранившіяся о Гоголѣ устныя воспоминанія,—въ числѣ другихъ лицъ, къ которымъ я предполагалъ обратиться съ просьбой о сообщеніи ихъ,—я подумалъ прежде всего о Данилевскомъ, этомъ другѣ и товарищѣ Гоголя, хорошо знавшемъ его съ отроческихъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, мнѣ попалось на глаза невѣрное сообщеніе въ изданномъ въ 1884 г. „Лицеѣ князя Безбородко" о томъ, что Данилевскій будто бы тогда уже умеръ. Черезъ нѣсколько вре-

[1]). „Московскій Сборникъ", 1887, стр. 237.

мени послѣ того, совершенно случайно, къ великой моей радости, узналъ я, что это показаніе несправедливо. Предварительно списавшись и получивъ позволеніе пріѣхать въ село Анненское (Харьковской губ., близъ Сумъ), гдѣ жилъ покойный, я немедленно отправился къ нему и засталъ его еще бодрымъ и свѣжимъ старикомъ, съ прекрасно сохранившимися способностями и особенно—памятью, что̀ было, разумѣется, въ высшей степени благопріятно для моей цѣли. Несмотря на то, что послѣ фактовъ, о которыхъ приходилось припоминать ему въ нашей бесѣдѣ, прошло не меньше пятидесяти лѣтъ, было очевидно, что память нисколько не измѣняла ему, и подробности, которыя могли быть провѣрены по печатнымъ источникамъ, оказывались безусловно согласными съ ними, за исключеніемъ немногихъ, неточность которыхъ становилась не подлежащею никакому сомнѣнію по соображеніи съ разсказомъ Данилевскаго. Не только года и мѣсяцы, но и мельчайшія подробности, касающіяся мѣстъ, были опредѣляемы имъ съ изумительною точностью...

Къ сожалѣнію, мнѣ удалось, однако, лишь въ самой незначительной степени воспользоваться этимъ богатымъ и—скажу безъ преувеличенія—дорогимъ матеріаломъ, такъ какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченный промежутокъ времени, я долженъ былъ торопиться, предоставляя себѣ вскорѣ вернуться на болѣе продолжительный срокъ. Существенное затрудненіе въ бесѣдѣ съ покойнымъ представлялось въ томъ, что, по самой сущности дѣла, воспоминанія съ трудомъ поддавались искусственному напряженію памяти въ данную минуту, и то, что̀ въ другое время легко возникало въ ней по поводу разныхъ впечатлѣній жизни, осталось теперь по необходимости въ значительной мѣрѣ запамятованнымъ. Кромѣ того, воспоминанія чрезвычайно волновали старика, что̀ дѣлало неизбѣжными довольно частые перерывы въ его разсказахъ. Но домашніе его передавали мнѣ, что нерѣдко, по тому или другому поводу, случалось имъ слышать разрозненныя, но чрезвычайно живыя и интересныя воспоминанія, которыя они, къ сожалѣнію, не записывали, не переставая питать надежду на то, что̀ Александръ Семеновичъ соберется когда-нибудь самъ исполнить свое давнее намѣреніе передать ихъ въ связномъ литературномъ изложеніи, чего онъ не могъ потомъ сдѣлать, вслѣдствіе внезапно постигшей его слѣпоты.

Такимъ образомъ мнѣ удалось во время моего пріѣзда къ нему овладѣть только, такъ сказать, одной канвой его воспоминаній. Покойный обѣщалъ со временемъ провѣрить ихъ въ моей передачѣ, но всему помѣшали его болѣзнь и смерть, такъ что теперь остается ограничиться только тѣмъ, что̀, по первоначальному предположенію, должно было составить исходную точку для работы, основанной на его сообщеніяхъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ пересказу этихъ воспоминаній, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ А. С. Данилевскомъ, какимъ я засталъ его въ мою къ нему поѣздку.

Александръ Семеновичъ производилъ впечатлѣніе одного изъ тѣхъ идеалистовъ-романтиковъ—„послѣднихъ могиканъ“, которые окончательно вымираютъ и будутъ скоро всецѣло достояніемъ преданія. Судьба, осыпавъ его въ молодости такими дарами счастья, о которыхъ немногимъ можно даже мечтать, съ безпощадной жестокостью оставила ему подъ старость одно изъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій. Для человѣка съ сильно возбужденными съ дѣтства умственными интересами потеря зрѣнія была, разумѣется, убійственна. Но замѣчательно, что, несмотря даже на старость и слѣпоту, онъ сохранилъ до самой предсмертной болѣзни живой интересъ къ текущей литературѣ (преимущественно русской, отчасти и иностранной), и при помощи чтеца или кого-нибудь изъ домашнихъ неутомимо слѣдилъ за періодическими изданіями [1]). Печально доживалъ онъ послѣдніе дни своей когда-то далеко не безцвѣтной жизни, казавшейся теперь промелькнувшею съ обидной быстротой. Въ разсказѣ его по временамъ слышалась глубоко-трагическая нота... Чѣмъ искреннѣе и задушевнѣе становилось его воодушевленіе, съ которымъ онъ передавалъ свои воспоминанія о счастливыхъ временахъ минувшей юности, о ея надеждахъ и молодомъ упоеніи жизнью (въ благородномъ значеніи этого слова), тѣмъ замѣтнѣе примѣшивалось къ нимъ щемящее чувство сосредоточенной грусти отъ ужаснаго сознанія, что почти все, что̀ когда-то было ему дорого и красило его жизнь, давно и безвозвратно погибло. Теперь это былъ несчастный старикъ, находившій нѣкоторую печальную отраду въ томъ, что въ послѣдній разъ оживлялъ въ своей памяти прошлое, —

У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо...

И, конечно, больше всего его волновали жгучія воспоминанія о Гоголѣ, особенно о жизни съ нимъ въ Италіи, которую оба они любили до обожанія и называли своей второй родиной. Разсказывая о самыхъ незначительныхъ происшествіяхъ, случавшихся въ Римѣ, Данилевскій положительно оживалъ. Въ частности съ большимъ воодушевленіемъ припоминалъ онъ о своей жизни съ Гоголемъ на Piazza di Spagna.

Но, повторяю, при крайне возбужденномъ состояніи, въ ко-

---

[1]) Онъ также неутомимо слѣдилъ за политикой.

торое приводили Александра Семеновича воспоминанія, трудно было овладѣть ими въ короткое время...

Въ числѣ друзей Гоголя А. С. Данилевскому, по многимъ причинамъ, должно быть отведено первенствующее мѣсто. Онъ пользовался особенно сильной и прочной привязанностью нашего писателя, называвшаго его своимъ „ближайшимъ“. Тѣсная дружба ихъ продолжалась отъ колыбели до могилы Гоголя. Въ письмахъ послѣдняго едва ли къ кому-нибудь выразилось столько искренней, задушевной любви, какъ къ Данилевскому. „Ты мнѣ роднѣе роднаго брата“,—писалъ однажды ему Гоголь,—и дѣйствительно, есть не мало доказательствъ того, что онъ чувствовалъ такъ, какъ говорилъ. Еще съ дѣтства Гоголь усвоилъ себѣ привычку давать въ шутку родственныя имена тѣмъ людямъ, къ которымъ былъ особенно расположенъ. Такъ, ребенкомъ, вздумалось ему однажды прозвать „сестрицей“ одну изъ знакомыхъ сосѣдокъ (А. Ѳ. Тимченко), долго жившую въ домѣ его матери [1]). Данилевскаго онъ также съ раннихъ лѣтъ еще имѣлъ обыкновеніе называть то братомъ, то почему-то даже племянникомъ, а впослѣдствіи онъ прямо выдавалъ его за самаго близкаго родственника своимъ московскимъ друзьямъ. Сестрамъ, Елизаветѣ и Аннѣ Васильевнамъ, онъ писалъ однажды изъ-за границы: „Напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писалъ къ вамъ черезъ Данилевскаго, Александра Семеновича, *вашего кузена*“ [2]). Самому Данилевскому онъ пишетъ: „Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона, этого, неизвѣстно почему, неприличнаго мѣста, но, покорный произнесенному слову въ минуту разставанья нашего, *о, мой добрый братъ и племянникъ*, пишу“ [3]). Наконецъ, однажды одному изъ своихъ друзей онъ рекомендовалъ Данилевскаго такъ: „Прими моего двоюроднаго брата, какъ самого меня“ [4]).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 38, 131; но въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ ее знакомой (тамъ же, стр. 51). — Объ этой Александрѣ Ѳедоровнѣ Данилевскій разсказывалъ намъ, что Гоголь особенно любилъ ее за то, что она умѣла художественно изображать жида, когда онъ протягивается пробовать водку. Она наряжалась въ жидовскій костюмъ и говорила даже голосомъ жида, сохраняя всѣ типическіе жидовскіе пріемы и ухватки... Александра Ѳедоровна и сестра ея жили въ верстѣ отъ Васильевки; онѣ такъ любили Марью Ивановну, что увольняли крестьянъ отъ повинностей, когда она пріѣзжала къ нимъ. Но въ 1848 г. Гоголь обошелся при встрѣчѣ съ нею сухо и непривѣтливо.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 340.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 293.

[4]) Другимъ, наиболѣе любимымъ школьнымъ товарищемъ Гоголя былъ Я. Н. Прокоповичъ. Ему Гоголь писалъ однажды изъ Рима: „Не совѣстно ли тебѣ, мой милый, не писать ко мнѣ, позабыть меня! Не совѣстно ли тебѣ лѣниться! А я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллеями липъ нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра, и крѣпился, стянутый стужею петербургскаго климата, черезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ.“ („Русское Слово“, 1859, I, 109).

Дружба Гоголя къ Данилевскому не всю жизнь, правда, продолжалась въ одинаковой степени: между ними была однажды даже непродолжительная размолвка; но тѣмъ живѣе и естественнѣе предстаютъ передъ нами ихъ вполнѣ искреннія отношенія. Эта единственная размолвка (если справедливо употребить такое сильное выраженіе) нисколько не мѣшаетъ утверждать, что они всегда были истинными друзьями. Правда, въ послѣдніе годы, углубившись въ созданный имъ внутренній міръ и сблизившись съ людьми, болѣе склонными сочувствовать овладѣвшему имъ новому настроенію, Гоголь какъ будто нѣсколько отдалился отъ неразлучнаго, со временъ дѣтства, друга, но никогда, въ сущности, въ немъ не умирало чувство самаго горячаго расположенія къ нему. Для него Данилевскій былъ не только другомъ и товарищемъ молодости, свидѣтелемъ его первыхъ литературныхъ и свѣтскихъ успѣховъ, но и спутникомъ въ заграничныхъ странствованіяхъ, участникомъ въ лучшихъ наслажденіяхъ жизни, въ благородныхъ увлеченіяхъ роскошью южной природы и великими произведеніями искусства, — однимъ словомъ, это былъ человѣкъ, связанный съ нимъ сердцемъ и всѣми наиболѣе дорогими впечатлѣніями юности, человѣкъ, съ которымъ, по собственному выраженію Гоголя, онъ шелъ въ жизни „рука объ руку“. Задушевная привязанность его къ Данилевскому ярко проявлялась въ томъ, что каждый разъ неожиданный пріѣздъ послѣдняго въ ихъ деревню производилъ чудо: угрюмый въ послѣдніе годы своей жизни писатель мгновенно оживлялся, къ нему возвращался веселый юморъ молодости, и во всемъ домѣ наступалъ настоящій праздникъ. Ничье появленіе не имѣло на него такого волшебнаго дѣйствія, никому не удавалось возбуждать въ Гоголѣ такое отрадное настроеніе. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто привѣтливый лучъ весенняго солнца заигралъ веселымъ блескомъ въ пасмурной обстановкѣ скромнаго деревенскаго дома... Даже въ послѣднее посѣщеніе Данилевскимъ Гоголя въ Васильевкѣ, уже не болѣе, какъ за полгода до смерти послѣдняго, по поводу поданныхъ на столъ любимыхъ Гоголемъ малороссійскихъ варениковъ, пріятели затѣяли шумный споръ о томъ, отъ чего было бы тяжелѣе отказаться на всю жизнь—отъ варениковъ или отъ наслажденія пѣніемъ соловьевъ?...

Благодаря этой веселости Гоголя въ присутствіи Данилевскаго, послѣдній меньше всѣхъ остальныхъ друзей его былъ знакомъ, по непосредственнымъ впечатлѣніямъ *(но по письмамъ)*, съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ настроеніемъ Гоголя въ послѣдніе годы.

Знакомство Гоголя съ Данилевскимъ началось съ дѣтства обоихъ. Отцы ихъ были товарищами въ школѣ и, будучи близкими сосѣдями, не прерывали своихъ отношеній, хотя и не были свя-

заны той тѣсной дружбой, какая завязалась впослѣдствіи между ихъ сыновьями.

Семереньки, помѣстье Данилевскихъ, отстояло отъ Васильевки на 30 верстъ. Однажды, когда маленькій Данилевскій сталъ немного подрастать, отецъ вздумалъ его повезти съ собой къ сосѣдямъ Яновскимъ. Такъ произошло первое свиданіе будущихъ друзей, хотя они тогда почти вовсе не ознакомились другъ съ другомъ. Гоголь былъ боленъ и лежалъ въ постели, такъ что новый знакомый его долженъ былъ все время играть съ его младшимъ братомъ. Но раннія впечатлѣнія иногда неизгладимо врѣзываются на всю жизнь; такъ было и на этотъ разъ: въ дѣтскую память Гоголя запала незначительная подробность угощенія гостя клюквой. Не разъ случалось ему припоминать потомъ серьезно объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ, а однажды онъ замѣтилъ даже въ письмѣ: „Не помни ничего того, какъ я надоѣдалъ тебѣ, и помни только, какъ я люблю тебя, моего спутника, шедшаго о плечо мое всю дорогу жизни, отъ тѣхъ поръ, какъ ты ѣлъ въ первый разъ клюкву въ нашемъ домѣ“ [1]).

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ судьба связала ихъ; она какъ будто заботилась о томъ, чтобы сблизить ихъ и сдѣлать друзьями на всю жизнь. Къ тому же они были и ровесники: А. С. Данилевскій родился въ Семеренькахъ 28-го августа 1809 года. Вскорѣ отецъ его умеръ, а мать, Татьяна Ивановна, тогда же вышла вторымъ бракомъ за одного изъ сосѣдей по имѣнію, Василія Ивановича Черныша, помѣстье котораго, Толстое, было всего въ шести верстахъ отъ Васильевки. Если эта перемѣна могла отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ семействъ, то во всякомъ случаѣ не иначе, какъ еще тѣснѣе скрѣпляя узы существовавшей пріязни. Мать Данилевскаго была и прежде дружна съ Марьей Ивановной Гоголь, но со временемъ обстоятельства и привычка все болѣе способствовали упроченію ихъ добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Чернышъ былъ также общительный, хорошій человѣкъ, простой въ обхожденіи и пользовавшійся общимъ уваженіемъ знакомыхъ. Жену онъ любилъ и съ ея дѣтьми обращался, какъ съ своими собственными.

Вотъ какъ разсказывалъ мнѣ А. С. Данилевскій о своихъ дѣтскихъ отношеніяхъ къ Гоголю. Разсказъ его передаю съ буквальною точностью, за исключеніемъ небольшихъ перестановокъ въ тѣхъ мѣстахъ, когда увлекавшія его воспоминанія заставляли дѣлать отступленія и забѣгать впередъ:

„Я съ нимъ познакомился въ дѣтствѣ. Мнѣ было семь лѣтъ.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 302.

Наши родители вмѣстѣ воспитывались въ кіевской духовной академіи. Мы пріѣхали съ отцомъ къ нимъ въ деревню. Мы жили отъ нихъ верстахъ въ тридцати, въ Семеренькахъ. Это было около Рождества. Тутъ я увидѣлъ въ первый разъ маленькаго Никошу [1]). Онъ былъ нездоровъ и лежалъ въ постели. Мы играли съ его младшимъ братомъ Иваномъ. Пробыли мы нѣсколько дней. Я возвратился съ отцомъ домой, и въ этотъ довольно значительный промежутокъ времени мы не видались. Я лишился отца; моя мать вышла замужъ за Василія Ивановича Черныша (его имѣніе, Толстое, находилось верстахъ въ 6 отъ Васильевки). Я жилъ дома и въ Зеньковѣ [2]) у моего домашняго учителя, который былъ потомъ назначенъ смотрителемъ уѣзднаго училища. Въ 1818 году я поступилъ въ полтавскую гимназію. Тутъ послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ мы вспомнили другъ друга. Вмѣстѣ съ нимъ мы пробыли года два. Онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ у учителя Спасскаго. Я поступилъ въ Нѣжинъ въ 1822 г., гдѣ опять засталъ уже Гоголя, поступившаго годомъ раньше меня, и съ тѣхъ поръ мы были не разлучны. Мы всегда ѣздили съ нимъ, и съ сыномъ отчима, П. А. Барановымъ [3]), домой на вакаціи.

„Помню одинъ забавный случай съ надзирателемъ Зельднеромъ [4]). Зельднеръ навязался ѣхать съ нами. Коляску прислали четверомѣстную. Было бы мѣсто для всѣхъ, но къ намъ напросился еще нѣкто Щербакъ (онъ былъ знакомъ съ семействомъ Гоголя); онъ жилъ около Пирятина; это были довольно богатые люди. Зельднеръ еще сохранялъ тогда для насъ авторитетъ; его присутствіе насъ очень стѣсняло. Къ тому же съ нимъ было несчастіе: каждый разъ, когда онъ пускался въ дорогу, съ нимъ случалось разстройство желудка, да и въ деревнѣ жить съ нимъ было не очень пріятно. Онъ ѣхалъ къ намъ обоимъ, но обоимъ не хотѣлось его брать. Когда условились съ нимъ ѣхать, то онъ пошелъ съ нами на черный дворъ, гдѣ была коляска, и хотѣлъ непремѣнно доказать, что можно ѣхать впятеромъ... Наружность его была забавная; ноги циркулемъ... Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Наканунѣ жена Зельднера, Марья Николаевна, напекла намъ на дорогу пирожковъ, и на другой день, чѣмъ свѣтъ, мы должны были тронуться въ путь. Но мы составили заговоръ уѣхать раньше. На другой день, утромъ, пріѣхавшій за нами человѣкъ Гоголя, Ѳедоръ, разбудилъ насъ въ музеѣ (такъ

---

[1]) Такъ всѣ называли Н. В. Гоголя въ семьѣ.

[2]) Зеньковъ и Пирятинъ - уѣздные города Полтавской губерніи.

[3]) Барановъ былъ потомъ въ военной службѣ.

[4]) Зельднеръ упоминается въ статьѣ профессора Лавровскаго: „Гимназія высшихъ наукъ“ (См. „Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, т. III, 1879 г., неоффиціальный отдѣлъ, стр. 165 и слѣд., и „Воспоминанія о Гоголѣ“ г. Пашкова („Берегъ“, 1880 г., № 268, дек., 18). гдѣ онъ обозначенъ иниціаломъ *З*).

назывались отдѣленія, на которыя раздѣлялись воспитанники; ихъ было три: старшее, среднее и младшее). Зельднеръ потомъ насъ долго искалъ и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что мы уѣхали. „А, мерзкая мальчишка!...“ говорилъ онъ.

„Дорога была продолжительная; мы ѣхали на своихъ, и на третій день прибыли. Дорогой дурачились, и Гоголь выкидывалъ колѣна. Щербакъ былъ грузный мужчина съ большимъ подбородкомъ. Когда онъ бывало заснетъ, Гоголь намажетъ ему подбородокъ халвой, и мухи облѣпятъ его; ему доставался и „гусаръ“ (гусаръ,—это была бумажка, свернутая въ трубочку). Когда кучеръ запрягалъ лошадей, то мы наводили стекло на крупы. Дорога была веселая. Помню, когда проѣзжали Ярески [1]) (это было въ іюлѣ), мы подбирались къ Толстому. Съ нами повстрѣчались Василій Аѳанасьевичъ и Василій Ивановичъ [2]). Кажется, это произошло случайно, а не была намѣренная встрѣча... Живо припоминается мнѣ Василій Аѳанасьевичъ; онъ былъ красивѣе сына. На немъ была тогда шляпа лощеная, матросская. Человѣкъ онъ былъ интересный, безподобный разсказчикъ. Я зналъ его; зналъ даже мать Василія Аѳанасьевича, Татьяну Семеновну. У нея въ саду былъ маленькій домикъ... Отецъ Василія Аѳанасьевича былъ домашнимъ учителемъ у Лизогуба и женился на Татьянѣ Семеновнѣ, его дочери. Имѣніе принадлежало Татьянѣ Семеновнѣ. Татьяна Семеновна была сморщенная, какъ губка, вѣчно ходила съ палочкой; молчаливая, добрая, прекрасная...

„Часто мы заѣзжали туда съ Гоголемъ дѣтьми по дорогѣ въ Нѣжинъ и къ Трощинскому въ Кибинцы; для подарковъ дѣлались иногда небольшія предварительныя путешествія. Такъ, въ 1828 г., въ послѣдній нашъ проѣздъ черезъ Кибинцы, Гоголь привезъ изъ Кременчуга бутылку великолѣпной мадеры. Мы много разъ бывали въ Кибинцахъ и Ярескахъ и гостили подолгу, но Трощинскій держалъ себя недоступно и едва ли промолвилъ съ нами даже слово. Домъ былъ открытый: кто ни пріѣзжалъ, пользовался хорошимъ пріемомъ. Былъ даже занимательный случай съ однимъ Барановымъ, артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ случайно, совершенно незнакомый, попалъ какъ-то въ Кибинцы какъ разъ передъ именинами Трощинскаго, и въ видѣ сюрприза, устроилъ великолѣпный фейерверкъ. Его обласкали, и онъ остался проживать въ Кибинцахъ, года на три, совершенно позабывъ про службу.

„Въ школѣ Гоголь мало выдавался, развѣ подъ конецъ, когда онъ былъ нашимъ редакторомъ лицейскаго журнала. Сна-

---

[1]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій жилъ всегда въ Кибинцахъ, но на лѣто переѣзжалъ въ Ярески.

[2]) Отчимъ Данилевскаго.

чала онъ писалъ стихи и думалъ, что поэзія — его призваніе [1]). Мы выписывали съ нимъ и съ Прокоповичемъ журналы, альманахи. Онъ заботился всегда о своевременной высылкѣ денегъ. Мы собирались втроемъ и читали „Онѣгина“ Пушкина, который тогда выходилъ по главамъ. Гоголь уже тогда восхищался Пушкинымъ. Это была тогда еще контрабанда; для нашего профессора словесности Никольскаго даже Державинъ былъ новый человѣкъ. Гоголь отлично копировалъ Никольскаго. Вообще Гоголь удивительно воспроизводилъ тѣ черты, которыхъ мы не замѣчали, но которыя были чрезвычайно характерны. Онъ былъ превосходный актеръ. Еслибы онъ поступилъ на сцену, онъ былъ бы Щепкинымъ. Въ Нѣжинѣ товарищи его любили, но называли: *таинственный карла*. Онъ относился къ товарищамъ саркастически, любилъ посмѣяться и давалъ прозвища. Самъ онъ долго казался заурядным мальчикомъ. Онъ былъ болѣзненный ребенокъ. Лицо его было какое-то прозрачное. Онъ сильно страдалъ отъ золотухи; изъ ушей у него текло... Надъ нимъ много смѣялись, трунили. Но передъ окончаніемъ курса его замѣтилъ и сталъ отличать профессоръ исторіи Бѣлоусовъ, котораго онъ, въ свою очередь, весьма уважалъ и любилъ“.

Кромѣ этого, болѣе или менѣе послѣдовательнаго разсказа А. С. Данилевскаго, мы могли вынести слѣдующее изъ отрывочныхъ воспоминаній о жизни его и Гоголя въ Нѣжинѣ.

Жизнь въ пансіонѣ была привольная: дѣти пользовались хорошимъ помѣщеніемъ, большой свободой и могли даже устроивать сообща удовольствія, изъ которыхъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ, конечно, гимназическій театръ. Весною и осенью къ ихъ услугамъ былъ обширный лицейскій садъ, въ которомъ они рѣзвились и проводили большую часть внѣ-класснаго времени. При тогдашнихъ ограниченныхъ требованіяхъ отъ учащихся на долю послѣднихъ выпадало не мало досужихъ часовъ, да и самое приготовленіе къ занятіямъ происходило у нихъ нерѣдко въ саду, подъ обаятельнымъ небомъ Украйны. А. С. Данилевскій живо припоминалъ, какъ иные изъ воспитанниковъ умудрялись даже, забравъ съ собой необходимый письменный матеріалъ, въ видѣ карандашей и бумаги, обдумывать и отчасти набрасывать свои сочиненія, сидя гдѣ-нибудь въ саду на деревѣ. Безпечность и игры устанавливали между школьниками живое общеніе и теплыя товарищескія отношенія, сохранившія для иныхъ

---

[1]) Въ Нѣжинѣ, по словамъ А. С. Данилевскаго, Гоголь писалъ во вкусѣ Бестужева, и у него встрѣчались пышныя описанія природы, лѣсъ и т. п. Все это помѣщалось въ лицейскихъ изданіяхъ: „Звѣзда“, „Метеоръ Литературы“, „Сѣверная Заря“. См. также „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 26; „Кіевская Старина“, 1884, V, 143 и „Лицей князя Безбородко“, 2 изд., стр. 329.

значеніе на всю жизнь. Немного, правда, выносили они изъ стѣнъ учебнаго заведенія, но юность ихъ катилась привольно и весело, и у нихъ всегда оставалось достаточно свободнаго времени для чтенія, для собственныхъ любимыхъ занятій и для впечатлѣній жизни. Отсюда вытекаютъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны тогдашняго лицейскаго быта. Въ многолюдной толпѣ почти предоставленныхъ себѣ мальчиковъ, не всегда получившихъ предварительно хорошее домашнее воспитаніе, было, разумѣется, несравненно больше такихъ, которые, пользуясь предоставленнымъ имъ привольемъ, упивались преимущественно прелестями малороссійскаго климата и наслажденіями на лонѣ природы, и изъ такихъ выходили очень часто самые заурядные люди. Вѣчно веселый, кудрявый мальчикъ Гребенка, безцеремонно перелѣзающій черезъ плетень къ своему сосѣду учителю Кулжинскому за альманахами и журналами [1]), живо переноситъ насъ въ патріархальные нравы лицея Безбородко въ концѣ двадцатыхъ и даже въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, т.-е. уже нѣсколько позднѣе Гоголя. Но Гребенка, эта „воплощенная юность“, по сочувственному отзыву о немъ любившаго его наставника, былъ уже натура богатая, исключительная, тогда какъ преобладающее большинство составляли тѣ „существователи“, которые, по словамъ Гоголя, при встрѣчѣ съ первыми затрудненіями готовы были отказаться отъ своихъ идеаловъ и „навострить лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольствоваться ничтожностью почти вѣчною“ [2]). Не муча себя честолюбивыми заботами и стремленіями, они, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, избирали себѣ невидное мирное поприще, терялись въ глуши и исчезали, по окончаніи курса, изъ виду своихъ болѣе энергичныхъ товарищей, направлявшихся обыкновенно въ Петербургъ. Но, съ другой стороны, не мало было въ ихъ средѣ и такихъ, которымъ, къ чести ихъ, снисходительный надзоръ начальства не помѣшалъ сдѣлаться со временемъ серьезными и дѣльными людьми, а нѣкоторымъ даже получить впослѣдствіи весьма почетную извѣстность. Являвшаяся у болѣе даровитыхъ и развитыхъ юношей страсть къ литературѣ и чтенію должна была, естественно, провести рѣзкую грань между молодыми людьми съ склонностью къ умственному труду — и будущими корнетами и титулярными совѣтниками.

Между воспитанниками уже тогда выдвигались люди серьезнаго труда и мысли, какъ извѣстный впослѣдствіи профессоръ П. Г. Рѣдкинъ, еще въ лицейское время работавшій много и дѣльно. Для Гоголя и Данилевскаго лицейскіе годы были полезны

---

[1]) См. „Лицей кн. Безбородко“, изд. 1884 г., стр. 381.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 59.

преимущественно той умственной пищей, которую имъ доставляло хорошее чтеніе, постепенно развивая ихъ и воспитывая въ нихъ эстетическое чувство. Для перваго изъ нихъ, впрочемъ, недостатокъ правильнаго систематическаго труда въ школѣ остался роковымъ, сдѣлавъ изъ него человѣка, обязаннаго рѣшительно всѣмъ своимъ богатымъ природнымъ дарованіямъ, а никакъ не ученью. Но съ другой стороны, это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя требуютъ особенно осторожнаго съ ними обращенія и которымъ безпощадная школьная регламентація съ ея нивеллирующимъ давленіемъ, можетъ быть, полезная для обыкновеннаго большинства, могла бы скорѣе причинить вредъ, — потому, во-первыхъ, что въ нихъ мало гибкости, а во-вторыхъ, лучшая учительница такихъ избранныхъ людей все-таки ихъ природа. Данилевскій же хотя не былъ натурой геніальной, но также былъ хорошо одаренъ отъ природы и во всякомъ случаѣ далеко не принадлежалъ къ числу людей дюжинныхъ; его живая воспріимчивость, сохранившаяся до послѣднихъ дней, его тонкое эстетическое чувство и замѣчательный интересъ къ литературѣ достаточно говорятъ за это.

VI. СТРАСТЬ ГОГОЛЯ КЪ ЖИВОПИСИ. ВПЕЧАТЛѢНІЯ ДѢТСТВА, ОТРАЗИВШІЯСЯ ВЪ ЕГО ПОЗДНѢЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

Любовь къ изящному, развившаяся въ ребенкѣ въ періодъ жизни въ домашнемъ кругу, вообще замѣтно проявилась во время его пребыванія въ школѣ. Не слишкомъ прилежный ученикъ, мало оказывавшій успѣховъ въ обязательныхъ предметахъ обученія, Гоголь съ явной охотой принимается за необязательные, т. е. искусства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія учиться музыкѣ и танцамъ, повторяетъ о своемъ желаніи въ нѣсколькихъ письмахъ сряду, проситъ прислать скрипку и смычекъ и т. п., высказываетъ охоту учиться танцовать, и самъ спѣшитъ записаться въ число занимающихся этими искусствами, еще не будучи окончательно увѣренъ въ согласіи на то родителей. „Я уже подписался хотѣвшимъ (т. е. желающимъ) учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно“[1]). Не получивъ отвѣта изъ дому, онъ уже рѣшается, несмотря на внѣшнюю робкую почтительность, заблаговременно заявить свое

[1]) Соч. и письма Гог., т. V, стр. 7, также 8, 10, 11 и слѣд.

желаніе, очевидно, въ полномъ разсчетѣ на разрѣшеніе. Вѣроятнѣе всего, что и родители относились поощрительно къ такому проявленію въ мальчикѣ эстетическихъ наклонностей: при несомнѣнной все-таки ограниченности ихъ средствъ, такъ явно обнаружившейся въ перепискѣ, особенно еще въ самыхъ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Нѣжина, въ которыхъ ему приходилось по нѣскольку разъ сряду просить у родителей объ одномъ и томъ же, о присылкѣ денегъ или о покупкѣ нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ,— они не отказывали ему въ концѣ концовъ въ просьбахъ и находили возможнымъ уплатить прибавочную сумму (около 100 р. въ годъ) за обученіе сына искусствамъ.

Но кромѣ страсти къ изящному и отчасти безсознательнаго накопленія матеріала для будущихъ произведеній изъ разсказовъ отца или дѣда и видѣнныхъ въ дѣтствѣ малороссійскихъ комедій, для будущей творческой дѣятельности Гоголя необходимъ былъ и иной запасъ, данный самой жизнью и доставившій впослѣдствіи обильную пищу его фантазіи, уже получившей побужденіе работать въ извѣстномъ направленіи, и эту пищу онъ нашелъ, при необыкновенной врожденной наблюдательности, между прочимъ и въ путевыхъ впечатлѣніяхъ во время своихъ поѣздокъ въ Нѣжинъ и обратно въ Васильевку [1]). Искреннія, въ высшей степени прочувствованныя воспоминанія Гоголя о дѣтствѣ въ началѣ VI главы „Мертвыхъ Душъ“ и особенно о поѣздкахъ и о дорогѣ имѣютъ, несомнѣнно, весьма важное автобіографическое значеніе. Всего важнѣе въ этомъ смыслѣ слѣдующія слова его послѣ длиннаго перечисленія предметовъ и людей, привлекавшихъ его вниманіе: „Я уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ“ [2]). Вспоминая о своей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра въ дѣтствѣ, Гоголь ярко рисуетъ здѣсь безлюдье и мертвенную заброшенность уѣзднаго городка. Въ первоначальномъ наброскѣ „Коляски“ мы встрѣчаемъ сходный образъ: „Проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ нанковомъ сюртукѣ, тарабанитъ по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ за наваленныхъ мучныхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ“ [3]). Съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ также подъѣзжалъ тогда Гоголь къ какой-нибудь незнакомой усадьбѣ, жадно всматривался во все, представлявшееся его свѣжему дѣтскому взору и

[1]) Также по порученію матери въ Кременчугъ и Полтаву; см. выше.

[2]) Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (V т., стр. 438) Гоголь также съ увлеченіемъ говоритъ о благотворномъ вліяніи на него дороги уже въ зрѣлыхъ годахъ: „Дорога, дорога! Я надѣюсь на дорогу: она теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна“. Сравни въ VI т., стр. 247: „Дорога всегда мнѣ помогала“; также см. VI т., стр. 165, 183, 213, 214, 243, 244, 502 и проч.

[3]) См. соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 744.

нерѣдко съ нетерпѣливымъ любопытствомъ ждалъ момента, когда напр. раздвинутся наконецъ зеленыя стѣны садовъ и сразу предстанетъ передъ нимъ помѣщичій домъ—какъ это описано въ названномъ лирическомъ отступленіи. Мы можемъ убѣдиться, что зародыши его великаго искусства проникать въ тайны внутренняго міра человѣка, дающія ему права на названіе поэта-мыслителя, его глубокое сочувствіе людскимъ несчастіямъ и склонность „смѣяться сквозь слезы", имѣли свое начало еще въ дѣтской воспріимчивости и наблюдательности и воспитали въ немъ гуманное отношеніе къ ничтожному и падшему человѣку. Если припомнимъ, что въ другомъ мѣстѣ того же произведенія онъ говоритъ о дорогѣ: „сколько родилось въ ней чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!" [1]), то мы должны будемъ признать, что по крайней мѣрѣ извѣстная доля этихъ впечатлѣній накопилась въ чуткомъ дѣтскомъ возрастѣ, и несомнѣнно тогда развилась воспріимчивость къ нимъ, а равно и страстное сочувствіе впечатлѣніямъ длинной дороги зародилось навѣрно еще очень рано [2]).

Дѣтскія воспоминанія Гоголя лучше всего переданы имъ въ извѣстномъ задушевномъ лирическомъ отступленіи, въ началѣ VI главы „Мертвыхъ Душъ" [3]). Но кромѣ того, они отразились въ другихъ мѣстахъ, напр., въ описаніи недоумѣнія школьника, внезапно пробужденнаго всунутой ему въ носъ бумажкой, называемой „гусаромъ" [4]); особенно же—во многихъ описаніяхъ помѣщичьихъ усадьбъ, при приближеніи къ которымъ взоры путника неизмѣнно встрѣчаютъ у Гоголя находящійся посреди сада прудъ, какъ это бывало въ дѣйствительности съ самимъ авторомъ при въѣздѣ въ родную Васильевку. Въ дѣтскомъ воображеніи Гоголя ярко напечатлѣлись на всю жизнь всѣ подробности обстановки, представлявшейся ему обыкновенно при возвращеніи подъ родительскій кровъ, до изображенія яростной атаки подъѣзжающаго экипажа стаей деревенскихъ собакъ и картины ловли крестьянами раковъ въ прудѣ,—картины, особенно настойчиво всплывавшей въ воображеніи Гоголя въ соотвѣтствующихъ описаніяхъ, и потому даже повтореніе этихъ малѣйшихъ подробностей едва ли слѣдуетъ разсматривать, какъ простую случайность. Одну изъ такихъ картинъ

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 107.

[2]) Тамъ же, стр. 222.

[3]) Припомнимъ по этому поводу трогательный разсказъ С. Т. Аксакова о томъ, какъ, прочитавъ это сожалѣніе своего сына объ утраченной молодости, Марья Ивановна Гоголь, еще совсѣмъ моложавая на видъ женщина, залилась горькими слезами („Русскій Архивъ", 1890, VIII, стр. 68).

[4]) Такое же воспоминаніе есть въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, написанномъ тотчасъ по отъѣздѣ послѣдняго изъ Рима: осиротѣвшій Гоголь сравниваетъ свое состояніе съ положеніемъ наказаннаго школьника, который завидуетъ своимъ играющимъ на свободѣ товарищамъ („Русскій Архивъ" 1871 г., 4—5, 960, 0929).

въ наиболѣе цѣльномъ видѣ мы находимъ еще въ повѣсти: „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ [1]). Особенность описанія въ этой повѣсти сравнительно съ другими лишь та, что въ ней изображается въѣздъ помѣщика въ собственную усадьбу и вполнѣ естественное въ такихъ случаяхъ чувство сильной радости при встрѣчѣ съ близкими людьми и предметами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно имѣетъ большое сходство лишь съ описаніемъ возвращенія въ собственную деревню Тентетникова. Вотъ это мѣсто: „На третій день приближался онъ къ своему хутору. Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилось; по мѣрѣ того, какъ жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блестѣлъ сквозь нихъ прудъ и дышалъ свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался, въ этомъ самомъ прудѣ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками“ [2]). Останавливаясь пока на этихъ строкахъ, напомнимъ другія сходныя описанія, напр. въ „Остраницѣ“: „Путешественникъ поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ на косогорѣ синѣли сады, и, по мѣрѣ приближенія, становились бѣлѣе разбросанныя хаты. Посреди хутора, надъ прудомъ, находилась вся закрытая вишневыми и сливными деревьями свѣтлица“ [3]) и проч., въ „Майской Ночи“: „Тихи и покойны эти пруды, *холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ*“ [4]) и проч. Въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ снова находимъ дважды описанія видовъ, постепенно открывающихся путникамъ при въѣздѣ въ деревни Манилова и Пѣтуха, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ изображается и находящійся посреди сада прудъ, и даже ловля въ немъ раковъ, происходящая въ самый моментъ пріѣзда Чичикова.

Продолжаемъ далѣе нашу выписку изъ той же повѣсти объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ: „Кибитка въѣхала на греблю, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони, по которымъ онъ когда-то украдкою лазилъ“... „Хуторъ какъ будто ушелъ въ землю, только видны были подъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика да вершины деревьевъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки“ [5])... „Только-что въѣхалъ онъ на дворъ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурыя, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадямъ“... „Заливающіяся со всѣхъ сторонъ собаки прыгали передъ лошадью

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 194—195.
2) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 291 и т. I, стр. 195.
3) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 80.
4) Тамъ же, т. I, стр. 58.
5) Т. I, стр. 257.

такъ высоко, что, казалось, хотѣли укусить ее за морду, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ; одна, стоя возлѣ кухни и накрывъ лапою пасть, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ бы приговаривая: „посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человѣкъ“. Такое же описаніе повторяется при въѣздѣ Чичикова въ деревню Коробочки. Наконецъ, какъ въ повѣсти о Шпонькѣ, такъ и въ другихъ названныхъ описаніяхъ находимъ изображеніе однихъ и тѣхъ же домашнихъ животныхъ и птицъ, встрѣчающихся путнику при въѣздѣ въ деревню; такъ, въ „Остраницѣ“ также упоминаются излюбленныя Гоголемъ очеретяныя крыши, полощущіяся утки, тѣ же неизмѣнныя яблони (въ другихъ описаніяхъ, впрочемъ, замѣняемыя черешнями), а въ „Остраницѣ“ и въ описаніи усадьбы Тентетникова всему этому еще предшествуетъ описаніе рѣки. Такимъ образомъ всѣ названные отрывки имѣютъ между собой не одну точку соприкосновенія; въ нѣкоторыхъ другихъ повторяется описаніе косогора и проч.

Далѣе, дѣтскія воспоминанія Гоголя несомнѣнно отразились въ описаніи похожаго на арбузъ экипажа Коробочки, сходнаго съ страннымъ экипажемъ Пульхеріи Ивановны, въ описаніи неискусно сдѣланныхъ деревенскихъ портретовъ и множества другихъ мелкихъ подробностей, всего ярче изображенныхъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Неудовлетворительныя объясненія приказчика Пульхеріи Ивановны чрезвычайно похожи на отвѣты приказчика Манилову и еще болѣе Тентетникову. Напротивъ, въ подробномъ описаніи присутственныхъ мѣстъ въ отрывкѣ, начинающемся словами: „Гдѣ не бываетъ наслажденій! Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность“—отразились уже впечатлѣнія жизни Гоголя въ періодъ его департаментской службы [1]) (также какъ отчасти и раньше въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“) и вообще первыхъ лѣтъ его жизни въ Петербургѣ.

VII. ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ ВЪ ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ КУЛИША И Г. КОЯЛОВИЧА.

Въ виду крайней скудности данныхъ о школьномъ бытѣ Гоголя позволимъ себѣ дополнить предыдущій очеркъ разсказомъ Кулиша и другими слѣдующими ниже замѣтками и воспоминаніями объ этой порѣ жизни нашего писателя.

[1]). Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 288.

Кулишъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя: „Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской гимназіи, у водъ поросшей камышемъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грезы о родинѣ. Онъ—любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ выбираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все переработывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое состязаніе. Гоголь любилъ своихъ товарищей вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи онъ изъ глубины души восклицалъ: „О, моя юность! о, моя свѣжесть!“ что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни объ одномъ изъ нихъ не отзывается онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждаго интересовала его въ высшей степени.

Впрочемъ товарищи составляли только отраду его въ разлукѣ съ роднымъ семействомъ, но не могли замѣнять для него первыхъ сердечныхъ привязанностей.

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго, „добронравнаго“; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинился жесткою сторо́ною своей души; за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что́ называется, „смирною овечкою“. Маленькія злыя ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что́ онъ разсказываетъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ быть, не всѣ такъ хорошо знакомы съ его произведеніями, какъ авторъ этихъ „Записокъ“; можетъ быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ воображеніи поэта при воспоминаніи о гусарѣ; картина же это живо рисуетъ и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь разсказываетъ о томъ, какъ дамы губернскаго города N, по случаю странныхъ

подозрѣній насчетъ Чичикова, „умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту“ (продолжаетъ онъ) „было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣжившеюся рѣчкою, тамъ и сямъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ“ [1]).

Эти „блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ“ живо напоминаютъ тому, кто знаетъ мѣстность нѣжинскаго лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащій тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаюсь на соучениковъ Гоголя, не помнятъ ли они при этомъ „косвенномъ лучѣ солнца“ золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ лѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью „всѣхъ наслажденій бытія“, набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣятельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечно оно въ Гоголевой картинѣ.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва-ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ [2]). Къ нѣмецкому и англій-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 188—189.

[2]) Аттестатъ, полученный Гоголемъ при выпускѣ изъ гимназіи, противорѣчитъ этому преданію его товарищей. Въ немъ сказано, что Гоголь окончилъ курсъ ученія съ *очень хорошими* успѣхами во французскомъ и съ *превосходными* въ нѣмецкомъ языкѣ. Но надобно знать, каково было тогда состояніе языкознанія въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко. Этой части гимназическаго курса придавалось такъ мало важности, что рѣшительное незнаніе

скому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго еще питалъ комическое отвращеніе [1]). Онъ шутя говаривалъ, что онъ „не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ-нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ“.— Вспомните слова его: „по-англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи“ [2]). Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

Зато въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ гимназіи было тогда, и до сихъ поръ (въ лицеѣ) есть, нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ учителя рисованія, человѣка необыкновенно преданнаго своему искусству [3]), и будучи приготовленъ къ этому практически, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ и уже съ того времени предметы стали обрисовываться для его глаза такъ опредѣлительно, какъ видятъ ихъ только люди знакомые съ живописью [4]).

иностранныхъ языковъ не мѣшало воспитанникамъ переходить въ высшіе классы. По свидѣтельству знакомыхъ со мной лично соучениковъ Гоголя, онъ, находясь въ одномъ съ нимъ классѣ по наукамъ, отставалъ отъ нихъ постоянно двумя классами по языкамъ, и *превосходилъ* развѣ только тѣхъ, которые знали еще меньше его, то есть почти не умѣли читать нѣмецкой печати, при окончаніи курса, какъ это можно было встрѣтить въ малороссійскихъ гимназіяхъ и гораздо позже Гоголева времени.—Я видѣлъ книги Гоголя, по которымъ онъ обрабатывалъ свои лекціи, будучи адъюнктомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Всѣ онѣ на русскомъ и на французскомъ языкахъ; на нѣмецкомъ — ни одной. Гоголь любилъ читать Шекспира, но, не зная англійскаго языка (которому началъ учиться подъ конецъ жизни), не могъ пользоваться превосходнымъ переводомъ Шлегеля и читалъ обыкновенно по-французски. Не мое дѣло догадываться, почему профессоръ нѣмецкой словесности аттестовалъ такъ высоко успѣхи Гоголя въ нѣмецкомъ языкѣ. Я только укажу на его же отмѣтку, сдѣланную въ общемъ выводѣ за 1828-й г, Не говоря уже о томъ, что Гоголь въ этомъ году пребыванія своего въ гимназіи высшихъ наукъ находился по языкамъ не въ шестомъ высшемъ отдѣленіи, а въ четвертомъ отдѣленіи, онъ не могъ получить отмѣтки полныхъ балловъ 4, а получилъ только 2. Гдѣ же тутъ *превосходные* успѣхи?—Гоголь принялся за основательное изученіе языковъ только въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни и прибавилъ къ французскому знаніе языковъ итальянскаго, польскаго, нѣмецкаго, англійскаго, латинскаго, греческаго (и испанскаго). Въ его бумагахъ сохранились слѣды занятій этими языками, и кажется, что онъ читалъ книги на каждомъ изъ нихъ.

[1]) Впослѣдствіи, во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно свободно объясняться, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по-итальянски. Разъ даже въ остеріи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ безъ приготовленія. Подъ конецъ жизни онъ учился и, можетъ быть, зналъ по-англійски; а въ его буматахъ найдено много тетрадей, исписанныхъ упражненіями въ греческомъ языкѣ.

[2]) „Мертвыя Души“. (Соч. Гог., изд. X, т. Ш, стр. 163).

[3]) Это былъ К. С. Павловъ.

[4]) „Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи“, говоритъ Го-

Что̀ касается до литературныхъ успѣховъ, то, къ счастью, сохранились классныя упражненія на заданныя темы Н. В. Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь-Яновскій* [1]). О первыхъ мы,—продолжаетъ Кулишъ,—„молчимъ, такъ какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже нѣкоторою опытностью, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстію. Слово въ эту эпоху вообще было какою-то новостію, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей, казался тогда восхитительною забавою [2]). Это было время появленія первыхъ главъ „Евгенія Онѣгина“, время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Интересенъ разсказъ о Гоголѣ-гимназистѣ, напечатанный однимъ изъ его наставниковъ, Кулжинскимъ, въ 21 № „Москвитянина“ 1854 года.

„Онъ учился у меня“ (говоритъ Кулжинскій) „три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: „Uni-

---

голь въ статьѣ о Пушкинѣ (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр, 210—211). И какъ рано пробудилась въ немъ эта страсть, видно изъ слѣдующаго затѣмъ недосказаннаго объясненія: „Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди“. Эта картина хранилась въ Васильевкѣ. Она писана клеевыми красками на загрунтованномъ краснымъ грунтомъ холстѣ, длиною въ $1^1/_2$, а шириною въ 1 арш. Представляетъ она бесѣдку надъ прудомъ посреди высокихъ деревъ, между которыми одно — съ засохшими вѣтвями. Деревья, какъ видно, скопированы съ чего-нибудь, а бесѣдка сочинена вся или отчасти самимъ художникомъ. Замѣчательны въ ней рѣшетчатыя остроконечныя окна, подобныя тѣмъ, какія были въ старомъ домикѣ, нарисованномъ Гоголемъ. Подобныя окна есть и теперь въ Васильевкѣ въ небольшомъ флигелькѣ, въ саду.

[1]) Впослѣдствіи онъ рѣшительно отрекся отъ второй половины своей двойной фамиліи и не позволялъ называть себя Яновскимъ. „Зачѣмъ называете вы меня Яновскимъ?“(говорилъ онъ).„Моя фамилія *Гоголь*, а *Яновскій* — только такъ, прибавка; ее поляки выдумали.“ (Мих. Лонгиновъ: „Воспоминаніе о Гоголѣ“, въ 3-й кн. „Современника“ 1854).

[2]) Я думаю, что еще въ ту свѣжую пору жизни Гоголь такъ пристально вглядѣлся въ неосязаемую механику слова, какъ это послѣ выражено имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 212). „Въ каждомъ словѣ“—говоритъ онъ—„бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ“.

[1]) Впрочемъ, покойный А. С. Данилевскій говорилъ мнѣ, что на воспоминанія Кулжинскаго особенно полагаться нельзя. В. Ш.

versus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram“ (за что и былъ прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами „Universus mundus“). Во время лекцій Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, не узнанный школою и, ежели правду сказать, нехотѣвшій или неумѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть, и къ лучшему“.

По разсказу Г. И. Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Бороздина, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день именинъ Бороздина, 12-го декабря [1]), Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

„Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище (дервишей) всѣхъ,
Инокъ монастыря строптивый,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй“.

Вскорѣ затѣмъ (разсказывалъ Высоцкій) Гоголь написалъ сатиру на жителей города Нѣжина, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ Законъ не писанъ“, и изобразилъ въ ней типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: 1) „Освященіе Церкви на Греческомъ Кладбищѣ“; 2) „Выборъ въ Греческій Магистратъ“; 3) „Всеѣдная Ярмарка“; 4) Обѣдъ у Предводителя (Дворянства) П***“; 5) „Роспускъ и Съѣз

[1]) Въ день святого Спиридона; но это была г ины Боро (его звали Николаемъ) приходились въ другой ден

Студентовъ". Г. И. Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь еще въ гимназіи, выписалъ ее отъ него изъ Петербурга, подъ предлогомъ, будто бы потерялъ подлинникъ, и уже не возвратилъ.

Другой соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ: „Двѣ Рыбки". Въ ней, подъ двумя рыбками онъ изобразилъ судьбу свою и своего брата — очень трогательно, сколько припоминалъ потомъ Прокоповичъ тогдашнее свое впечатлѣніе.

Наконецъ сохранилось преданіе еще объ одномъ ученическомъ произведеніи Гоголя—о трагедіи „Разбойники", написанной пятистопными ямбами".

Возвратимся къ устнымъ преданіямъ соучениковъ Гоголя.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что всего важнѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: „Звѣзда". Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ „Звѣздѣ", между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: „Братья Твердиславичи" (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), [1] и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ „высокимъ" [2]

---

[1] Объ этой повѣсти одинъ изъ товарищей Гоголя, Любичъ-Романовичъ, разсказываетъ слѣдующее:

„Первая прозаическая вещь Гоголя была написана въ гимназіи и прочитана публично на вечерѣ Рѣдкина. Называлась она „Братья Твердиславичи, славянская повѣсть".

Нашъ кружокъ разнесъ ее безпощадно и рѣшилъ тотчасъ же предать уничтоженію. Гоголь не противился и не возражалъ. Онъ совершенно спокойно разорвалъ свою рукопись на мелкіе клочки и бросилъ въ топившуюся печь.

„Въ стихахъ упражняйся",—дружески тогда посовѣтовалъ ему Базили—„а прозой не пиши, очень ужъ глупо выходитъ у тебя. Беллетристъ изъ тебя не вытанцуется: это сейчасъ видно"...

Но безъ пріятельской поддержки Прокоповича и стихи Гоголя были бы негодны, такъ какъ онъ никогда не могъ совладѣть съ размѣромъ, съ гармоніей, а гоняясь за риѳмами, такъ обезображивалъ всегда смыслъ своихъ твореній, что даже всегда сдержанный Прокоповичъ приходилъ въ ужасъ".

[2] „Историч. Вѣстн.", 1892, XII, стр. 696.

слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта,—словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе „альманаха“ и издалъ подъ заглавіемъ: „Парнасскій Навозъ“. Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьезному подражанію журналамъ и работалъ надъ обертками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Еще мы знаемъ автора „Мертвыхъ Душъ“ въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги нетрудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли „Сѣверные Цвѣты“, издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе—нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало; библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ „Математическую Энциклопедію“ Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ, но первое изданіе „Вечеровъ на Хуторѣ“ еще отзывается ею“.

Въ приведенномъ разсказѣ Кулиша мы не находимъ свѣдѣній о товарищеской средѣ, окружавшей Гоголя въ школѣ, и объ отношеніи юнаго поэта къ товарищамъ. Въ данномъ случаѣ мы можемъ воспользоваться другими источниками, напримѣръ воспоминаніями нѣкоторыхъ друзей дѣтства нашего писателя и непосредственно слѣдующимъ очеркомъ г. Кояловича.

„Не останавливаясь на подробной характеристикѣ этой товарищеской среды Гоголя“ (говоритъ г. Кояловичъ) [1]), „такъ какъ это—по важности и интересу своему могло-бы послужить предметомъ цѣлаго отдѣльнаго изслѣдованія,—упомянемъ только имена

[1]) „Московск. Сборникъ“, 1887, стр. 213—214.

этихъ товарищей и напомнимъ вкратцѣ, какими интересами жила въ гимназіи эта талантливая молодежь.

Всѣмъ извѣстный П. Г. Рѣдкинъ (онъ былъ старше Гоголя на одинъ курсъ) очень скоро по своемъ вступленіи въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ, задумалъ грандіозное дѣло: составить изъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей полный курсъ всеобщей исторіи по самой подробной программѣ [1]). Къ нему присоединились его однокурсники: В. И. Любичъ-Романовичъ, извѣстный переводчикъ, и В. В. Тарновскій, бывшій впослѣдствіи, во время крестьянской реформы, послѣдовательно: членомъ отъ правительства въ черниговскомъ по улучшенію крестьянскаго быта комитетѣ, членомъ редакціонныхъ коммиссій и членомъ отъ правительства въ полтавскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, — чѣмъ и записалъ свое имя въ исторію [2]). Къ этимъ тремъ вскорѣ присоединились и другіе товарищи Гоголя, К. М. Базили, не безъизвѣстный впослѣдствіи дѣятель въ области литературы и политики, который самою своей судьбой, приведшей его въ нѣжинскую гимназію, могъ оказать особаго рода вліяніе на будущаго творца „Тараса Бульбы“. Свидѣтель ужасовъ константинопольской рѣзни грековъ въ 1821 г., Базили привезъ своимъ товарищамъ разсказы о всемъ, что такъ жестоко поразило его въ самый нѣжный возрастъ, и воспоминанія о чемъ, конечно, не могли не сопутствовать ему и въ этой новой жизни, которая началась для него съ переѣздомъ въ Россію. Къ нимъ же скоро присоединился и Н. В. Кукольникъ, будущій авторъ драмы „Рука Всевышняго отечество спасла“, который поражалъ своей начитанностью и знаніями не только товарищей, но и учителей. Къ той-же группѣ надо причислить и въ высшей степени симпатичнаго и кроткаго, талантливаго Гребенку [3]), дарованія котораго, согрѣтыя лучами великолѣпнаго генія его земляка и товарища, распустились впослѣдствіи въ прекрасный цвѣтокъ и дали современному обществу нѣсколько поэтическихъ разсказовъ и повѣстей изъ малороссійской жизни, на которыхъ замѣтно вліяніе Гоголя. Наконецъ, нельзя не вспомнить и Н. Я. Прокоповича, имя котораго навсегда слилось съ именемъ его знаменитаго друга, котораго онъ не долго пережилъ, съ которымъ до конца дѣлилъ всѣ горести и радости его шумной и тревожной славы“.

Эта характеристика товарищеской среды Гоголя, сдѣланная Кояловичемъ, вполнѣ подтверждается и нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ дневника одного изъ его школьныхъ пріятелей поэта [4]).

---

[1]) Гербель,—„Лицей князя Безбородко“, стр. 329 и 443.
[2]) Тамъ же, стр. 461.
[3]) Гребенку Гоголь, впрочемъ, почти вовсе не зналъ.
[4]) Дневникъ этотъ не былъ напечатанъ. Мы не получили разрѣшенія назвать имя его автора.

...„Въ ту пору литература процвѣтала въ нашей гимназіи, и уже проявлялись таланты товарищей моихъ: Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко и другихъ, оставшихся неизвѣстными по обстоятельствамъ ихъ жизни или рано сошедшихъ въ могилу. Эта эпоха моей жизни и теперь на старости наводитъ мнѣ умилительныя воспоминанія. Жизнь вели мы веселую и дѣятельную, усердно занимались; къ поэзіи особенно пристрастился я...“

„Одновременно съ этимъ составился у насъ и другой кружокъ по почину старѣйшаго изъ студентовъ, П. Рѣдкина... Вообще, научное и литературное воспитаніе наше дѣлалось, можно сказать, самоучкою... Профессоръ словесности Никольскій о древнихъ и о западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ; Озерова, Батюшкова и Жуковскаго находилъ недовольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривіальными, сознавая, впрочемъ, нѣкоторую гармонію въ его стихахъ. Шалуны товарищи въ 5-мъ и 6-мъ классахъ, обязанные еженедѣльною данью стихотворенія, переписывали бывало изъ журналовъ и альманаховъ мелкія стихотворенія Пушкина, Языкова, кн. Вяземскаго и представляли профессору за свои, хорошо зная, что онъ современною литературою вовсе не занимался. Профессоръ торжественно подвергалъ строгой критикѣ стихотворенія эти, изъявлялъ сожалѣніе, что стихъ былъ гладокъ, а толку мало; „ода не ода“, говоритъ онъ, „элегія не элегія, а чортъ знаетъ что̀“; за тѣмъ начиналъ поправлять. Помнится, и „Демонъ“ Пушкина былъ переправленъ и передѣланъ на ладъ профессора нашего, къ неописанному веселію всего класса [1])...“

---

[1]) Презрѣніе къ новой литературѣ и происходившее отсюда невѣжество въ этой области простиралось у Никольскаго до того, что однажды онъ попалъ въ очень забавный просакъ, подписавъ послѣ многихъ помарокъ, на поданномъ ему ученикомъ V класса, Гребенкою, впослѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, вмѣсто *своего* стихотвореніе Козлова „Вечерній Звонъ“: *„изряднехонько“*. Въ другой разъ, подобнымъ же образомъ введенный въ обманъ, онъ одобрилъ описаніе весны изъ „Евгенія Онѣгина“, не подозрѣвая, что стихотвореніе было написано глубоко презираемымъ имъ Пушкинымъ. О Никольскомъ, какъ авторѣ поэмы „Умъ и Рокъ“, см. въ „Лицеѣ кн. Безбородко“, въ его біографіи; о характерѣ вліянія его на нѣкоторыхъ товарищей Гоголя, см. тамъ же, отд. II.

Любичъ-Романовичъ въ вышецитированной статьѣ сообщаетъ слѣдующее. „Никольскій заставлялъ учениковъ сочинять: это была его слабость,—и не только сочинять что-нибудь прозой, но даже и стихи“.

На одномъ урокѣ Гоголь подаетъ ему стихотвореніе Пушкина, кажется, „Пророкъ“, и съ спокойною совѣстію ожидаетъ профессорской резолюціи, которая, по разсчету Николая Васильевича, должна была быть благопріятной.

Никольскій прочелъ это чудное стихотвореніе, поморщился, и, по привычкѣ своей, началъ его передѣлывать.

Когда Пушкинскій стихъ профессоромъ былъ въ конецъ изуродованъ и возвращенъ обратно мнимому автору съ внушеніемъ, что такъ плохо писать стыдно, Гоголь не выдержалъ публичнаго посрамленія за чужое произведеніе и сказалъ:

...„До самаго 1826 года изъ всѣхъ нашихъ преподавателей только профессоръ математики Шаполинскій, воспитанникъ бывшаго виленскаго университета, и профессора французской и нѣмецкой литературы, Ландраженъ и Зингеръ, совладали съ своимъ предметомъ. Лѣтомъ бывало Шаполинскій водилъ насъ за городъ, верстъ за пять и за десять, съ инструментами снимать планы. Любили мы его и учились прилежно; до сей поры засѣли въ моей памяти иныя тригонометрическія формулы... Французская и нѣмецкая литература были намъ не по-сердцу, и тѣ изъ моихъ товарищей, кто прежде не зналъ этихъ языковъ, не выучились даже говорить, хотя по положенію и подъ страхомъ остаться безъ чаю или безъ десерта слѣдовало въ рекреаціонныхъ залахъ и во время гуляній говорить день по-французски и день по-нѣмецки.

„Русская литература у насъ процвѣтала вопреки профессору и несмотря на то, что въ ту пору даже порядочныхъ руководствъ не было никакихъ, кромѣ Словаря Остолопова, съ жадностію изучаемаго нами. Я уже говорилъ, что даже грамматики сколько-нибудь толковой не было у насъ... Но въ особенно незавидномъ положеніи было въ то время въ нашемъ Лицеѣ изученіе Русскаго права, которое намъ преподавалъ Билевичъ по единственному въ то время руководству Кукольника, отца моего товарища и бывшаго директоромъ нашего заведенія до Орлая. Преподаваніе заключалось въ чтеніи профессоромъ одной главы, съ приказаніемъ выучить, затѣмъ въ практическомъ веденіи тяжбъ между слушателями по заданнымъ профессоромъ темамъ. Процессы эти представляли нѣкоторый интересъ, потому что самъ

— Да вѣдь это не мои стихи-то...

— А чьи?

— Пушкина. Я нарочно Вамъ ихъ подсунулъ, потому что никакъ и ничѣмъ не могъ Вамъ не угодить...

—А вы вотъ даже и его передѣлали...

— Ну, что ты понимаешь"!.. воскликнулъ профессоръ.—„Да развѣ Пушкинъ-то безграмотно не можетъ писать? Вотъ тебѣ явное доказательство... Вникни-ка, у кого лучше вышло".

Это, конечно, анекдотъ, но анекдотъ характерный. Любичъ-Романовичъ путаетъ также въ своихъ воспоминаніяхъ, называя рукописный журналъ, издававшійся лицеистами, въ которомъ помѣщались дѣтскія сочиненія:—„Парнасскій Навозъ", тогда какъ это названіе принадлежало сборнику стиховъ одного изъ бездарныхъ сотоварищей Гоголя и было дано въ насмѣшку. (Приведенныя слова Любича-Романовича см. въ статьѣ Шевлякова, „Историч. Вѣстникъ", 1882, XI, стр. 697; не надо забывать, что г. Шевляковъ записалъ эти разсказы со словъ 90-лѣтняго старика).

[1]) По весьма вѣроятной догадкѣ В. П. Авенаріуса, Зингеру удалось заинтересовать Гоголя до нѣкоторой степени, но уже въ концѣ его пребыванія въ гимназіи, нѣмецкой литературой. Заключеніе это основываетъ на сопоставленіи того факта, что Зингеръ былъ родомъ изъ Лемберга (Львова), и съ другой стороны, что именно изъ этого города, слѣдовательно, всего вѣроятнѣе — именно черезъ Зингера,—Гоголь выписывалъ въ свою бытность въ Нѣжинѣ нѣмецкія книги. Ср. „Лицей кн. Безбородко, изд. 2, стр. 261 и 601 и Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 51).

руководитель профессоръ былъ собственно адвокатъ того времени, знатокъ судейскихъ крючковъ, и училъ насъ, какъ выигрывать тяжебныя дѣла, приводя то тотъ, то другой указъ. Что же касается теоріи права по руководству, бывало для сокращенія урока обольемъ заблаговременно жидкимъ клеемъ два листа книги профессора, потомъ склеимъ, и тѣмъ избавимся отъ двухъ лишнихъ страницъ in 4°. Помнится, случилось такъ, что страница оканчивалась словами: „то тѣхъ судей", а слѣдующая послѣ наклеенной, начиналась словами: „сдаютъ въ архивъ". При чтеніи лекціи это озадачило Билевича. Сначала подумалъ онъ, что это опечатка, и сталъ искать опечатокъ въ концѣ книги, тамъ ничего онъ не нашелъ; не теряя присутствія духа, онъ намъ пояснилъ, что это должно быть метафора, а подъ словомъ: „тѣхъ судей" надо понимать: „тѣ судейскія дѣла" кладутъ въ архивъ...

„Таковъ былъ у насъ преподаватель права, а между тѣмъ изъ нашей Гимназіи Высшихъ Наукъ вышелъ извѣстный теперь въ Россіи профессоръ Русскаго права Рѣдкинъ [1]). О Никольскомъ говорилъ я довольно; учениками его были Гоголь и Кукольникъ. Рѣдкинъ довершилъ свое воспитаніе въ Германіи; но Гоголь и Кукольникъ и другіе даровитые литераторы рѣшительно нигдѣ не учились по окончаніи курса въ Гимназіи Высшихъ Наукъ. Объясняется это тѣмъ, что въ ту пору кипѣла академическая своеобразная жизнь въ этомъ молодомъ заведеніи, которое, послѣ порядковъ, введенныхъ графомъ Уваровымъ, пришло въ совершенный упадокъ.

„Въ 1826 году поступили къ намъ два новые преподавателя, профессоръ Римскаго и естественнаго права Бѣлоусовъ, ученикъ Шада, и профессоръ Естественной исторіи Соловьевъ. Эти молодые ученые обворожили насъ совершеннымъ контрастомъ съ нашими наставниками, педантами стараго времени...

„Около этого времени посѣтилъ насъ графъ Сперанскій на пути изъ своего полтавскаго помѣстья въ Петербургъ, куда вызывалъ его Императоръ Николай I..."

VIII. КОНЧИНА В. А. ГОГОЛЯ И ЕЯ ВЛІЯНІЕ НА РАЗВИТІЕ ЕГО СЫНА.

Письма Гоголя къ матери получаютъ интересъ особенно со времени кончины его отца. Съ этихъ поръ мы и начнемъ болѣе подробный ихъ обзоръ. Но сначала разскажемъ объ этомъ тяжкомъ семейномъ несчастіи.

---

[1]) Авторъ воспоминаній скончался прежде П. Г. Рѣдкина.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу М. И. Гоголь.—Хотя годы супружества Маріи Ивановны были несомнѣнно золотымъ временемъ ея жизни, но и она перенесла не мало невзгодъ. Вотъ какъ она разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: „Жизнь моя была самая спокойная; характеръ у меня и у мужа былъ веселый. Мы окружены были добрыми сосѣдями. Но иногда на меня находили мрачныя мысли. Я предчувствовала несчастія; вѣрила снамъ. Сначала меня безпокоила болѣзнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылѣчилъ извѣстный въ то время докторъ Трахимовскій [1]). Потомъ онъ былъ здоровъ, но мнителенъ. У насъ было двѣнадцать дѣтей, изъ которыхъ болѣе половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной. Изъ шести сыновей остался одинъ, который замѣнилъ намъ всѣхъ. Но и его взялъ у меня Богъ — да будетъ Его святая воля! Потомъ смерть любимой моей дочери разстроила его здоровье. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей. Старшій сынъ и тогда отличался отъ обыкновенныхъ дѣтей. Дочь Марія была на три года моложе его и потомъ остались только меньшія три дочери“.

Утраты и огорченія неизбѣжны въ самой счастливой жизни. Марія Ивановна это хорошо понимала и пока не сѣтовала на судьбу. Покорность Провидѣнію, о которой она часто говорила, дѣйствительно была не фразой; но справедливость требуетъ сказать, что тихое и кроткое настроеніе у нея наступало уже тогда, когда горе успѣвало нѣсколько улечься. Въ первыя же минуты испытанія она была даже склонна впадать въ отчаяніе, что̀ повторялось впослѣдствіи нерѣдко, такъ какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственныя несчастія, но и горе близкихъ людей. Но пока, при жизни мужа, она еще не предавалась тому безпредѣльному отчаянію, которое овладѣвало ею потомъ. „Тяжело было это переносить“, — говоритъ Марія Ивановна,—„но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной“...

Нить счастливой супружеской жизни порвалась быстро и неожиданно. Хотя болѣзнь Василія Аѳанасьевича тянулась нѣсколько лѣтъ, но онъ не обращалъ на нее вниманія и ограничивался совѣтами кибинцскаго врача во время случайныхъ посѣщеній Трощинскаго, не считая нужнымъ предпринимать систематическое лѣченіе. Неудобства сообщеній и привязанность къ семьѣ были слишкомъ естественными причинами, объясняющими такую без-

---

[1]) Послѣ онъ страдалъ грыжей и геморроемъ.—Фамилія Трахимовскій, по мнѣнію А. С. Данилевскаго, происходитъ отъ словъ: трохи (мало) и мовить (говорить).

печность. Когда внезапно обнаружилось замѣтное ухудшеніе въ состояніи его здоровья, онъ собрался на нѣсколько дней отправиться въ Кибинцы, вѣроятно, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Марья Ивановна: „Мужъ мой болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кибинцы, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Я была тогда на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности и не могла ѣхать съ нимъ. Ему очень не хотѣлось уѣзжать и, прощаясь, онъ сказалъ, что, можетъ быть, безъ меня придется умереть, но потомъ самъ испугался и прибавилъ: „можетъ, долго тамъ пробуду, но постараюсь скорѣе вернуться“. Я получала отъ него часто письма; онъ все безпокоился обо мнѣ. Я не знала, что жизнь его была въ опасности, и далека была отъ мысли потерять его“.

Въ дорогѣ приступы болѣзни Василія Аѳанасьевича обозначились яснѣе и заставили подумать о лѣченіи серьезнѣе. Стѣсненія въ груди и геморроидальныя страданія тревожили больного днемъ и ночью, и лишали его сна. Во второмъ письмѣ онъ уже называетъ себя несчастнымъ страдальцемъ и жалуется на боли, но все еще не подозрѣваетъ всей опасности или не хочетъ въ ней сознаться: „мнѣ хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу“. Отправляясь въ Кибинцы, онъ предполагалъ пробыть тамъ недѣли двѣ; но тотчасъ же оказались разныя неудобства, заставившія перемѣнить планъ. Пришлось рѣшиться на временное устройство на квартирѣ въ Лубнахъ, уѣздномъ городѣ, верстахъ въ 20-ти за Кибинцами. Главная причина такой перемѣны заключалась въ непокойной, стѣснительной обстановкѣ при обычномъ кибинцскомъ многолюдствѣ: что̀ могло быть выиграно для здоровья отъ постояннаго надзора доктора, то парализировалось съ другой стороны неустранимыми мелочными причинами, крайне тягостными для больного. Марья Ивановна, узнавъ, что мужъ рѣшился пользоваться совѣтами уѣзднаго доктора въ Лубнахъ, сильно безпокоилась, чтобы онъ не поѣхалъ на нѣсколько дней въ Кибинцы по случаю приближавшагося праздника св. Пасхи. „Ты пишешь, что до праздника будешь въ Лубнахъ, а праздникъ гдѣ же ты будешь принимать (встрѣчать)? Когда бы не дома, я бы желала, чтобы въ Лубнахъ, чтобы не прерывать лѣченія для того, чтобы ѣхать въ Кибинцы, а тамъ будутъ бостоны. Ольга Дмитріевна [1]) пишетъ, что будутъ Родзянки на праздники, и ты себя можешь опять разстроить“. Этотъ отвѣтъ былъ вызванъ извѣщеніемъ о подробностяхъ новаго рѣшенія. „Выѣхавъ изъ дому,

---

[1]) Трощинская, жена Андрея Андреевича Трощинскаго; см. о ней въ „Русской Старинѣ“, 1882, 6, 643, примѣч. и 673 и слѣд., также въ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 57; изд. 2, стр. 24.

принужденъ я былъ ночевать въ Ярескахъ, а оттуда въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Кибинцы, хотя съ большою нуждою, но благополучно. Здѣсь всѣ здоровы и веселы. Я сейчасъ послалъ о. Емельяна къ Голованеву (доктору въ Лубнахъ) договорить тамъ для себя квартиру, для чего и нужно мнѣ для тамошняго прожитія прислать изъ дому разныхъ припасовъ, а если бы возможно, и повара. О семъ приложу особую записку по возвращеніи о. Емельяна изъ Лубенъ". Далѣе слѣдуютъ распоряженія по хозяйству, чтобы приказчикъ берегъ плотину въ случаѣ наводненія, чтобы была поймана рыба для продажи, если будетъ тепло и позволитъ время. Практическія заботы выступаютъ на первый планъ вслѣдствіе недостатка денегъ для лѣченія и въ виду приближающагося праздника и предстоящей ярмарки. Приходилось позаботиться наскоро о сборѣ подушныхъ, о продажѣ скота за самую дешевую цѣну, чтобы выручить деньги на помѣщеніе и прожитокъ въ Лубнахъ. Рѣчь идетъ почти исключительно о продажѣ коекакого имущества и предотвращеніи возможныхъ убытковъ. Опасенія супруговъ были направлены особенно на разныя случайныя проволочки и задержки со стороны врачей. Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда мужа, Марья Ивановна писала ему: „Малютки наши, слава Богу, всѣ здоровы и всякій день тебя вспоминаютъ, даже Таня [2]),—такъ что заставляютъ меня думать, что ты скоро пріѣдешь", и тотчасъ за этими строками слѣдуютъ сообщенія о дѣлахъ хозяйства: „и еще одну пару быковъ продали" и проч. Во время отсутствія Василій Аѳанасьевичъ продолжалъ распоряжаться всѣми дѣлами по имѣнію, и Марья Ивановна лишь неуклонно слѣдовала его инструкціямъ и, аккуратно увѣдомляя объ исполненіи ихъ, немедленно передавала всѣ распоряженія приказчику; въ случаяхъ же непредвидѣнныхъ тотчасъ писала мужу и спрашивала его мнѣнія и совѣта.

Съ трогательною заботливостью въ каждомъ письмѣ Василій Аѳанасьевичъ ,тосковавшій по женѣ, даетъ ей наставленія относительно ея здоровья.

„Я травку, присланную тобою, пью, но ничего не помогаетъ",—отвѣчаетъ мужу Марья Ивановна... Между тѣмъ, его собственные дни были сочтены, и вскорѣ Марья Ивановна вмѣсто обычнаго письма получила извѣстіе о его смерти.

„Послѣ родовъ",—пишетъ она, „на второй недѣлѣ, я только начала ходить по комнатѣ и ожидала мужа, чтобы крестить дитя, какъ вмѣсто мужа пріѣхала жена доктора, акушерка, чтобы по просьбѣ мужа везти меня къ нему. Я очень встревожилась и подумала, что, вѣрно, ему очень худо, если онъ меня вызываетъ еще больную. Мы только выѣхали со двора, какъ увидѣли вер-

[2]) Младшая дочь, которой было тогда около трехъ лѣтъ, вскорѣ умершая.

хового, который подалъ письмо докторшѣ; она, прочтя письмо, вспыхнула и сказала: „вернемся; Василій Аѳанасьевичъ самъ пріѣдетъ!...“ Не буду описывать своего отчаянія. Когда привезли его тѣло къ церкви, раздался ударъ колокола... О, Боже! какой это былъ звукъ! Я безъ слезъ не могу вспомнить!.. Только на пятый день могли его хоронить, такъ какъ многое не было готово... Меня не пускали къ нему, пока не внесли въ церковь, а то онъ все былъ въ экипажѣ [1]). Мнѣ послѣ говорили, что я, увидя его, начала громко говорить къ нему и отвѣчать за него. Я просила и для меня оставить мѣсто въ склепѣ. Тетка не оставляла меня до шести недѣль и дѣтей мнѣ не показывала. Старшіе двое учились—сынъ въ Нѣжинѣ, а дочь у m-me Арндтъ, матери извѣстнаго придворнаго медика [2]). Тетка уговорила меня беречь себя для дѣтей и показала мнѣ ихъ въ траурѣ. Когда я вышла въ первый разъ въ садъ, мнѣ такъ странно казалось, что все на томъ же мѣстѣ, ничто не измѣнилось: мнѣ казалось, что все должно погибнуть. Я молила Бога оставить мнѣ остальныхъ дѣтей и единственнаго сына, котораго любила больше всей жизни... При мужѣ я почти ничѣмъ не занималась, теперь все обрушилось на меня! Можетъ, эти заботы и спасли меня. Время начало уносить мое горе, имѣя отраду въ моемъ сынѣ. Мнѣ было 59 лѣтъ, когда я получила извѣстіе о потерѣ моего дорогого сына“....

IX. НРАВСТВЕННЫЙ ПЕРЕЛОМЪ ВЪ ГОГОЛѢ ПО СМЕРТИ ОТЦА.

Первыя недѣли послѣ смерти отца положеніе Гоголя было чрезвычайно тяжелое: не легко было ему, пораженному страшнымъ извѣстіемъ, не находя мѣста отъ тоски, среди постороннихъ людей, равнодушныхъ къ его горю, не видѣть около себя никого, кто бы могъ принять въ немъ настоящее, сердечное участіе. Между тѣмъ онъ сознавалъ, что долженъ постоянно учиться, работать, а время отдыха и свиданія съ родными, необходимость которыхъ чувствовалась такъ настоятельно, хотя бы только для того, чтобы имѣть возможность и досугъ предаться вполнѣ охватывающимъ его чувствамъ,—время это такъ далеко! Уже изъ первыхъ писемъ матери послѣ рокового событія ему при-

---

[1]) В. А. Гоголь умеръ далеко не старымъ; ему было всего 44 года. Отмѣчаемъ это въ виду не разъ встрѣченнаго нами въ литературѣ ошибочнаго выраженія: „старикъ Гоголь“. (См., напр., Петрова „Очерки украинской литературы XIX столѣтія“, стр. 78. То же выраженіе употребляетъ г. Кояловичъ въ статьѣ „Дѣтство и юность Гоголя“. См. „Моск. Сборникъ“, 1887 г., стр. 209).

[2]) Она была начальницей полтавскаго женскаго института при его основаніи, потомъ жила въ деревнѣ съ дочерью, Н. Ф. Старицкой.

шлось убѣдиться, что на него возлагается, въ случаѣ разстройства семейныхъ дѣлъ, обязанность заступить для младшихъ членовъ семьи мѣсто отца и сдѣлаться опорой всего дома. Ему представилась серьезная задача подумать объ успокоеніи матери и въ то же время необходимо было впервые серьезно взглянуть на себя и на свое будущее, а на такое сознательное обсужденіе своего нелегкаго положенія онъ уже былъ способенъ тогда по своему возрасту. Къ этому присоединились еще тревоги и заботы вслѣдствіе неполученія извѣстій отъ матери... Все это не могло не отразиться весьма существеннымъ образомъ на его развитіи, о чемъ можно смѣло заключить на основаніи писемъ, становящихся съ этого времени значительно серьезнѣе и зрѣлѣе. Въ нравственномъ мірѣ Гоголя неизбѣжно должна была произойти перемѣна, и отчасти онъ самъ ее вскорѣ замѣчаетъ. „Ежели бы вы меня видѣли“, пишетъ онъ матери: „вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился: я теперь самъ не свой; бѣгаю съ мѣста на мѣсто, не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться, считаю каждую минуту, каждое мгновеніе, бѣгаю на почту, спрашиваю хоть малѣйшее извѣстіе, но вмѣсто отвѣта получаю *нѣтъ!* и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое мнѣ опротивѣло!“... [1]). Въ этихъ словахъ живо обрисовывается тогдашнее безотрадное состояніе Гоголя. Какъ понятно въ немъ еще почти ребенкѣ, то чувство, подъ вліяніемъ котораго самое „жилище“ кажется ему ненавистнымъ! Въ приведенныхъ строкахъ необходимо отмѣтить еще одну черту: мы находимъ здѣсь уже совершенно равныя, дружескія отношенія къ матери въ смыслѣ непринужденной бесѣды съ ней, какъ съ лучшимъ другомъ, а вскорѣ онъ уже рѣшается давать ей совѣты и дѣлаетъ ласковые упреки за то, что она слишкомъ позволяетъ овладѣвать собою горю; напоминаетъ ей объ обязанностяхъ къ дѣтямъ, которыя отнимаютъ у нея право давать полную волю личной скорби. Съ этихъ поръ Гоголь, переставая быть ребенкомъ, все больше и больше принимаетъ живое участіе въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, и, убѣждая мать не отчаиваться, даетъ неоднократно энергическія обѣщанія посвятить ей всю жизнь. Онъ, очевидно, боится за мать; онъ не увѣренъ, будетъ ли она въ силахъ перенести постигшее ее несчастіе, и испытываетъ томительную потребность подѣлиться съ нею чувствами, возбужденными общими душевными ранами. Онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждетъ свиданія съ нею на каникулахъ, высказывая свое желаніе въ каждомъ письмѣ [2]).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 21. Ср. стихотвореніе его „Непогода“ (VI т., стр. 1).

[2]) „Чего-бы я не сдѣлалъ“, пишетъ онъ матери, „чтобы быть теперь съ вами, но пространство разлучаетъ насъ“ (тамъ-же, стр. 20).

Въ это время Гоголь часто пишетъ матери, всячески пытаясь вызвать ее на отвѣтъ, но все было напрасно: ему суждено было мучиться неизвѣстностью въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но и тогда извѣстіе пришло только въ письмѣ къ товарищу его (Баранову), и уже вскорѣ затѣмъ онъ получилъ письмо и самъ. Такое продолжительное молчаніе при мучительномъ настроеніи Гоголя побудило его сказать однажды, что если онъ не получитъ наконецъ вѣсточки, то „прибѣгнетъ къ отчаянію, которое дастъ ему средство избавиться отъ мрачной неизвѣстности“ [1]). Между тѣмъ настоящей причиной непонятнаго перерыва въ перепискѣ оказалась просто обычная неисправность почты. Въ одномъ письмѣ Марьи Ивановны къ Косяровскому она сообщаетъ: „теперь, благодаря Бога, на счетъ сына спокойна: получила отъ него письмо; видно, что онъ много писалъ ихъ ко мнѣ, но я не получала, такъ же какъ и онъ моихъ, и даже съ деньгами ни одного не получилъ“. Почти до самаго отъѣзда Гоголя въ Нѣжинъ длилось это недоразумѣніе. „Приближается время каникулъ“, писалъ онъ уже черезъ два мѣсяца послѣ смерти отца, „и не знаю, буду-ли я счастливѣйшимъ или самымъ несчастнымъ человѣкомъ“ [2]). Марья Ивановна, съ своей стороны чутко отзывавшаяся всегда на все, что̀ такъ или иначе касалось нѣжнолюбимаго сына, была иногда склонна, по свойственной всѣмъ матерямъ, заботливости, преувеличивать важность всякаго сообщенія тревожнаго свойства, и этого также имѣлъ основаніе опасаться Гоголь.

Съ теченіемъ времени семейное горе наконецъ улеглось, и мать Гоголя, прежде столь убитая имъ, начала постепенно находить интересъ въ домашнихъ дѣлахъ и заботахъ и вникать больше въ хозяйство, которое она вела очень безпорядочно, не ограничиваясь небольшими текущими распоряженіями, но дѣлая разныя рискованныя предпріятія, постройки, новыя домашнія заведенія, занимаясь даже винокуреніемъ и проч. Естественно, что между нею и сыномъ возникла и установилась потребность частой бесѣды въ письмахъ о вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ семьи,—потребность, становившаяся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе подвигалось развитіе сына. Гоголя, въ свою очередь, какъ видно изъ писемъ, все это также интересовало чрезвычайно живо: онъ часто прилагаетъ въ нихъ планы для построекъ и рисунки, примѣняя при этомъ на практикѣ успѣхи, сдѣланные имъ въ любимомъ искусствѣ [3]). Такимъ образомъ характеръ пере-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 22.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 22.
[3]) Въ рисованіи. См. соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 327.

писки нѣсколько расширяется и содержаніе ея становится гораздо разнообразнѣе и шире, сообщая намъ такія свѣдѣнія, которыя совершенно переносятъ насъ въ обстановку и отчасти семейныя отношенія поэта, насколько возможно знакомство съ ними на основаніи отрывочныхъ данныхъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ мы находимъ разспросы Гоголя о разныхъ подробностяхъ хозяйства, просьбы извѣщать его о всѣхъ предположеніяхъ и перемѣнахъ въ домашнихъ дѣлахъ и наконецъ собственные совѣты. Просьбы дѣйствительно исполнялись, а также нерѣдко встрѣчали одобреніе и принимались къ свѣдѣнію и мнѣнія Гоголя, что̀, конечно, не могло его не радовать. Мысль юнаго поэта неизмѣнно стремится на родину, къ домашнему очагу, къ нѣжнолюбимой матери и къ роднымъ. Онъ живетъ мечтами о свиданіи съ ними, находитъ въ этихъ мечтахъ отраду и освѣженіе отъ однообразной и непривлекательной нѣжинской жизни. Но всегда больше всего обращаетъ на себя вниманіе его искреннее и горячее чувство любви къ матери. По словамъ его, мать для него всего священнѣе, ей онъ готовъ посвятить всю жизнь. Для нея онъ составилъ идеалъ спокойной жизни въ семьѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, жизнь въ полномъ довольствѣ, хотя и дѣятельную и не лишенную заботъ, но по крайней мѣрѣ свободную отъ заботъ обременительныхъ и нарушающихъ нравственное спокойствіе. Все, касающееся матери, его живо интересуетъ; онъ желалъ бы чаще видѣть ее, говорить съ ней, повѣрять ей свои мысли и планы. Его тяготитъ и терзаетъ мысль о необходимости еще долго обращаться къ матери съ просьбами о матеріальной поддержкѣ, которая стоила ей тяжкихъ заботъ и лишеній. Онъ впадаетъ въ мучительное и безвыходное противорѣчіе съ самимъ собой, будучи неизбѣжно вынуждаемъ причинять ей все новыя тревоги, тогда какъ ему всего болѣе хотѣлось бы снять съ нея бремя заботъ. Такъ представляется дѣло на основаніи словъ Гоголя; вопросъ только въ томъ, на сколько эти слова были искренни.

Г. Кояловичъ вполнѣ вѣритъ въ юношескую искренность Гоголя, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его:

„Въ его послѣднихъ нѣжинскихъ письмахъ сильно выражено чувство сыновней любви и къ его самолюбивымъ мечтамъ присоединяется забота о матери, сказывается живая благодарность и глубокое сознаніе всѣхъ ея безкорыстныхъ трудовъ и заботъ [1]). Онъ вспоминаетъ свое легкомысліе и беззаботность относительно своей прямой обязанности—ученья, и спѣшитъ увѣдомить мать, что вознаградитъ утраченное время усиленными трудами. Онъ

[1]) См. напр. его письма: отъ 16 ноября 1826 г. (Соч. т. V, стр. 42), отъ 1 февр. 1827 г. (ibid., стр. 47), отъ 20 мая 1827 г. (ibid., стр. 53) и др.

соединяетъ мечты о своемъ счастьѣ съ желаніемъ успокоить ея старость и старается убѣдить ее, что настоящая трата денегъ, которыя она съ такимъ трудомъ достаетъ для него, не что иное, какъ „отдача въ ростъ съ тѣмъ, чтобы послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами“ [1]).

X. ЖИЗНЬ М. И. ГОГОЛЬ ПОСЛѢ СМЕРТИ ЕЯ МУЖА.

Смерть мужа сильно отразилась на характерѣ Марьи Ивановны, сдѣлавъ его апатичнымъ и мечтательнымъ... Вставъ довольно поздно, она проводила каждое утро по нѣскольку часовъ за письменнымъ столомъ, читала, писала письма, иногда гуляла. Часто раскладывала гранъ-пасьянсъ или что-нибудь работала, никуда не спѣша, по своей привычкѣ къ спокойной и не особенно дѣятельной жизни. Въ послѣдніе годы, когда въ ней стала все больше обнаруживаться странная наклонность къ мечтательности, она готова была проводить цѣлые дни, давая полную волю своимъ мыслямъ. Послѣ завтрака она собиралась обыкновенно въ гости, или куда-нибудь по хозяйству. Запрягались дрожки или сани, и она выѣзжала. Впрочемъ, эти выѣзды имѣли значеніе прогулокъ, а не серьезной ревизіи. Крѣпостные люди нисколько не боялись добродушной своей госпожи. Случались иногда воровства, потравы—и тогда, конечно, Марьѣ Ивановнѣ приходилось волноваться и изыскивать мѣры для пресѣченія зла...

Марья Ивановна была очень подвижна (когда не предавалась мечтамъ) и сохранила бодрость и свѣжесть до самой смерти. Ей ничего не стоило собраться къ сосѣдямъ или въ городъ; рѣшеніе являлось вдругъ и тотчасъ же осуществлялось безъ откладыванія и отсрочекъ. Но эта подвижность представляла особенно рѣзкую противоположность съ однообразіемъ ея позы, когда она, не сходя съ мѣста, цѣлые часы думала неизвѣстно о чемъ. Въ такія минуты самое выраженіе лица ея измѣнялось: изъ добраго и привѣтливаго оно становилось какимъ-то безжизненнымъ; видно было, что мысли ея блуждаютъ далеко...

Съ мужемъ она очень сходилась во мнительности; по самому ничтожному поводу ей представлялись нерѣдко большіе страхи и безпокойства. Отъ этой же причины она отличалась крайней

[1]) См. его письма: отъ 15 дек. 1827 г. (Соч. т. V, стр. 68—69) и отъ 1-го марта 1828 г. (ibid, стр. 70—71).

подозрительностью, и если что̀ ей западало въ голову, то разубѣдить ее не было никакой возможности [1]).

Другое сходство въ ихъ характерахъ было въ томъ, что оба они любили всякія изящныя вещи и имѣли хорошій вкусъ. Но непрактичность Марьи Ивановны въ дѣлахъ житейскихъ была необычайная и безъ сравненія превосходила непрактичность мужа. Послѣдній не родился хозяиномъ, скопидомомъ, но не отличался и дѣтской наивностью въ жизни, тогда какъ Марья Ивановна въ этомъ отношеніи была настоящее дитя. Ничего не стоило какому-нибудь торгашу-разносчику убѣдить ее набрать, часто въ долгъ, какихъ угодно бездѣлушекъ, особенно сколько-нибудь красивыхъ, и дочери должны были зорко смотрѣть, чтобы она не поддалась обману со стороны какого-нибудь проходимца. Случалось, что Марья Ивановна въ отсутствіе дочерей накупала такъ много всякихъ мелочей, что дочери должны были, если еще не было поздно, посылать въ догонку за продавцомъ и возвращать ему накупленное... [2]).

Мы видѣли, что въ разобранныхъ выше письмахъ указаны до нѣкоторой степени свѣтлыя и темныя стороны первоначальнаго воспитанія нашего писателя матерью [3]). Но если для насъ не

---

[1]) Мнительность въ самомъ широкомъ смыслѣ и особенно въ отношеніи здоровья перешла отъ отца и матери также и къ сыну. Замѣчательно, что передъ смертью какъ Гоголю-отцу, такъ и сыну, слышались какіе-то голоса, которые они считали предвѣстіемъ близкаго конца. На Н. В. Гоголя подѣйствовали потрясающимъ образомъ, напримѣръ, сказанныя ему въ видѣ привѣтствія, случайно встрѣтившимся на самый Новый годъ (въ 1852 г.) Ѳ. П. Гаазомъ, слова: „une année éternelle!“ и смерть уважаемой имъ жены Хомякова. Въ одномъ письмѣ къ Языкову Н. В. Гоголь сравниваетъ себя относительно здоровья съ отцомъ: „Ходъ моей болѣзни естественный: она есть истощеніе силъ. Вѣкъ мой не могъ ни въ какомъ случаѣ быть долгимъ. Отецъ мой былъ также сложенія слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ, а не нападеніемъ какой-нибудь болѣзни“ и проч. (Кул., VI, 191). Но особенно слѣдуетъ считать семейной чертой склонность преувеличивать несчастія. Достаточно было Марьѣ Ивановнѣ написать о болѣзни одной крестьянки, чтобы ея мужу представилась эпидемія съ ея ужасами.

[2]) Однажды Гоголь сдѣлалъ на это намекъ въ письмѣ, къ матери. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 388. См. также „Русск. Стар., 1887, VII, 31). — Вообще мы особенно рекомендовали бы для болѣе обстоятельнаго знакомства съ личностью М. И. Гоголь статью М. А. Трахимовскаго („Русск. Стар.“, 1888, VII, 25—48); также статьи г-жъ Бѣлозерской и Черницкой, и („Русск. Стар.“, 1887, III и „Историч. Вѣстникъ“, 1888, VI).

[3]) О нравственной атмосферѣ, окружавшей Гоголя въ семьѣ, мы можемъ съ полной достовѣрностью утверждать, что эта была атмосфера весьма скромная и вполнѣ хорошая, здоровая и чистая, такъ какъ единственнымъ неблагопріятнымъ условіемъ въ ней для моральнаго развитія Гоголя было лишь то, что, какъ мы сказали, онъ былъ балованнымъ ребенкомъ, для котораго дѣлалось все возможное, котораго любили и, какъ говорится, носили на рукахъ... По письмамъ Гоголя къ матери нѣкоторые догадываются, что въ семейной деревенской обстановкѣ его родителей былъ *еще одинъ нежелательный и вредный элементъ*, присутствіе котораго въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ онъ считалъ впослѣдствіи по-

можетъ не представлять извѣстнаго интереса этотъ искренній отзывъ, то съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что случайная характеристика безъ другихъ свѣдѣній въ высшей степени недостаточна. Поэтому считаемъ умѣстнымъ остановиться подробнѣе на ознакомленіи съ личностью и бытомъ матери Гоголя и привести нѣкоторыя данныя для знакомства съ образомъ жизни Марьи Ивановны Гоголь и ея отношеніями къ сыну на основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи неизданныхъ писемъ ея къ одному изъ наиболѣе близкихъ и любимыхъ ея родственниковъ, къ ея двоюродному брату, Петру Петровичу Косяровскому. По своему содержанію письма эти представляютъ почти исключительно фамильный интересъ, но они могутъ имѣть значеніе по нѣкоторымъ заключающимся въ нихъ даннымъ, имѣющимъ цѣну въ качествѣ біографическаго матеріала [1]). Въ этихъ письмахъ передъ читателемъ живо рисуется простая, но въ то же время умная и симпатичная личность Марьи Ивановны и отчасти та патріархальная среда, въ которой росъ и воспитывался будущій нашъ первоклассный писатель.

Согласно личнымъ воспоминаніямъ людей, знавшихъ близко Марью Ивановну, и эти письма живо рисуютъ эту женщину

ложительно вопіющимъ. Вѣроятно, недаромъ онъ предостерегалъ потомъ свою мать отъ вреднаго вліянія на младшихъ дѣтей со стороны дѣвичьей. Онъ энергически настаивалъ, чтобы сестру его Ольгу „отдалили отъ дѣвичьей", „чтобы она туда *никогда не заходила*" [1]). Когда ту же сестру его отдали въ пансіонъ, то Гоголь снова энергично настаиваетъ на высказанной имъ уже раньше мысли: „хорошо, что вы не даете съ нею дѣвки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите мадамѣ, чтобы она держала ее при себѣ или съ другими дѣтьми, но чтобы отнюдь не обращалась она съ дѣвками" [2]). Эти сопоставленія, ускользнувшія отъ нашего вниманія при первомъ изданіи книги, мы нашли въ статьѣ неизвѣстнаго намъ автора статьи: „Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ Погодину" („Русская Жизнь", 1891, № 53). — Недоумѣваемъ, какъ могъ авторъ статьи рѣшиться рядомъ съ этими сопоставленіями прибавить, что *недаромъ* писалъ Гоголь матери въ 1829 г. изъ Петербурга: „нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома" [3]). Этотъ и дальнѣйшіе намеки касаются столь щекотливыхъ подробностей юношеской жизни, что выдвигать ихъ едва-ли полезно и нужно, какъ и нѣкоторыя игривыя недомолвки Гоголя въ интимныхъ письмахъ къ товарищамъ, — тѣмъ болѣе, что все это могло быть сказано въ шутку и многое нуждалось бы въ подтвержденіи, если бы того заслуживало. Мы съ своей стороны не беремъ на себя останавливаться на этомъ, а равно и въ дальнѣйшемъ изложеніи — на нѣкоторыхъ двусмысленныхъ подробностяхъ гимназической распущенности въ Нѣжинѣ, въ которой, какъ признается и авторъ статьи, Гоголь едва ли былъ повиненъ, „будучи увлеченъ вовсе не въ ту сторону".

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 185 и 187.

[2]) Тамъ же, стр. 190.

[3]) Тамъ же, стр. 96.

[1]) Въ нихъ, напримѣръ, находимъ любопытное свѣдѣніе объ одной изъ причинъ, побудившихъ Гоголя поспѣшно вернуться изъ перваго заграничнаго путешествія. См. мой „Указатель къ письмамъ Гоголя", изд. I, стр. 75.

чрезвычайно доброю, всей душой преданною тѣсному кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ, съ характеромъ открытымъ и любящимъ. Это типъ скромной помѣщицы прежняго времени, интересы которой сосредоточивались на семейныхъ и хозяйственныхъ хлопотахъ съ одной стороны и на заботахъ о дѣлахъ благочестія съ другой. Свиданія съ родными, требовавшія частыхъ поѣздокъ въ сосѣднія деревни, пріемъ гостей у себя въ Васильевкѣ, встрѣчи и проводы старшихъ дѣтей, пріѣзжавшихъ домой на каникулы, уходъ за меньшими и заботы о нихъ, распоряженія по дому и хозяйству—все это совершенно наполняло время Марьи Ивановны и вмѣстѣ съ тѣмъ давало содержаніе и окраску ея интимной жизни. Тонъ писемъ, вездѣ одинаковый и ровный, даетъ возможность при однообразіи содержанія по нѣсколькимъ выдержкамъ вполнѣ охарактеризовать эту симпатичную личность и ея повседневныя заботы.

Вотъ какъ она сама изображаетъ въ одномъ письмѣ свой домашній бытъ: „Мало, что ѣзжу по хозяйственнымъ дѣламъ, и дрожки никогда не откладываются, а только перемѣняютъ лошадей: надобно еще смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за дѣтьми маленькими смотрѣть и о большихъ думать, и сверхъ того безпрестанно должна писать о разныхъ предметахъ и отвѣчать добрымъ пріятельницамъ, которыя закидываютъ меня письмами; еще я должна, хотя въ полгода одинъ разъ, сдѣлать визиты добрымъ сосѣдямъ моимъ, которыхъ, благодаря Бога, у меня много; у родителей моихъ каждую недѣлю бываю“ [1]) и проч.

При чтеніи писемъ нельзя не удивиться энергической и подвижной натурѣ Марьи Ивановны: при всей любви своей къ спокойной жизни въ Васильевкѣ (которую она особенно неохотно покидала послѣ смерти мужа) она постоянно предпринимала по разнымъ дѣламъ поѣздки то къ знакомымъ въ сосѣднія деревни (Обуховку, Ярески, Грунь, Пселовку), то въ ближайшіе города, напр. въ Харьковъ, Полтаву, Миргородъ. Среди этихъ мелочныхъ и разнообразныхъ хлопотъ обыденной жизни, какъ видно изъ переписки съ родными, Марья Ивановна посвящала особое вниманіе предметамъ религіознымъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ находимъ ея разспросы и наставленія Косяровскому о приготовленіи плащаницы, предназначавшейся, конечно, для сельской церкви въ Васильевкѣ. Косяровскому, какъ близкому родственнику и другу, было поручено приготовленіе плащаницы въ Одессѣ, гдѣ онъ служилъ въ то время; онъ слѣдилъ за исполненіемъ работы. Дѣло было, очевидно, весьма дорогое и близкое сердцу заказчицы, ко-

[1]) „Русск. Стар.“, 1887, III, 677—678.

торая не переставала постоянно освѣдомляться о немъ въ продолженіе почти цѣлаго года.

Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ.

„Плащаницу, мнѣ кажется, лучше сдѣлать по послѣднему описанію вашему, чтобы Спаситель нашъ нарисованъ былъ на гроденаплѣ, а слова бы были въ рамахъ, бархата же можно пришить и голубого — хорошаго цвѣту; впрочемъ я отдаюсь совершенно на изящный вкусъ той особы, которая будетъ трудиться надъ приведеніемъ въ порядокъ сего богоугоднаго дѣла и, вѣрно, я буду восхищена плащаницей, когда ее увижу“ (письмо отъ 26 іюня 1826 г). Почти черезъ годъ (16 мая 1827 г.) она пишетъ послѣдній разъ о плащаницѣ по поводу окончанія дѣла: „Усерднѣйше благодарю васъ, милѣйшій братецъ, за попеченіе о плащаницѣ. Да вознаградитъ васъ Богъ! Мнѣ все въ ней нравится“.

Постройка церкви въ хуторѣ имѣла, несомнѣнно, чрезвычайно важное значеніе не только для обитателей Васильевки, но отчасти и для ближайшихъ сосѣдей, такъ какъ въ то время еще мало было храмовъ въ окрестныхъ деревняхъ, а дороги были невыносимо плохи и грязны, такъ что предпринимать далекія странствованія по оврагамъ и балкамъ было крайне затруднительно и неудобно. Марья Ивановна имѣла полное основаніе гордиться сооруженіемъ храма, для котораго не жалѣла ни тратъ, ни хлопотъ, совершая это дѣло съ глубокимъ сознаніемъ важности принятой на себя священной обязанности. При своей сообщительности, несмотря на обычную скромность, она любила вспомнить и разсказать, какъ строилась церковь и какъ, какъ бы по благословенію свыше, неожиданно и легко устранялись всѣ препятствія, и дѣло устраивалось само собой [1])...

Но построеніе храма было лишь важнѣйшимъ, а не единственнымъ благодѣяніемъ, оказаннымъ цѣлой округѣ васильевскими помѣщиками. Весьма полезною оказалась учрежденная въ деревнѣ ярмарка, собирающаяся донынѣ по четыре раза въ годъ въ сроки чрезвычайно удачно выбранные и установленные Василіемъ Аѳанасьевичемъ [2]). Вообще можно сказать, что всегдашняя готовность дѣлать добро и неизмѣнныя привѣтливость и радушіе

---

[1]) Любопытно, что Н. В. Гоголю случалось также въ письмахъ къ матери выставлять для ея успокоенія необыкновенную удачу въ своихъ предпріятіяхъ, которыя могли быть почему-нибудь ею не одобрены. Такъ передъ первой своей заграничной поѣздкой онъ писалъ: „Я рѣшился, но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за границу такъ труденъ, хлопотъ такъ много! Но лишь только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была, наконецъ, за деньгами. Здѣсь я было совсѣмъ отчаялся; но вдругъ получаю слѣдуемыя въ Опекунскій Совѣтъ“. (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 86).

[2]) Эти сроки не измѣнились до сихъ поръ,—въ продолженіе болѣе 70-ти лѣтъ.

были одинаково свойственны обоимъ супругамъ и служили для нихъ залогомъ прочнаго нравственнаго союза.

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ любящая натура матери нашего писателя сказывается такъ или иначе въ каждомъ незначительномъ письмѣ,—то въ сочувствіи ихъ заботамъ и горю, то въ одобреніи и совѣтахъ, часто наивныхъ, и если способныхъ подѣйствовать успокоительно, то, конечно, только тѣмъ неподдѣльно ласковымъ, совершенно женскимъ участіемъ, которымъ вѣетъ отъ каждой строки и которое бываетъ дорого именно своей неоцѣненной искренностью и теплотой. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія самый простодушно-дружескій тонъ писемъ. „Душевно обрадована была пріятнѣйшимъ письмомъ вашимъ, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ. Читая письмо ваше, я вообразила на минуту, что нахожусь вмѣстѣ съ вами. Какъ бы хорошо сдѣлали вы, милые друзья мои, когда бы пріѣхали къ намъ; но какъ на сіе нужны финансы, то не могу васъ и упрашивать. О, когда бы у меня было ихъ столько, чтобы мнѣ дѣлиться съ вами! какъ бы я была рада! Для меня единственная отрада быть съ родными вмѣстѣ!“... Иногда случается ей дѣлиться въ письмахъ болѣе выдающимися впечатлѣніями. „Сейчасъ возвратились мы изъ церкви; слушали страданія Спасителя нашего и со свѣчами шли домой. Чрезвычайная ночь!“

Преданность волѣ Божіей и покорность Провидѣнію выражаются у Марьи Ивановны нерѣдко въ наивной и непосредственной формѣ, но показывающей явно, что благочестивое настроеніе исходило изъ души ея и имѣло довольно существенное вліяніе на ея жизненныя правила и убѣжденія. На чистой глубокой вѣрѣ основывался ея свѣтлый оптимистическій взглядъ на жизнь, несмотря на всѣ испытанія,—взглядъ, весьма часто высказываемый въ письмахъ. Не имѣя возможности помочь близкимъ болѣе существеннымъ образомъ, она не скупится на добрыя пожеланія, стараясь поддерживать въ нихъ бодрость въ житейскихъ испытаніяхъ и превратностяхъ. Она постоянно рекомендуетъ держаться излюбленной ею Панглоссовой системы, заключающейся въ положеніи: „все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ“. Такъ, успокоивая Косяровскаго, долго не находившаго службы, она пишетъ: „О службѣ вы не безпокойтесь; лѣта ваши еще не ушли. Вамъ можно и въ штатскую; да еще лучше и безопаснѣе; и опредѣлиться тамъ же въ Одессѣ, когда сей городъ такъ нравится и, избравши себѣ по сердцу супругу, прелестную женщину душою и тѣломъ,—какое бы это было счастье для васъ! — пріѣхать въ Малороссію!“ Такіе совѣты, часто даже противорѣчивые, не были, конечно, выраженіемъ опредѣленныхъ взглядовъ и взвѣшенныхъ соображеній. Въ одномъ письмѣ, напр., она сокрушается о губительномъ дѣйствіи климата Грузіи на здоровье

своего родственника и совѣтуетъ ему, оставивъ военную службу, пріѣхать въ Малороссію; въ слѣдующемъ письмѣ, напротивъ, желаетъ тому же лицу всякихъ успѣховъ въ той же странѣ на поприщѣ военной службы. „Жалѣю душевно о безпрерывныхъ преградахъ вступить вамъ въ службу, но вы не безпокойтесь о семъ ни мало; держитесь Панглоссовой системы, что все, что̀ ни дѣлается, все къ лучшему. Я и сама въ томъ совершенно увѣрена. Когда бы вы опредѣлились прежде, то, Богъ знаетъ, были ли бы вы уже на свѣтѣ о сю пору“. Къ собственному горю Марья Ивановна относилась совершенно такъ же: „Машенька моя жестоко была больна; можно сказать, что изъ мертвыхъ воскресла, и вы можете себѣ представить, что̀ я тогда чувствовала, но Богъ все устраиваетъ къ лучшему, иногда для того, чтобы больше чувствовать милосердіе Его“.

Вотъ еще примѣръ подобныхъ утѣшеній:

„Обстоятельства ваши поправятся и вы будете покойны; идите прямой дорогой и будьте всегда одинаково добры, и вы въ самомъ себѣ найдете больше утѣшенія во всякое время... Я слышала, что Павлу Петровичу отказываютъ въ просьбѣ; когда это такъ, то ему остается жениться; видно, не судьба ему служить. Держитесь все Панглоссовой системы: вы пишете, что много больныхъ и раненыхъ; можетъ быть, и вамъ бы не миновать такой же участи; но лучше сидѣть въ скукѣ, нежели въ болѣзни. Вспомните, что Богъ никогда не оставляетъ уповающихъ, и я совершенно увѣрена, что Онъ меня выведетъ изъ нужды, терпимой мною, и рано или поздно успокоитъ, или же такъ быть должно, чтобы я здѣсь не была спокойна, но зато въ будущемъ вознаградитъ меня. Съ этимъ счастьемъ что̀ можетъ сравниться!“

Необычайная доброта Марьи Ивановны, ея готовность помогать близкимъ людямъ до самопожертвованія и въ высшей степени привлекательный и симпатичный характеръ ярко обрисовывается въ воспоминаніяхъ лицъ, коротко знавшихъ Марью Ивановну. Приведу нѣсколько отзывовъ.—„Взглянувъ на Марью Ивановну и поговоривъ съ ней нѣсколько минутъ“,—пишетъ С. Т. Аксаковъ, „можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, любящее, нѣжное существо, полное эстетическаго чувства съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора“ [1]). Г. Трахимовскій приводитъ трогательныя доказательства этой доброты [2]). Такою же безпредѣльно доброй изображаетъ ее Кулишъ въ письмахъ къ Н. А. Бѣлозерской [3])—также по личнымъ воспоминаніямъ. Покойный А. С. Данилевскій и его

---

[1]) „Русь“, 1880, № 6, стр. 16 и „Русск. Арх.“, 1890, VIII, 34—35.
[2]) „Русская Старина“, 1888, VII, стр. 34—35.
[3]) „Русская Старина“, 1887, III, стр. 707—709.

семья, въ свою очередь, много разсказывали мнѣ о добротѣ Марьи Ивановны, какъ о фактѣ, не подлежащемъ никакому спору или сомнѣніямъ. Однимъ словомъ, одинаково симпатичной является Марья Ивановна во всѣхъ безъ исключенія личныхъ воспоминаніяхъ и во всѣхъ статьяхъ, гдѣ сколько-нибудь ея касалась рѣчь. Даже случайно встрѣченный лѣтъ тринадцать тому назадъ бывшій ея крѣпостной вспомнилъ о ней со слезами на глазахъ: „добрая была барыня — что̀ и говорить! Ее всѣ любили! Такихъ ужъ теперь нѣтъ! Жить у нихъ намъ хорошо было, не такъ, какъ прочимъ крѣпостнымъ! И теперь ее жалко“... Случалось, и нерѣдко, что добротой Марьи Ивановны злоупотребляли, но она принадлежала къ числу тѣхъ личностей, которыхъ въ этомъ отношеніи никогда никакой опытъ не научаетъ, и всегда оставалась доброй, радушной и гостепріимной помѣщицей.

Въ дополненіе характеристики быта Марьи Ивановны послѣ смерти ея мужа остановимся на отношеніяхъ къ родственнику ея, вельможѣ и бывшему министру, Трощинскому.

Какъ богатый и знатный человѣкъ, жившій широко и обставленный совершенно по-барски, какъ помѣщикъ, содержавшій при себѣ цѣлое народонаселеніе, начиная отъ домашнихъ докторовъ и кончая шутами и многочисленной челядью, Трощинскій, естественно, былъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія для всѣхъ родныхъ и сосѣдей. Легко себѣ представить, что его должны были окружать со всѣхъ сторонъ подобострастіе и зависть, тогда какъ за спиной у него происходили интриги, отъ которыхъ подчасъ жутко приходилось именно людямъ, пользовавшимся наибольшимъ расположеніемъ хлѣбосольнаго хозяина. Знакомые и родственники во множествѣ стекались въ домъ своего патрона въ торжественные дни для заявленія чувствъ преданности и расположенія, и гордились его вниманіемъ, если, въ свою очередь, онъ удостоивалъ ихъ своего посѣщенія. Въ послѣднемъ случаѣ изо всѣхъ силъ старались оправдать оказываемую честь пріемомъ, достойнымъ столь почетнаго гостя. Въ такихъ именно отношеніяхъ находилась къ Трощинскому Марья Ивановна. Обыкновенно въ ожиданіи пріѣзда именитаго родственника, котораго привыкли даже за глаза величать не иначе, какъ превосходительствомъ и благодѣтелемъ, въ домѣ поднимались суетливыя хлопоты и приготовленія, далеко не ограничивавшіяся обычной въ подобныхъ случаяхъ уборкой комнатъ. При многочисленности свиты, съ которой разъѣзжалъ Трощинскій, заботы о размѣщеніи ея заставляли нерѣдко Марью Ивановну отказывать себѣ въ привычномъ покоѣ и даже переселяться на время къ сосѣдямъ, а сына посылать за

покупками и припасами изъ Васильевки въ Полтаву, Кременчугъ и дальше. Иногда приходилось приносить немаловажныя жертвы: такъ однажды она должна была отказать себѣ въ удовольствіи оказать помощь одному изъ наиболѣе любимыхъ родственниковъ, находившемуся въ бѣдственномъ положеніи, и сдѣлать много тратъ въ ожиданіи не состоявшагося пріѣзда Трощинскаго, при чемъ приходилось располагать собой, своимъ временемъ и помѣщеніемъ, примѣняясь къ вкусамъ и привычкамъ высокаго гостя. „Къ Петру и Павлу ожидаемъ Дмитрія Прокофьевича со всѣмъ его семействомъ. Къ тому дню и мы должны ѣхать съ Варенькой [1]) въ Яресни. Она здорова; только скучаетъ, воображая, что пріѣдутъ сюда кибинцскіе, и надобно будетъ больше съ ними жить въ продолженіе лѣта". Особенно тяжело было Марьѣ Ивановнѣ переламывать себя и жить среди веселаго общества въ Ярескахъ, тогда какъ послѣ смерти мужа ей было вовсе не до того. „Мнѣ очень мучительно", пишетъ она, „имѣя горесть въ сердцѣ, быть въ веселой компаніи, но я стараюсь какъ можно рѣже тамъ бывать и оставаться больше въ уединенной и спокойной моей Васильевкѣ".

Вотъ еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ отношенія Марьи Ивановны къ Д. П. Трощинскому.

„Я вамъ писала, что жду Дмитрія Прокофьевича; онъ у насъ былъ, и чрезвычайно былъ доволенъ угощеніемъ; княжна [2]) не была по причинѣ пріѣзда къ ней отца ея, котораго Дмитрій Прокофьевичъ просилъ и они оставались въ Ярескахъ. Выпроводя ихъ, ѣздила я съ Варенькой къ Катенькѣ [3]), а тамъ должна была ѣхать на именины къ благодѣтелю моему (тѣмъ болѣе, что онъ былъ у меня), гдѣ провела время очень скучно" и проч.

„О Дмитріи Прокофьевичѣ я, кажется, писала вамъ, какъ онъ у насъ былъ, и старалась доставить ему всѣ тѣ удовольствія, которыя онъ любилъ".

„Никоша мой возвратился изъ Кременчуга и навезъ всего для угощенія Дмитрія Прокофьевича, и онъ не будетъ, потому что нѣтъ возможности пріѣхать по причинѣ тѣсноты. Теперь пріѣхали Шамшевы, Софья Алексѣевна и Ростиславъ; Иванъ Ефимовичъ возвратился въ Кибинецъ. Я вообразила, что тогда еще будутъ въ Кибинцахъ, и Родзянки пріѣхали, и мнѣ никакъ невозможно ихъ помѣстить всѣхъ, и, признаюсь, я и рада сему случаю; жаль только, что употреблено много денегъ: лучше бы

---

[1]) Варварой Петровной Косяровской.

[2]) Сакенъ. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя", изд. I, стр. 69; 2 изд., стр. 27.

[3]) Е. И. Ходаревской, родной сестрѣ М. И. Гоголь. см. „Указатель", 1 изд. стр. 47, внизу; 2 изд., стр. 19.

послала вамъ". „Въ Кибинцахъ мы провели время и пріятно и грустно, — пріятно потому, что я имѣла особую комнатку, гдѣ могла свободно предаваться своимъ мыслямъ и обдумывать свои планы (я просила, чтобы мнѣ дали въ гостиномъ флигелѣ особую комнатку вмѣстѣ съ моей Машей, для того, что съ Ольгой Дмитріевной мнѣ надобно было помѣщаться съ Капнистами и съ другими женщинами и поздно слишкомъ ложиться, потому что послѣ ужина всѣ молодые люди всегда во флигелѣ собираются, а для моей Машеньки не годится поздно ложиться, и мы отъ ужина тотчасъ уходили въ свою квартиру). Одинъ Андрей Андреевичъ [1]), истинно какъ родной братъ, со мной обходился, а больше никто. Мнѣ казалось, что ужаснѣйшая зависть меня окружаетъ, а впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь,—Богъ знаетъ!.. Кажется, совсѣмъ нечего мнѣ завидовать: я ожидаю единственной и самой большой помощи отъ благодѣтеля моего Дмитрія Прокофьевича— рекомендательныхъ писемъ для моего сына къ тѣмъ особамъ, которыя ему будутъ нужны, а болѣе никакой помощи я не надѣюсь, потому что слишкомъ ужъ стараются отдалять его отъ моего сердца [2]). О люди! Я теперь только ихъ узнаю; прежде мнѣ и въ голову не приходило, чтобы можно было говорить и писать не такъ, какъ чувствуешь".

„Ангелъ мой, благодѣтель Дмитрій Прокофьевичъ, платилъ за меня въ казну и рѣдко отъ меня принималъ и, видно, для памяти писалъ у себя, сколько я ему должна, и вышло 4,060 р., и сія записка нашлась; и мнѣ платить сіи деньги; но такъ какъ никакого средства ихъ нѣтъ мнѣ уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу принять Яресковское мое имѣніе, состоящее изъ десяти десятинъ. Онъ согласился, но только не даетъ по 30 р. десятину, и выходитъ, что имѣнія лишусь и долгу не уплачу; но да будетъ воля Божія: мы располагаемъ, а Богъ опредѣляетъ".

Наконецъ вотъ извѣстіе о смерти Трощинскаго (1829):

„Изъ Кибинецъ я возвратилась съ разбитымъ горестью сердцемъ, поклонилась гробу благодѣтеля моего, который такъ поставленъ, что можно туда ходить и видѣть гробъ"...

Оканчивая здѣсь рѣчь о Д. П. Трощинскомъ, чтобы характеристика его не представлялась у насъ односторонней и пристрастною, а вмѣстѣ и для болѣе яснаго пониманія совершившейся впослѣдствіи въ юномъ Гоголѣ перемѣны въ отношеніяхъ его къ Трощинскому, упомянемъ и объ отрицательныхъ сторо-

---

[1]) Трощинскій, родственникъ Дмитрія Прокофьевича и двоюродный братъ Марьи Ивановны Гоголь, мужъ упомянутой Ольги Дмитріевны. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя", изд. I, стр. 27; 2 изд., стр. 11.

[2]) Это относится уже ко времени сборовъ Н. В. Гоголя въ Петербургъ.

нахъ быта послѣдняго. Мы говорили о томъ, какъ ожидалось съ трепетомъ его появленіе къ гостямъ. Какъ ни привычно было большинство гостей къ этимъ торжественнымъ выходамъ, едва ли многіе изъ нихъ не ощущали нѣкоторой робости въ минуты такихъ появленій. Но вотъ кто-нибудь изъ гостей, — конечно изъ тѣхъ, которые, съ одной стороны, уже пользуются извѣстной свободой и прерогативами, а съ другой, не прочь подслужиться и угодить вельможѣ,—находитъ, что наступаетъ время развлечь Дмитрія Прокофьевича. На сцену вызывается кто-нибудь изъ шутовъ и начинаетъ занимать общество своими выходками. Но трудно шуту даже при невзыскательности присутствующихъ къ увеселеніямъ подобнаго рода быть постоянно, такъ сказать, на высотѣ своей задачи: шутки или повторяются, или становятся черезчуръ избитыми и не достигаютъ цѣли. Приходится изобрѣсть что-нибудь новое, не успѣвшее наскучить. Къ стыду нашихъ дѣдовъ, нельзя не сознаться, что нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ скудоуміе шутовъ не только не уравновѣшивалось находчивостью гостей, но даже давало поводъ къ проявленію со стороны послѣднихъ возмутительной пошлости. У Трощинскаго въ случаѣ нужды оживить общество на выручку являлись особые *шутодразнители*, т. е. люди, не гнушавшіеся жестокимъ и тупоумнымъ глумленіемъ надъ несчастными, забитыми идіотами, или полупомѣшанными скоморохами,—для того чтобы и хозяину угодить, и на моментъ выдвинуться изъ толпы и удовлетворить чувству мелкаго самолюбія, сдѣлавшись, подобно Добчинскому или Бобчинскому, героями минуты. Въ такихъ шутодразнителяхъ не было недостатка при разнородномъ составѣ гостей Трощинскаго. Что они выдѣлывали и изобрѣтали въ угоду знатному вельможѣ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Среди шутовъ, кромѣ извѣстнаго Романа Ивановича [1]), обращалъ на себя вниманіе жалкій, отставленный вслѣдствіе умопомѣшательства заштатный священникъ, отецъ Варѳоломей. Онъ былъ главной мишенью для насмѣшекъ и издѣвательства, а иногда и побоевъ со стороны не знавшей удержу толпы, не считавшей для себя обязательнымъ даже уваженіе къ прежнему сану помѣшаннаго. Этого мало: была изобрѣтена особая, часто повторявшаяся жестокая потѣха, состоявшая, въ томъ, что бороду несчастнаго шута припечатывали сургучемъ къ столу и заставляли его, дѣлая разныя движенія, выдергивать ее по волоску. И это могло быть на глазахъ умнаго и добраго по природѣ, а главное—[2]), просвѣщеннаго вельможи!... Шутъ этотъ былъ не столько забавенъ даже, сколько отвратителенъ и гря-

---

[1]) См. о немъ въ письмахъ Гоголя (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 65 и 67).

[2]) Впрочемъ, по словамъ А. С. Данилевскаго, эти шутки мало забавляли Трощинскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ угрюмо, развѣ изрѣдка бывало улыбнется.

зенъ въ буквальномъ смыслѣ слова: неопрятность его доходила до такихъ невѣроятныхъ размѣровъ, что смотрѣть на него во время обѣда было противно и непристойно, и его принуждены бывали отдѣлять отъ остального общества особыми ширмочками, чтобы не оскорблять по крайней мѣрѣ зрѣнія сосѣдей, тогда какъ слухъ ихъ ежеминутно оскорблялся его безобразнымъ чавканьемъ. Несмотря на такія отвратительныя привычки и наружность отца Варѳоломея, съ нимъ послѣ стола ежедневно продѣлывали одну и ту же шутку. Глумясь надъ жадностью его къ деньгамъ, между нимъ и Трощинскимъ, садившимся нарочно возлѣ шута, потихоньку подвигали ассигнацію и наблюдали, какъ, не будучи въ состояніи устоять противъ соблазна, шутъ наконецъ ее схватывалъ и собирался уже ею завладѣть, какъ вдругъ, остановленный въ своемъ намѣреніи безцеремоннымъ толчкомъ и браннымъ словомъ Трощинскаго, невозмутимо повторялъ двусмысленное: „а нехай се вамъ!..“ Однажды во время пріѣзда архіерея шутодразнители вложили отцу Варѳоломею мысль обратиться къ его преосвященству съ привѣтственною рѣчью. Рѣчь была дѣйствительно приготовлена и, къ крайнему соблазну однихъ и лукавой радости другихъ, торжественно начата. Архіерей слушаетъ и недоумѣваетъ. Наконецъ, когда не осталось уже сомнѣнія, въ чемъ дѣло, находя неприличнымъ и скучнымъ слушать такой вздоръ, онъ прервалъ автора словами: „хорошо, очень хорошо! остальное досказывай чушкамъ“...

Въ обычныхъ шуткахъ надъ отцомъ Варѳоломеемъ принимали участіе рѣшительно всѣ. Казалось нелѣпымъ и неестественнымъ относиться къ нему иначе, а совершенно игнорировать его при описанномъ выше общемъ настроеніи не представлялось возможнымъ. Наконецъ, и самъ отецъ Варѳоломей, свыкшись съ своимъ положеніемъ и исполняя свои обязанности, вѣроятно силился, чѣмъ могъ, обращать на себя вниманіе и возбуждать смѣхъ...

Но самый замѣчательный случай съ отцомъ Варѳоломеемъ произошелъ во время одной изъ прогулокъ Трощинскаго съ гостями въ саду, когда всѣ они были напуганы шуткой Василья Аѳанасьевича, повѣсившаго на какомъ-то деревѣ платье этого шута, увидѣвъ которое, многіе вообразили, что несчастный рѣшилъ покончить съ собой, и успокоились только тогда, когда увидѣли сзади важно шагавшаго самого невольнаго виновника испуга, изумленнаго не менѣе другихъ.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!..“

XI. БЫТЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВРЕМЕНЪ ЮНОСТИ ГОГОЛЯ.

Для ближайшаго ознакомленія съ образомъ жизни и бытомъ малороссійскихъ помѣщиковъ времени дѣтства Гоголя и особенно съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежало семейство его родителей, мы можемъ въ настоящее время воспользоваться довольно живымъ и занимательнымъ историческимъ матеріаломъ, появившимся въ печати преимущественно въ послѣдніе годы. Очень благопріятнымъ обстоятельствомъ является въ данномъ случаѣ извлеченіе изъ-подъ спуда, хотя, можетъ быть, нѣсколько запоздалое, такихъ любопытныхъ мемуаровъ, какъ записки С. В. Скалонъ и др., доставляющія намъ данныя о жизни близкихъ съ родителями Гоголя семействъ: Трощинскаго (воспоминанія Скалонъ и статья г. Ореуса), Капнистъ (въ „Воспоминаніяхъ Скалонъ"), наконецъ отчасти о ихъ собственномъ семействѣ („М. И. Гоголь", біографическій очеркъ г. Трахимовскаго) [1]). Всѣ эти источники болѣе или менѣе сходятся въ томъ, что изображаютъ намъ въ весьма привлекательномъ свѣтѣ старинный украинскій бытъ. Въ этомъ радужномъ отраженіи былого добродушія и приволья, безъ сомнѣнія, очень много идеализаціи, безъ которой трудно было обойтись самымъ правдивымъ людямъ, воскрешавшимъ въ своей памяти наиболѣе свѣтлыя впечатлѣнія жизни. Всѣ названные авторы мемуаровъ говорятъ намъ о кровномъ, дорогомъ, и самый разсказъ ихъ при этомъ носитъ замѣтные слѣды естественнаго увлеченія и желанія передать бумагѣ хоть часть тѣхъ чувствъ, которыя пробуждались въ нихъ при одной мысли о родинѣ и золотой порѣ молодости. Но всѣ эти разсказчики заслуживаютъ полнаго довѣрія и самое ихъ пристрастное увлеченіе даетъ жизнь и смыслъ даже незначительнымъ подробностямъ пережитаго и перечувствованнаго. Мы видимъ изъ этихъ записокъ, какъ дружественныя отношенія нѣсколькихъ семействъ, связанныхъ между собой не простымъ знакомствомъ, но сердечной и теплой пріязнью, обусловливали живое участіе во всемъ, что̀ касалось судьбы каждаго изъ нихъ. При тогдашнихъ медленныхъ и неудовлетворительныхъ путяхъ сообщенія, при нѣкоторой замкнутости вслѣдствіе этого тогдашняго помѣщичьяго круга, который составлялъ особый мірокъ въ губерніи, при сохранявшемся еще тогда радушіи и гостепріимствѣ, взаимныя посѣщенія знакомыхъ помѣщиковъ носили характеръ самый задушевный и почти родственный, минуты свиданія были отраднѣе, а прощаніе передъ болѣе или менѣе продолжитель-

[1]) См. названныя статьи въ „Русской Стар.", 1882, VI; „Историческій Вѣст.", 1891, V—VII; „Русская Стар.", 1888, VII.

ной разлукой было менѣе натянуто и формально, чѣмъ мы это часто видимъ теперь. Василій Аѳанасьевичъ и Марья Ивановна встрѣчались, напримѣръ, съ Капнистами и у себя въ домѣ, и въ ихъ имѣньи Обуховкѣ, и въ Кибинцахъ у Трощинскаго, и всегда одинаково дружески и искренно. Иногда ихъ могло стѣснять многолюдство, если душевное настроеніе не благопріятствовало шумнымъ бесѣдамъ, какъ это ясно изъ словъ одного письма Марьи Ивановны, жаловавшейся, „что надобно было помѣщаться въ Кибинцахъ съ Капнистами и съ другими женщинами и поздно слишкомъ ложиться“, „потому что послѣ ужина всѣ молодые люди всегда собираются, а для моей Машеньки не годится поздно ложиться, и мы отъ ужина тотчасъ уходили въ свою квартиру“. Но это всегда относилось только къ случайностямъ момента, и ни мало не свидѣтельствовало о холодности или равнодушіи. Если тѣ же лица, при извѣстныхъ обстоятельствахъ мѣшавшія желанію М. И. остаться съ собой наединѣ, навѣщали ее и особенно въ болѣе счастливые часы въ Васильевкѣ, то она бывала имъ отъ души рада и не знала, какъ ихъ принять и гдѣ посадить, относясь къ нимъ, какъ къ самымъ дорогимъ, близкимъ роднымъ. „Связи родственныя“—говоритъ г. Трахимовскій [1])—„были тѣснѣе, отношенія теплѣе“,—и мы, на основаніи этого почтеннаго и достовѣрнаго свидѣтельства, съ большой увѣренностью позволяемъ себѣ предположить, что, если въ то время, какъ всегда и вездѣ, къ добрымъ сосѣдскимъ и родственнымъ отношеніямъ присоединялись иногда зависть, лукавые умыслы, интриги, если въ бесѣдѣ близкихъ знакомыхъ тайлись кое-когда заднія мысли или невысказанныя насмѣшки по адресу собесѣдниковъ, безъ чего трудно представить себѣ какое бы то ни было общество, гдѣ вообще искренность трудно иногда отдѣлить хотя бы отъ условной свѣтской лжи,—то все-таки было, безъ сомнѣнія, больше истинной пріязни и взаимнаго участія, нежели это бываетъ въ настоящее время. До насъ случайно сохранилась, благодаря воспоминаніямъ Скалонъ, одна незначительная подробность, но подробность характерная и во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнная. Прощаясь съ С. В. Капнистъ (позднѣе Скалонъ), передъ отъѣздомъ изъ Нѣжина въ Петербургъ, юный Н. В. Гоголь сказалъ нѣсколько многозначительныхъ и прочувствованныхъ словъ, какихъ не говорятъ поверхностно знакомымъ людямъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе такихъ словъ мы не могли бы ожидать отъ скрытнаго Гоголя, если бы онъ не придавалъ въ эту торжественную минуту своей жизни серьезнаго значенія самому прощанію. Соображая эти слова со всѣми остальными данными, извѣстными намъ о Гоголѣ того времени, мы смѣло можемъ заключить, что слова эти не были пустой фразой хвастли-

[1]) „Русск. Стар.“, 1888, VII, 44.

ваго юноши, но вырвались изъ души и были сказаны съ искреннимъ чувствомъ, иначе они бы и не врѣзались навсегда въ память уже взрослой женщины, тогда еще очень мало обращавшей вниманія на слова казавшагося ей заурядным знакомаго юноши. Вѣдь въ ея глазахъ онъ былъ, по ея собственнымъ словамъ, (да это тогда и не могло быть иначе), только „сыномъ Марьи Ивановны", въ которомъ если и обращала на себя вниманіе его необыкновенная задумчивость, то собственно потому, что это безпокоило его мать, ея добрую знакомую. Впрочемъ и по личнымъ впечатлѣніямъ даже отъ разсказовъ людей, за давностью лѣтъ припоминающихъ теперь лишь въ общихъ чертахъ это время (точнѣе—припоминавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ), мы могли бы, независимо отъ всѣхъ предыдущихъ соображеній, придти къ такой же точно характеристикѣ помѣщичьяго быта времени и среды родителей Гоголя. Всѣ эти разсказы, можно сказать, дышали отголосками навсегда исчезнувшаго быта и строя жизни, и тѣ же самыя лица, говоря о своихъ современныхъ отношеніяхъ, передавали ихъ совершенно другимъ тономъ, безъ того задушевнаго воодушевленія, безъ какого-то особеннаго участія до послѣдней мелочи, касавшейся отдаленнаго прошлаго ихъ былыхъ друзей, къ которымъ они относились большей частью, какъ къ лучшимъ и самымъ дорогимъ роднымъ. Конечно, здѣсь трудно отдѣлить общечеловѣческое отъ свойственнаго данному историческому моменту, за что я и не берусь; но мнѣ хотѣлось бы въ дополненіе къ извлеченному изъ печатныхъ источниковъ передать здѣсь и то непосредственное впечатлѣніе, которое, будучи вполнѣ согласно съ другими источниками, ихъ дополняетъ и подтверждаетъ. Г. Трахимовскій живо рисуетъ намъ въ немногихъ строкахъ этотъ прежній бытъ малороссійскихъ помѣщиковъ круга родителей Гоголя, разсказывая о родственникахъ и многочисленныхъ сосѣдяхъ, „посѣщавшихъ Васильевку, проводившихъ цѣлые дни подъ кровомъ Марьи Ивановны, катавшихся по обширному живописному пруду, осѣненному старыми деревьями, пользовавшихся широкимъ гостепріимствомъ всегда милой, любезной, веселой и гостепріимной хозяйки" [1]). Мы обращаемъ особенное вниманіе на эти строки, въ виду ихъ полнаго соотвѣтствія съ другими свидѣтельствами и той характерной черты, что авторы всѣхъ названныхъ воспоминаній, какъ будто сговорившись, упоминая о тогдашнемъ бытѣ, рисуютъ его радушіе, чистосердечіе и приволье. Чудная природа Малороссіи является другой причиной, вслѣдствіе которой во всѣхъ ихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ тѣ же роскошныя краски, неизбѣжно требуемыя характеромъ изображаемой мѣстности и внѣшней обстановки; очень естественно и понятно, что всюду мы встрѣ-

[1]) „Русск. Стар.", 1888, VII, 30.

чаемъ въ ихъ разсказѣ прелесть тѣнистыхъ садовъ, привлекавшихъ своимъ привольемъ самихъ помѣщиковъ и ихъ гостей въ жаркіе дни малороссійскаго лѣта, когда оживленные разговоры и веселый смѣхъ раздавались въ бесѣдкахъ и по дорожкамъ, вездѣ чувствуемъ и слышимъ присутствіе неподражаемаго малороссійскаго юмора въ шуткахъ и въ разсказахъ, вездѣ встрѣчаемъ геній малороссійскаго благодушія и безпечности. Очень понятно, что ни одинъ изъ разсказчиковъ не могъ позабыть въ своихъ мемуарахъ и изустныхъ сообщеніяхъ описанія малороссійской природы, обаяніе которой внушаетъ всегда такую пламенную привязанность малороссамъ къ ихъ родинѣ. (Здѣсь мы имѣемъ въ виду не только семейство Данилевскихъ, но и близкую съ дѣтства къ семейству М. И. Гоголь Александру Ивановну Псіолъ, жившую недавно въ Москвѣ вмѣстѣ съ княжной Варварой Николаевной Репниной [1]) и скончавшуюся въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ).—Затѣмъ довольно часто встрѣчающейся особенностью въ средѣ малороссійскихъ помѣщиковъ являлась наклонность къ общественнымъ развлеченіямъ, какъ въ тѣсномъ кругу отдѣльныхъ семействъ, такъ и въ такихъ широкихъ мѣстныхъ центрахъ, какими были притягивавшія въ свои нѣдра многочисленныхъ гостей изъ окрестныхъ деревень и ближайшихъ городовъ богатыя помѣстья такихъ магнатовъ, какъ Трощинскій, Гудовичъ и другіе. Здѣсь мы находимъ много блеска и великолѣпія, веселья и роскоши. Кромѣ широкаго гостепріимства здѣсь поражаетъ и неразлучное съ нимъ въ тѣ времена приживательство; напримѣръ, у Трощинскаго поселился на нѣсколько лѣтъ заѣзжій офицеръ Барановъ, въ семействѣ графовъ Капнистъ нѣкто Григоровскій [2]), у Марьи Ивановны Гоголь — какая то Лукерья Ѳедоровна, (отплатившая потомъ ей черною неблагодарностью), Марья Борисовна, Е. П. Грибоѣдова и проч. [3]).

Въ одномъ изъ названныхъ мемуаровъ мы находимъ слѣдующее описаніе обычнаго лѣтняго времяпровожденія помѣщиковъ, даже не самыхъ богатыхъ, а скорѣе средней руки, какими было семейство графовъ Капнистъ: въ праздничные дни утромъ всѣ домашніе отправлялись въ церковь, по возвращеніи домой садились за столъ, завтракали, потомъ спѣшили насладиться прохладой гдѣ-нибудь въ тѣни, недалеко отъ рѣки; по колокольчику сходились къ обѣду, вечеромъ устраивали гулянье въ окрестностяхъ деревни и т. д.

Въ домахъ помѣщиковъ, даже незажиточныхъ, всего было вдоволь: „домъ Гоголей“, — по словамъ Трахимовскаго, — „былъ

---

[1]) О В. Н. Репниной см. статью въ „Русскомъ Архивѣ“, 1897, VII.
[2]) „Историческій Вѣст.“, 1891, VI, 611.
[3]) Онѣ упоминаются въ письмахъ Гоголя (V т., стр. 38, 67, 107, 114, 162).

всегда—полная чаша, домъ небольшой, но помѣстительный, обширный и живописный садъ и прудъ, многочисленная прислуга, сытный обѣдъ, конечно деревенскій, приличные экипажи и лошади“ [1]) и проч. Къ этому перечню предметовъ, дающихъ намъ представленіе о скромномъ счастьѣ помѣщиковъ со средствами родителей Гоголя, мы прибавили бы еще для дополненія картины красивое мѣстоположеніе и такую очаровательную роскошь, какъ неумолкаемое пѣніе соловьевъ въ саду по вечерамъ, а въ имѣньи семейства Капнистовъ—Обуховкѣ, по словамъ С. В. Скалонъ, „при восходѣ солнца или вечеромъ при лунномъ свѣтѣ видъ бывалъ очарователенъ; особенно онъ бывалъ хорошъ, когда луна серебристымъ столбомъ блестѣла надъ рѣкой, въ которую смотрѣлись покрытыя густымъ лѣсомъ горы, при шумѣ мельницъ, похожемъ на вѣчный шумъ водопада и при немолчныхъ треляхъ и раскатахъ соловьевъ, оглашавшихъ чутко-спящій воздухъ упоительнымъ пѣніемъ“. Въ панскихъ домахъ этихъ помѣщиковъ, гораздо болѣе богатыхъ, нежели семейство Марьи Ивановны Гоголь, была, конечно, уже замѣтная роскошь, дававшая себя знать и въ мелочахъ, напр., во множествѣ домашнихъ украшеній, птицъ, цвѣтовъ, оранжерей...

Отношенія помѣщиковъ Гоголевской среды къ крестьянамъ были, вообще говоря, сравнительно очень добрыя и хорошія. „Возвращаясь изъ церкви“,—повѣствуетъ С. В. Скалонъ,—„мы видѣли толпы крестьянъ, бѣжавшихъ въ нарядныхъ и пестрыхъ одеждахъ къ господскому дому и на островъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ, между деревьями, приготовлялись столы для ихъ угощенія, гдѣ уже играла музыка и были устроены различныя качели. Молодые крестьяне и старики подходили съ радостнымъ видомъ къ дядѣ и теткѣ [2]), усердно поздравляя ихъ съ праздникомъ“. Но, конечно, этого нашего заключенія не слѣдуетъ распространять слишкомъ широко; если мы обратимся за свѣдѣніями для полной характеристики всего обширнаго класса малороссійскихъ помѣщиковъ начала нынѣшняго столѣтія къ запискамъ путешественниковъ, то намъ придется отмѣтить въ большинствѣ случаевъ противоположныя и очень неутѣшительныя явленія стариннаго малороссійскаго быта. Нѣкоторые изъ нашихъ путешественниковъ, заглянувшихъ между прочимъ въ отдаленные уголки Малороссіи, представляютъ намъ положеніе малороссійскихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ общемъ крайне незавиднымъ: очевидно, гуманные помѣщики составляли не частое явленіе. Матеріальное и экономическое положеніе крестьянъ было въ большинствѣ случаевъ бѣдственное: ихъ жилища, не смотря на извѣстную любовь ма-

[1]) „Русская Стар.“, 1888, VII, 30.
[2]) „Историческій Вѣстникъ“, 1891, V, 356.

лороссіянъ къ чистотѣ и опрятности, часто поражали крайней нищетой; скота у крестьянъ было крайне недостаточно; среди всего крестьянскаго населенія свирѣпствовали болѣзни, при чемъ наиболѣе ужаснымъ бичемъ являлись болѣзни венерическія, по словамъ одного путешественника, сдѣлавшіяся почти національной украинской болѣзнью. Вездѣ „дома-хижины, трубы на нихъ—хворостяныя, иногда связанныя соломой“. При такомъ устройствѣ домовъ и при отсутствіи пожарныхъ инструментовъ, упомянутый путешественникъ выражаетъ изумленіе, какъ по всей Малороссіи еще не выгорѣли всѣ города и деревни. Всякому, кто знаетъ достаточно нашъ національный характеръ, не покажется удивительнымъ рѣзкое противорѣчіе послѣднихъ словъ съ предыдущей характеристикой отношеній къ крестьянамъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ средней руки. Дѣло въ томъ, что недостаточная степень развитія и крайняя безпечность вполнѣ объясняютъ, какъ легко могло у нашихъ помѣщиковъ иногда даже дѣйствительно доброжелательное отношеніе къ крестьянамъ уживаться съ преступнымъ нерадѣніемъ о самыхъ насущныхъ ихъ потребностяхъ.

Но совсѣмъ иную картину представляла въ большинствѣ случаевъ жизнь крестьянъ въ помѣстьяхъ богатыхъ магнатовъ. Рядомъ съ безумною роскошью, выражавшейся въ пышномъ убранствѣ богатыхъ барскихъ домовъ, блиставшихъ изяществомъ архитектуры, съ ихъ обширными службами и образцовыми домашними приспособленіями, съ парками и украшеніями роскоши во вкусѣ блестящаго вѣка Екатерины Второй,—къ чести нѣкоторыхъ изъ этихъ помѣщиковъ, мы встрѣчаемъ у нихъ иногда заботы не только объ экономическомъ благосостояніи, но и о нравственномъ развитіи своихъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ такихъ имѣніяхъ процвѣтало скотоводство (мѣстами даже встрѣчались цѣлые обширные конные и овечьи заводы), оживленная фабричная дѣятельность и проч. Но санитарныя условія были вездѣ совершенно неудовлетворительны, начиная съ полнѣйшаго почти отсутствія врачей; такъ, по словамъ одного путешественника, врача Гуна, даже въ Яготинѣ (имѣньи графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, впослѣдствіи перешедшаго въ руки малороссійскаго военнаго губернатора Н. Г. Репнина) „врачебная часть находилась въ самомъ жалкомъ состояніи“. Тотъ же Гунъ свидѣтельствуетъ, что во время его поѣздки по Малороссіи, отъ Почепа до Кіева, на разстояніи пятисотъ верстъ, „ни доктора, ни лѣкаря“, такъ что „даже города страдали отъ полнаго отсутствія врачебнаго персонала“ [1]). Приводя эти слова, мы имѣемъ въ виду не столько указать на равнодушіе помѣщиковъ къ нуждамъ крѣпостныхъ, сколько обрисовать культурный уровень этого сословія и всей страны. Въ

[1]) „Кіевская Стар.“, 1892, II, 234.

уѣздномъ городѣ Черниговской губерніи, Почепѣ, въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка, былъ всего только одинъ штатный лѣкарь, „за глубокой старостью къ врачеванію не способный“. Послѣ этого нельзя не оцѣнить просвѣщеннаго почина, сдѣланнаго Трощинскимъ, державшимъ при себѣ врача и предоставлявшимъ пользоваться его услугами, этой исключительной роскошью даже среди тогдашнихъ богатыхъ вельможъ, своимъ пріятелямъ и знакомымъ (извѣстному поэту Василію Васильевичу Капнисту, Василью Аѳанасьевичу Гоголю и многимъ другимъ). Зато, съ другой стороны, мелкое тщеславіе и наклонность къ блеску заставляли такихъ помѣщиковъ окружать себя сказочной обстановкой, разрѣшать себѣ всевозможныя развлеченія и удовольствія, не исключая и весьма предосудительныхъ и грѣховныхъ, въ родѣ соблазнительныхъ отношеній къ своимъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ, красы которыхъ нерѣдко служили также предметомъ угощенія заѣзжихъ сосѣдей. Вообще, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, помѣщики въ Украйнѣ купались въ блаженствѣ счастья и изобилія, отчасти погружаясь въ грязную тину разврата и срывая всевозможные цвѣты удовольствія, и удѣляя иногда лакомые куски своимъ пріятелямъ и угодникамъ. „Весело и роскошно жили такіе помѣщики“—разсказываетъ г. Синицкій:—„и сами веселились и, принимая массу гостей, давали возможность веселиться и другимъ, а своихъ крѣпостныхъ умѣли заставить доставлять себѣ не только все необходимое для жизни, но и эстетическія удовольствія“ [1]). На зиму помѣщики переѣзжали иногда въ столицы или въ губернскій городъ.

XII. ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ И КЪ РОДНЫМЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ЕГО ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Возвращаемся къ характеристикѣ отношеній Гоголя къ матери въ послѣдніе годы его жизни въ Нѣжинѣ.

Во всякомъ случаѣ ему приходилось нерѣдко быть невольнымъ виновникомъ многихъ тяжкихъ безпокойствъ матери, которыхъ она не могла отъ него скрыть. Въ концѣ своей школьной жизни Гоголю пришлось позаботиться о пополненіи пробѣловъ и всего за полгода до окончанія курса онъ начинаетъ подумывать, какъ говорится, о „сведеніи концовъ съ концами“, передъ самымъ выпускнымъ экзаменомъ. Тутъ-то вырвались у него слова,

[1]) Тамъ же, стр. 256.

что онъ занимался неусердно и что теперь старается вознаградить упущенное, надѣясь въ полгода сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ во все прежнее время ученія [1]). Мать, какъ видно, отнеслась къ такому заявленію далеко не съ той степенью снисходительности и благодушія, какой ожидалъ Гоголь, и выразила даже сожалѣніе, что въ самомъ началѣ ученія никому его не поручила. Широкіе замыслы сына [2]), въ которые она могла быть посвящена только отчасти, должны были казаться ей тѣмъ болѣе сомнительными, что она наталкивалась на поразительныя противорѣчія между словомъ и дѣломъ, между этими замыслами и роскошными обѣщаніями относительно будущаго и неутѣшительными свѣдѣніями о настоящемъ. Гоголь говоритъ о своемъ трудолюбіи и надеждѣ при помощи желѣзнаго терпѣнія и усиленной энергіи пополнить накопившіеся за время ученія пробѣлы, съ радостью сообщаетъ уже и объ успѣхѣ, увѣряя, что онъ надѣется имъ „положить начало великаго предначертаннаго зданія“, а матери, мало придававшей значенія неубѣдительнымъ для нея обѣщаніямъ, изъ всего этого очевидно лишь то, что школьное время слишкомъ дурно употреблено сыномъ, такъ что почти наканунѣ отчета ему приходится наскоро наверстывать упущенное. Полученный Гоголемъ отвѣтъ сильно задѣлъ за живое его самолюбіе, и слѣдующее письмо его уже носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго затаеннаго недовольства, хотя онъ не позволяетъ себѣ выказать ни малѣйшей тѣни обидчивости. Въ эту пору образованія характера Гоголя мать его вообще нерѣдко высказывала свои взгляды и давала совѣты и наставленія [3]). Она убѣждала его быть береж-

---

[1]) Въ статьѣ Ореста Ѳедоровича Миллера: „Гоголь въ своихъ письмахъ“ („Русская Старина“, 1879 г., 9 кн.), сдѣлано наглядное сопоставленіе прежнихъ краткихъ отчетовъ Гоголя успокоительнаго свойства о ходѣ занятій съ неожиданнымъ для матери признаніемъ пробѣловъ; но едва-ли слѣдуетъ въ его дѣтскихъ увѣдомленіяхъ видѣть однѣ неискреннія фразы, какъ намекаетъ выраженіе упомянутой статьи, что „ко времени выпуска должно было оказаться“, что кромѣ „душевныхъ качествъ и обработанныхъ понятій, Гоголь ничѣмъ почти не запасся въ Нѣжинскомъ лицеѣ“. Правда, въ оправданіяхъ Гоголя звучитъ отчасти какая-то фальшивая нота, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что его слова были только одной „реторикой въ трагическомъ вкусѣ“. На планы Гоголя и его юношескія стремленія не обращено вниманія, а заподозрѣнное притворство, можетъ быть, слишкомъ подчеркнуто. Я долженъ здѣсь оговориться въ виду страннаго недоумѣнія одного критика, усмотрѣвшаго непослѣдовательность въ допущеніи мною, въ видѣ предположенія, неполной искренности Гоголя въ выше приведенныхъ строкахъ, тогда какъ я вездѣ признаю *искренность* сыновней любви Гоголя,—что *я строго отличаю искренность самаго чувства и искренность каждаго слова писателя въ письмахъ его къ матери. Первое отнюдь не всегда и небезусловно можетъ служить ручательствомъ за второе.*

[2]) О нихъ будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ.

[3]) Впослѣдствіи, когда Гоголь жилъ уже въ Петербургѣ и находился на службѣ, мать его сообщала о немъ П. П. Косяровскому, что пишетъ ему „въ каждомъ письмѣ по нѣсколько листовъ морали“. „Николенькѣ надобно послать, сколько смогу: онъ еще не опредѣлился о сю пору. Я часто получаю отъ него письма и ему пишу по нѣсколько листовъ морали“. („Указат. къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 77).

ливымъ въ образѣ жизни, называла его опрометчивымъ и мечтателемъ, предостерегала отъ увлеченій и даже пороковъ, при чемъ многія изъ этихъ наставленій могли быть вызваны упомянутымъ письмомъ передъ окончаніемъ курса. Оправдываясь и отвѣчая на упреки, Гоголь утверждалъ напротивъ, что онъ больше испытывалъ горя и нужды, нежели думала мать, что онъ даже нарочно будто бы показывалъ разсѣянность и своенравіе, когда бывалъ дома, чтобы думали, что онъ мало обтерся, мало былъ прижимаемъ зломъ [1]).

Таковы были отношенія Гоголя къ матери.

Отношенія Гоголя къ другимъ родственникамъ представляются по письмамъ также вполнѣ теплыми, истинно дружескими. Къ нимъ Гоголь питалъ въ дѣтствѣ искреннее расположеніе, о чемъ онъ говоритъ между прочимъ въ одномъ изъ писемъ къ матери въ отвѣтъ на неизвѣстно чѣмъ вызванные упреки въ холодности къ нимъ: „Я всегда любилъ родственниковъ и не чуждался ихъ, къ какому бы званію они ни принадлежали. Быть можетъ, неумышленное вы приняли за дѣйствительное“ [2]). Догадка Гоголя оказалась потомъ не лишенною основанія: мать пеняла ему за то, что, заспѣшивъ и засуетясь, онъ позабылъ проститься съ родными при отъѣздѣ, о чемъ Гоголь выражаетъ самое искреннее сожалѣніе: „Мнѣ почувствовалось, будто я выѣхалъ изъ дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни съ кѣмъ“ [3]). Гоголь по забывчивости вообще не соблюдалъ иногда нѣкоторыхъ внѣшнихъ формальностей прощанія. Въ другой разъ онъ пишетъ П. П. Косяровскому: „Ахъ, виноватъ, безцѣнный Павелъ Петровичъ! и забылъ передъ выѣздомъ проститься съ вами; впрочемъ не въ пустомъ обрядѣ заключается сила, и вы, я думаю, увѣрены, что мы другъ друга не забудемъ никогда“ [4]).

Страшный ударъ, внезапно разразившійся надъ Гоголемъ, заставилъ его, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сильнѣе почувствовать связь со всей остальной семьей.

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 71.—Замѣчательно, что при этомъ Гоголь сознается въ скрытности, въ привычкѣ прикрывать личиной безпечности и показной веселости настоящія свои чувства. Любопытно, что то же высказывалъ о себѣ Гоголь и въ зрѣлые годы; такъ, въ 1838 г. онъ писалъ М. П. Балабиной: „когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что̀ обо мнѣ говорятъ и что̀ думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что̀ мнѣ говорили, было не то, что̀ думали. Я нарочно старался завести ссору съ товарищемъ и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ все то, что̀ во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно, я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ.“(Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 345).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 36.

[3]) Тамъ же, стр. 38.

[4]) Тамъ же, стр. 62. Такіе же примѣры разсѣянности случались и гораздо позднѣе. (См „Вѣстникъ Европы“, 1889 г., т. XI, стр. 88).

Тотчасъ же послѣ смерти отца онъ начинаетъ принимать самое горячее, самое живое участіе въ судьбѣ сестеръ, разспрашиваетъ о нихъ, желаетъ ихъ скорѣе видѣть. Особеннымъ его расположеніемъ пользовались старшая сестра, Марья Васильевна, и любимица Анна, а также вся семья Косяровскихъ [4]).

Сильнымъ и искреннимъ чувствомъ проникнуты особенно письма Гоголя къ Петру Петровичу Косяровскому, котораго онъ цѣнилъ весьма высоко.

Какъ жалуется онъ на то, что дяди его пріѣзжаютъ въ его отсутствіе и, немного прогостивши, уѣзжаютъ опять раньше его пріѣзда!.. Онъ часто освѣдомляется въ письмахъ объ ихъ пріѣздѣ; онъ желаетъ знать, долго ли они прогостили въ Васильевкѣ, какъ имъ понравилось новое мѣсто для житья и проч. Пора наиболѣе интимнаго сближенія съ обоими дядями относится къ 1827 году. Возвращаясь по обыкновенію на вакаціонное время въ Васильевку, Гоголь два лѣта сряду заставалъ въ ней,—(очутившись снова въ кругу близкихъ родныхъ послѣ годового томленія въ Нѣжинѣ) обоихъ любимыхъ дядей, свиданія съ которыми онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, соединеннымъ съ боязнью, что оно не осуществится вслѣдствіе возможности скораго ихъ отъѣзда изъ Васильевки. Въ ихъ обществѣ Гоголь проводилъ почти весь срокъ совмѣстной жизни и въ короткое время настолько къ нимъ успѣвалъ привязываться, что по возвращеніи въ Нѣжинъ долго вспоминалъ о пріятныхъ дняхъ, проведенныхъ съ ними, чѣмъ разгонялъ не надолго тоску, наводимую однообразіемъ и непривѣтливой жизнью въ стѣнахъ давно наскучившаго заведенія. Одна мысль о дорогихъ родственникахъ способна была, по словамъ Гоголя, развлечь и развеселить его. Вообще короткое пребываніе въ Васильевкѣ и все остальное время, проводимое въ нелюбимомъ Нѣжинѣ, представляли двѣ рѣзкія противоположности. Трудно вполнѣ возстановить по письмамъ картину веселаго задушевнаго времяпровожденія Гоголя въ своей семьѣ въ Васильевкѣ, но въ общихъ чертахъ характеръ его обрисовывается довольно живо. Съ внѣшней стороны оно представляется намъ задушевнымъ общеніемъ людей, связанныхъ взаимною искреннею привязанностью, проводящихъ досуги большею частью въ тѣсномъ кругу семьи, въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ, отдыхающихъ и наслаждающихся привольною жизнью въ дорогомъ по воспоминаніямъ дѣтства и всѣмъ завѣтнымъ симпатіямъ благословенномъ краѣ Малороссіи. Прогулки цѣлымъ обществомъ по

---

[4]) Родное село, имѣніе и все относящееся къ нему, семейныя и домашнія дѣла также были всегда предметомъ особеннаго участія и нѣжной заботливости Гоголя. „Уже вижу все милое сердцу, вижу милую родину, вижу тихій Пселъ, мерцающій сквозь легкое покрывало“. (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 14).

полямъ и окрестностямъ Васильевки до утомленія, вознаграждаемаго потомъ вечернимъ чаемъ въ пріятной бесѣдѣ за истребленіемъ множества арбузовъ и дынь, веселыя поѣздки на ярмарку въ село Ярески, дружныя работы въ саду, не всегда пріятное и отчасти стѣснительное житье по временамъ въ Кибинцахъ у Трощинскаго и привольное наслажденіе жизнью дома, самыя отправленія вмѣстѣ на ночлегъ „въ верхнее обиталище“—однимъ словомъ, все до малѣйшихъ подробностей, касавшихся домашнихъ и даже дворовыхъ людей, какое-нибудь извѣстіе объ общихъ знакомыхъ, предметѣ обычныхъ шутокъ и разговоровъ,—рѣшительно все, что могло напоминать любимыхъ родственниковъ и счастливое время жизни въ Васильевкѣ, было пріятно сердцу юнаго нѣжинскаго школьника. Веселый и искренній тонъ писемъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ свѣтломъ, отрадномъ настроеніи, которое вызывалось въ Гоголѣ возможностью обмѣна мыслей съ дядями въ перепискѣ.

XIII. ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ ВЪ НѢЖИНѢ.

Добрыми семейными отношеніями наслаждался Гоголь во время своихъ каникулярныхъ досуговъ; въ Нѣжинѣ же жизнь его тянулась однообразно, лишь изрѣдка освѣжаясь игрой и отчасти режиссерствомъ на школьномъ театрѣ

Заботы Гоголя о гимназическомъ театрѣ и постановкѣ на сцену новыхъ пьесъ начались уже на второй годъ пребыванія его въ Нѣжинѣ [1]). Ему, безспорно, принадлежала иниціатива дѣла, съ которымъ изъ его товарищей врядъ ли кто и былъ знакомъ. Театръ, какъ видно, поглощалъ все вниманіе Гоголя: онъ заботится о немъ и съ радостью сообщаетъ объ удачахъ, при чемъ сила увлеченія видна уже изъ умѣнія организовать дѣло и изъ самой иниціативы въ такомъ раннемъ возрастѣ. И дома Гоголь также хочетъ непремѣнно играть. „Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я хорошо ее сыграю“ [2]). Со словъ одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя, г. Пашковъ, въ своихъ замѣткахъ [3]) свидѣтельствуетъ, что любовью

[1]) Театръ возникъ собственно только въ началѣ 1827 года (См. „Извѣстія Историко-Филолог. Инст. въ Нѣжинѣ“, 1872, неоффиціальный отдѣлъ, стр. 152), но ученическія представленія существовали и раньше (см. соч. и письма Гоголя, V т., стр. 14).

[2]) „Гоголь въ Нѣжинѣ“, „Берегъ“, 1880 г., № 268, дек. 18.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 14.

къ театру и ко всему изящному Гоголь отличался въ школѣ и выдавался въ этомъ отношеніи между товарищами. Очевидно, что это была страсть, а не мгновенная вспышка обыкновеннаго ребенка [1]).

---

[1]) Законность и польза существованія театра признавалась далеко не всѣми воспитателями или, вѣрнѣе, на этомъ вопросѣ всего ярче и съ наибольшимъ ожесточеніемъ отразились тѣ препирательства, которыми изобиловала въ то время жизнь нѣжинской педагогической корпораціи.

Интрига не замедлила примѣшаться и къ этому учрежденію, которое, казалось бы, должно было сблизить юношей и ихъ наставниковъ и при разумномъ руководствѣ оживить училищную жизнь. Вмѣсто того, ему суждено было внести разладъ и возбудить страсти самихъ учащихся и сдѣлать ихъ также причастными тому ожесточенію къ нѣкоторымъ изъ профессоровъ, которое сначала было, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ послѣднихъ; а такъ какъ въ профессорскихъ интригахъ для учениковъ было мало назидательнаго, то понятно отсюда общее паденіе профессорскаго авторитета, доходившее иногда въ воспитанникахъ до презрѣнія къ инымъ преподавателямъ, и усиленіе той распущенности, на которую они еще прежде жаловались въ своихъ донесеніяхъ конференціи. Въ числѣ недоброжелателей новой затѣи оказался прежде всего проф. Билевичъ, который во избѣжаніе отвѣтственности за допущеніе имъ, какъ членомъ конференціи, учрежденія театра, счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія окружного и почетнаго попечителей съ занесеніемъ своего мнѣнія въ журналъ конференціи. Проф. словесности, Никольскій, вѣроятно обиженный тѣмъ, что театръ возникъ, если не безъ вѣдома его, то помимо его участія и руководства, въ особомъ рапортѣ, представленномъ въ конференцію, энергически настаивалъ, въ свою очередь, на разъясненіи вопроса о томъ, кѣмъ именно были разрѣшены театральныя зрѣлища и кто, слѣдовательно долженъ за нихъ отвѣчать. также происходилъ ли выборъ піесъ для представленій, и если происходилъ, то подъ чьимъ именно контролемъ. „Ежели сіе кому-либо частно одному представлено, то для чего конференціи за извѣстіе о томъ знать не дано; если же выборъ піесъ предоставленъ вообще всей конференціи, то для чего и кѣмъ, безъ вѣдома оной, назначаемы были театральныя піесы, кои уже шесть лѣтъ разыгрывались, какъ слышно, съ какими-то собственными, только неизвѣстно чьими дополненіями и прибавленіями". (Пустивъ въ ходъ такимъ образомъ какой-то, вѣроятно многимъ понятный тогда намекъ, авторъ рапорта притворяется невѣдущимъ о томъ, что по настоянію кого-нибудь изъ начальства, по всей вѣроятности—самого директора Орлая, ученикамъ указывались и рекомендовались для ихъ театральнаго репертуара піесы, написанныя на французскомъ языкѣ). Наконецъ онъ высказываетъ догадку свою о стремленіи начальства расположить публику въ гимназіи и привлечь ее къ помѣщенію дѣтей въ находящійся при гимназіи пансіонъ, какъ о главной причинѣ возникновенія и поощренія театральныхъ зрѣлищъ, и выражаетъ свое убѣжденіе о возможности выбора для этой почтенной цѣли другихъ болѣе благородныхъ или благовидныхъ мѣръ. Послѣдніе намеки особенно заставляютъ, — если не будетъ слишкомъ смѣло строить предположенія на недостаточно еще разъясненныхъ фактахъ,—заподозрѣть въ Никольскомъ стремленіе набросить тѣнь на начальство, допускавшее, по мнѣнію составителя доклада, излишнія поблажки своимъ питомцамъ и оказывавшееся нерадивымъ или несостоятельнымъ въ надлежащемъ выполненіи прямыхъ своихъ обязанностей. Никольскій, подобно Билевичу, кончаетъ свой рапортъ также просьбой довести его соображенія до свѣдѣнія господъ попечителей. Конференція, однако, отклонила оба ходатайства и тѣмъ еще болѣе распалила злобу въ противникахъ театра, такъ что вскорѣ обострившееся раздраженіе двухъ партій повело за собой цѣлую исторію ссоръ, доносовъ и препирательствъ, кончившихся трагически для иныхъ преподавателей, и что всего прискорбнѣе, вовлекшую въ принадлежность къ одной, хотя и лучшей (инспекторской) партіи противъ нѣкоторыхъ, хотя и менѣе достойныхъ профессоровъ, вооружавшихся противъ театра,—многихъ старшихъ воспитанниковъ, и прежде всего, конечно, такихъ горячихъ сторонниковъ театра, какимъ былъ Гоголь. — Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этой темной исторіей, отсылаемъ къ обстоятельной статьѣ проф. Лавровскаго („Извѣстія Историко-Филологич. Института въ Нѣжинѣ", т. III, 1879 г., неоффиц. отдѣлъ, стран. 102—258; послѣ эта статья вышла также особой брошюрой).

Объ участіи Гоголя въ этомъ спектаклѣ Любичъ Романовичъ разсказываетъ слѣдующее:

„У насъ въ гимназіи, какъ-то на рождественскихъ праздникахъ былъ устроенъ спектакль, наибольшее участіе въ которомъ принималъ Николай Васильевичъ; онъ расписывалъ роли, рисовалъ декораціи, сооружалъ подмостки, дѣлалъ бутафорскія вещи и даже шилъ костюмы. Сцена устроена была на чердакѣ, который ко дню представленія былъ приведенъ въ порядокъ и изображалъ изъ себя очень порядочный залъ. Шла трагедія „Эдипъ въ Аѳинахъ“. Гоголь игралъ Креона, я—Эдипа, остальныхъ дѣйствующихъ лицъ не помню. Многочисленные зрители состояли исключительно изъ товарищей, не уѣзжавшихъ на праздники къ родителямъ, профессоровъ и ихъ семействъ. Спектакль сошелъ хорошо, и Гоголя очень много хвалили“ [1]).

Артистическая жилка въ школьное время не была чужда Данилевскому такъ же, какъ и Гоголю. Въ гимназическомъ театрѣ Данилевскій тоже былъ однимъ изъ дѣятельныхъ актеровъ или, точнѣе, актрисой, потому что чрезвычайно красивая наружность его заставила кружокъ товарищей разъ навсегда отдать ему женскія роли. Такъ, въ „Эдипѣ въ Аѳинахъ“ Базили [2]) игралъ Эдипа, Данилевскій—Антигону; въ „Фингалѣ“ ему приходилось всегда изображать Моину. Но сценическимъ дарованіемъ, по собственному откровенному сознанію, Данилевскій не отличался вовсе и подвизался на товарищеской сценѣ, больше благодаря охотѣ и счастливой наружности, хотя неизмѣримо уступалъ Кукольнику и Гоголю, настоящимъ мастерамъ дѣла. Такъ, въ „Недорослѣ“ Гоголь и Кукольникъ приводили въ восторгъ публику дѣйствительно блестящимъ исполненіемъ: первый отличался въ роли Простаковой, тогда какъ послѣдній превосходно игралъ Митрофана. Въ этихъ роляхъ, оба, по единодушному признанію всѣхъ, кто ихъ видѣлъ на сценѣ, были неподражаемы. Кукольникъ же тогда обращалъ на себя вниманіе наклонностью къ драмѣ и трагедіи: когда онъ исполнялъ послѣднюю сцену трагедіи Сумарокова: „Дмитрій Самозванецъ“, онъ, послѣ эффектно произнесенныхъ заключительныхъ словъ, падалъ на полъ какъ трупъ, чѣмъ производилъ сильное впечатлѣніе; онъ изумлялъ также публику патетическимъ исполненіемъ заглавной роли въ „Фингалѣ“ Озерова.

Театръ съ его волненіями, торжественной обстановкой (конечно, не въ первое время, когда кулисами были классныя доски) и съ его многократными репетиціями вносилъ въ жизнь воспи-

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“, 1892, XII, стр. 696.

[2]) Базили, Константинъ Михайловичъ, авторъ „Очерковъ Константинополя, Архипелага въ Греціи“, „Босфора“, изъ школьныхъ товарищей Гоголя, впослѣдствіи консулъ въ Смирнѣ и въ Сиріи.

танниковъ, безъ сомнѣнія, много необычайнаго, праздничнаго, что̀ еще болѣе способствовало ихъ сближенію. Но и въ обыкновенное время у нихъ не было недостатка въ развлеченіяхъ. Въ обыденномъ домашнемъ быту воспитанники постоянно встрѣчались другъ съ другомъ и забавлялись шалостями, изобрѣтаемыми Гоголемъ и другими рѣзвыми мальчиками. А. С. Данилевскій припоминалъ нѣкоторые эпизоды, какъ, напр., однажды Гоголь, передразнивая учителя физики Шаполинскаго, попался ему на глаза, за что послѣдній, сильно разсердившись, схватилъ его и долго трясъ за плечи, и какъ Севрюгинъ, учитель пѣнія, замѣчая, что Гоголь иногда фальшивилъ и не былъ въ состояніи пѣть въ тактъ съ товарищами, приставлялъ ему скрипку къ самому уху, называя его глухаремъ, что̀, разумѣется, возбуждало общее веселье. Гоголь любилъ всѣ искусства вообще, любилъ и пѣть; но между тѣмъ какъ онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ рисованіи, пѣнье не давалось ему, благодаря недостатку музыкальнаго слуха. Но въ хорѣ онъ участвовалъ, когда во время рекреаціи воспитанники пѣли стихи:

„Златые наши дни теките!
Красуйся ты, нашъ русскій царь“, и проч. [1]).

Совершенно особый міръ представляла больница, служившая для нѣкоторыхъ воспитанниковъ своего рода клубомъ. Въ больницѣ особенно фигурировалъ другъ Гоголя Высоцкій, о которомъ А. С. Данилевскій припоминалъ, что онъ вѣчно находился тамъ, страдая отъ болѣзни глазъ. Онъ сидѣлъ обыкновенно съ зонтикомъ. У него съ Гоголемъ было много общаго, но Высоцкій былъ гораздо авторитетнѣе. Ихъ соединяло другъ съ другомъ въ особенности то, что, по словамъ Гоголя, они „скоро поняли другъ друга“ и ихъ „сроднили глупости людскія“ [2]), надъ которыми они вмѣстѣ потѣшались.

Въ концѣ 1826 года Гоголю предстояло на непродолжительное время разстаться съ Данилевскимъ, оставившимъ по какому-то случаю гимназію высшихъ наукъ и перешедшимъ въ московскій университетскій пансіонъ. Въ письмѣ къ Высоцкому, отъ 17-го января 1827 г., Гоголь сообщалъ между прочимъ: „Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ“ [3]). Много и изъ моихъ то-

[1]) На вопросъ мой о любимыхъ играхъ Гоголя въ школѣ А. С. Данилевскій отвѣчалъ, что любимыхъ игръ у него даже и не было, какъ впослѣдствіи не было никакихъ любимыхъ физическихъ упражненій; напр., онъ не любилъ никакого спорта, верховой ѣзды и проч.; до нѣкоторой степени нравившимся ему развлеченіемъ была развѣ игра на бильярдѣ... Нельзя не пожалѣть, что П. Г. Рѣдкинъ никогда не сообщилъ ничего изъ своихъ лицейскихъ воспоминаній о Нѣжинѣ.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 44.

[3]) Высоцкій былъ двумя курсами старше Гоголя.

варищей удалилось. Лукашевичъ поѣхалъ въ Одессу, Данилевскій тоже выбылъ. Не знаю куда понесетъ его". [1])

Но недолго оставался Данилевскій въ Москвѣ: скоро онъ соскучился по товарищамъ и вернулся снова въ Нѣжинъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ меньше года. 26 іюня 1827 г. Гоголь писалъ Высоцкому: „Данилевскій находится теперь въ Москвѣ—не могу навѣрное сказать—гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ", [2]) а въ декабрѣ того-же года онъ былъ уже снова въ Нѣжинѣ [3]).

Въ іюнѣ 1828 года Гоголь и Данилевскій кончили курсъ въ гимназіи высшихъ наукъ—оба дѣйствительными студентами. [4]).

XIV. КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПИСЕМЪ ГОГОЛЯ КЪ Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

Важнымъ дополненіемъ къ перепискѣ Гоголя съ матерью при изученіи школьнаго періода слѣдуетъ считать еще три письма къ Высоцкому [5]). Изъ переписки съ матерью мы знакомимся преимущественно съ отношеніями Гоголя къ семейной жизни и ея интересамъ, но Гоголь могъ впрочемъ избѣгать бесѣды о нѣкоторыхъ сторонахъ школьнаго быта. Однимъ изъ стѣснительныхъ и щекотливыхъ пунктовъ было враждебное отношеніе его къ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V стр. 45. Въ случайно попавшемся намъ спискѣ (или копіи съ него) наказанныхъ въ продолженіе цѣлаго полугодія воспитанниковъ (на большой старинной бумагѣ синяго цвѣта), по распоряженію надзирателей: Амана, Зельднера и Капитона Павлова, довольно часто встрѣчается имя Яновскаго, напр.: „оставленъ за то, что занимался игрушками во время класса священника", за дерзкія слова стоялъ въ углу", или просто: „получилъ достойное наказаніе за худое поведеніе". Можетъ быть, этотъ списокъ относится къ 1827 г.—Ради курьеза приводимъ здѣсь одну изъ такихъ записей надзирателя Зельднера хотя и не касающуюся собственно Гоголя: „Григоровъ за насмѣшки надо мною былъ поставленъ въ уголъ, потомъ за *непослушность* я ему приказалъ стоять на колѣняхъ, но онъ упрямился не хотѣлъ стоять и *мнѣ* нагрубилъ удивительнымъ образомъ" и проч.

[2]) Соч. и письма Гоголя т. V, стр. 51.

[3]) Тамъ же, V, 70. А. С. Данилевскій сообщилъ мнѣ на мой вопросъ о подробностяхъ: „Изъ Нѣжина я вышелъ въ концѣ 1826 года и былъ въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ до іюня 1827 года; затѣмъ вновь поступилъ въ нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ въ концѣ того-же 1827 года".

[4]) Отмѣтимъ кстати, что въ оффиціальныхъ данныхъ нѣжинскаго лицея значилось, что при выпускѣ „по окончаніи музыки, пѣнія и танцевъ бились на рапирахъ и сабляхъ пансіонеры, окончившіе курсъ наукъ: Григорьевъ, Данилевскій I (Александръ Семеновичъ) и Миллеръ" (см. статью проф. Лавровскаго. „Гимназія высшихъ наукъ", т. III., 1879, неоффиц. отдѣлъ, стр. 157, примѣчаніе: Тамъ же: „танцовали матлотъ Пузыревскій и Данилевскій I"). Упоминаемъ объ этомъ потому, что, какъ мы слышали и изъ разныхъ другихъ источниковъ, Данилевскій въ молодости выдавался вообще живостью, ловкостью и красотой.

[5]) См. подробстн въ брошюрѣ проф. Владимірова: „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя". Кіевъ. 1890.

школѣ, въ которомъ ему сочувствовалъ товарищъ, но которое вовсе не расположена была раздѣлять мать. Сверхъ того, ее не могъ не коробить и рѣзкій критическій взглядъ сына на окружающихъ, къ которымъ принадлежали между прочимъ люди почтенные и уважаемые.

Сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ имѣло, несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на образованіе его нравственной личности: оно въ значительной степени опредѣлило характеръ его отношеній къ окружающимъ, сообщило извѣстный взглядъ на самого себя и на свои силы, наконецъ на задачи будущей своей дѣятельности. Выборъ друга, если вѣрить словамъ самого Гоголя, былъ не случайный: нравственная связь въ данномъ случаѣ основывалась на сходствѣ взглядовъ и отношеній къ окружающему міру [1]). Такъ какъ мы знаемъ изъ собственнаго признанія Гоголя и отзывовъ его друзей о ничтожныхъ результатахъ, вынесенныхъ имъ изъ школы, то, очевидно, слѣдуетъ допустить важность для его развитія бесѣдъ съ немногими избранными сверстниками, посвященными въ тайны его интимнаго міра. Подъ вліяніемъ Высоцкаго опредѣлились у Гоголя самонадѣянныя мечты о будущемъ и рѣзкое осужденіе настоящаго. Письма къ Высоцкому многое объясняютъ въ развитіи Гоголя: изъ нихъ мы узнаемъ, съ какихъ поръ у него возникло недовольство нѣжинской жизнью и какъ именно могло постепенно совершиться превращеніе его изъ безпечнаго ребенка, занятаго сперва успѣхами въ рисованіи и картинками собственнаго произведенія, и позднѣе поглощеннаго театромъ и чтеніемъ, въ молодого человѣка съ широкими замыслами и явными наклонностями къ критикѣ наблюдаемыхъ явленій.

Мы указали выше общее содержаніе писемъ Гоголя къ матери до обычнаго перерыва, наступившаго по случаю отъѣзда автора въ началѣ лѣтнихъ вакацій. Мы говорили о нетерпѣливомъ и страстномъ ожиданіи имъ писемъ изъ дому въ годъ кончины его отца. Но характеръ и степень оживленности переписки замѣтно измѣняется по возвращеніи Гоголя изъ дому въ школу осенью: насколько прежде живо и настоятельно ощущалась потребность въ обмѣнѣ мыслей и чувствъ, настолько теперь, напротивъ, съ обѣихъ сторонъ переписка становится на нѣкоторое время вялой и обыденной. Если прежде Гоголь скучалъ и томился, не получая долго извѣстій о матери; если онъ такъ живо интересовался тогда всѣмъ, что происходило дома: то теперь онъ живетъ, повидимому, замкнутой жизнью, мысль его работаетъ много, но надъ такими вопросами и предметами, о которыхъ онъ

[1]) Точнѣе замѣченное Гоголемъ сходство въ нѣкоторыхъ своихъ взглядахъ со взглядами Высоцкаго и особенно въ свойственномъ имъ обоимъ юмористическомъ отношеніи къ окружающему послужили основой вліянія Высоцкаго на Гоголя.

не имѣлъ обыкновенія или не находилъ удобнымъ бесѣдовать въ письмахъ. Причину указаннаго факта слѣдуетъ видѣть, конечно, не въ перемѣнѣ отношеній къ матери. Гоголь попрежнему хочетъ видѣть ее, чтобы имѣть возможность лично высказать ей многое, и еще въ началѣ октября заводитъ рѣчь о предстоящемъ свиданіи на Рождествѣ. Мы видимъ напротивъ, что отношенія Гоголя къ воспитавшему его заведенію существенно измѣнились; однажды пробудившаяся въ немъ дѣятельность мысли создала теперь потребность относиться критически ко всему окружающему, стать въ сознательныя отношенія къ внѣшнему міру, не замедлила оказать свое вліяніе на весь духовный складъ даровитаго юноши. Мы находимъ вскорѣ явные слѣды внутренней работы мысли и, какъ результатъ ея, признаки слагавшагося міросозерцанія, показывающіе, что Гоголь успѣлъ уже переступить за порогъ отрочества. Работа мысли имѣла у него въ это время преимущественно отрицательный характеръ и побудила его жадно искать чего-то лучшаго, стремиться къ перемѣнѣ условій и обстановки. Гоголь начинаетъ третировать все свысока и предъявлять чрезвычайно притязательныя требованія къ жизни.

Почти совершенное отсутствіе точныхъ фактическихъ данныхъ для разъясненія этой перемѣны въ немъ является невознаградимымъ пробѣломъ, такъ какъ даже въ воспоминаніяхъ лицъ, особенно коротко знавшихъ Гоголя въ дѣтствѣ и помнившихъ его ранніе годы, какъ мы видѣли, объ этомъ отдаленномъ времени сохранилось очень мало цѣнныхъ свѣдѣній. Въ этихъ воспоминаніяхъ болѣе или менѣе отрывочно рисуется личность даровитаго подростка, но большей частью со стороны мелкихъ школьныхъ выходокъ и продѣлокъ, при томъ иногда даже не совсѣмъ приличныхъ и неудобныхъ для пересказа въ печати. Можно только сказать вообще, что въ мальчикѣ совсѣмъ не было развито школьное самолюбіе, что онъ относился безпечно къ класснымъ занятіямъ и совершенно не заботился о томъ, не только, чтобы выдвинуться передъ товарищами пріобрѣтенными познаніями или, наконецъ, хотя бы основательностью и серьезностью развитія, но даже, чтобы занимать хорошія мѣста въ классѣ. Гоголь долго держалъ себя ребенкомъ, при чемъ рѣшительно не обращалъ на себя въ низшихъ классахъ ничьего вниманія; ему даже отводилось не слишкомъ завидное мѣсто въ свободныхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя онъ не отставалъ отъ сверстниковъ въ обыкновенныхъ мальчишескихъ проказахъ въ классахъ и дортуарахъ, вслѣдствіе чего, если и пользовался общей любовью школьниковъ, то не внушалъ къ себѣ уваженія. Надъ нимъ часто смѣялись и трунили, толкали его, получая отъ него соотвѣтствующее возмездіе въ видѣ насмѣшливыхъ прозвищъ и кличекъ... Возвращаясь изъ дому послѣ каникулъ, Гоголь встрѣ-

чалъ обыкновенно самый радушный пріемъ и дружескія привѣтствія [1]), но, поддерживая внѣшнимъ образомъ добрыя отношенія и чувствуя себя, вѣроятно, и на самомъ дѣлѣ привольно, бодро и весело въ средѣ любимыхъ товарищей, онъ былъ все-таки не прочь пересмѣивать ихъ наединѣ съ своимъ пріятелемъ Высоцкимъ. Въ старшихъ классахъ, когда онъ сталъ думать о книгахъ, о театрѣ, о будущности, его школьная репутація сильно возвысилась, но и тогда въ немъ все-таки не предполагали ничего необыкновеннаго, хотя и находили, пожалуй, чрезвычайно мѣткими его шутки и карикатурное изображеніе имъ старшихъ. Итакъ, что же хотя въ видѣ слабаго намека обѣщало въ Гоголѣ геніальную личность еще въ отрочествѣ? Какъ проникнуть въ любопытную тайну зарожденія и постепеннаго развитія въ его душѣ тѣхъ самоувѣренныхъ надеждъ, которыя составляли главную гордость и богатство его внутренняго міра въ счастливую пору юности? Такъ какъ изъ старшихъ не нашлось никого, кто бы сумѣлъ подсмотрѣть въ немъ зарожденіе еще не опредѣлившихся и притомъ тщательно скрываемыхъ завѣтныхъ помысловъ, то тѣмъ менѣе можно было бы ожидать, чтобы въ его тайну могли проникнуть его сверстники, беззаботные юноши, и тѣмъ болѣе мальчики-школьники, думавшіе объ играхъ въ то время, когда Гоголь уже начиналъ загадывать о будущемъ. Единственное тогда исключеніе составлялъ Высоцкій, уже давно умершій и не оставившій никакихъ воспоминаній. Такимъ образомъ, въ одномъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ вопросовъ мы остаемся всецѣло въ области гадательныхъ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не имѣющихъ значенія достовѣрныхъ фактовъ. Такъ, нельзя не признать чрезвычайно остроумными и любопытными, но далеко несомнѣнными нѣкоторыя догадки и соображенія, высказанныя также г. Кояловичемъ въ его прекрасной статьѣ: „Дѣтство и юность Гоголя“. На нихъ-то пока мы и остановимся.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 31: „Я принятъ былъ, какъ самый добрый товарищъ“.

XV. ЮНОШЕСКІЕ ПЛАНЫ И МЕЧТЫ ГОГОЛЯ. ПЕРЕМѢНА ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕГО ПРЕЖНИМЪ АВТОРИТЕТАМЪ: ОРЛАЮ, ТРОЩИНСКОМУ И ПРОЧ.

На только что поставленный нами вопросъ Кояловичъ даетъ такой отвѣтъ:

„Необходимо отмѣтить одну крупную подробность того общаго плана жизни, который сложился у Гоголя наканунѣ его выхода изъ гимназіи. Этотъ планъ былъ разсчитанъ на „просторный кругъ дѣйствія“. Припомнивъ указанныя вліянія: примѣръ Трощинскаго, выборъ родителями Гоголя школы съ широкими университетскими правами, наконецъ, вліяніе старшихъ товарищей, уѣзжавшихъ по окончаніи курса въ Петербургъ,—мы не удивимся тому размаху юношескаго честолюбія Гоголя, который выразился въ его мечтахъ о Петербургѣ“ [1]).

Исходной точкой соображеній г. Кояловича является постоянно наблюдаемый въ обыденной жизни общеизвѣстный фактъ, состоящій въ томъ, что на воспріимчивую душу ребенка нерѣдко оказываютъ замѣтное, а иногда и неизгладимое вліяніе понятія и притязанія окружающей среды, начиная съ родителей. Что̀ признаютъ желательнымъ или необходимымъ для своихъ дѣтей родители, на то именно, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ пріучаются устремлять свои раннія мечты и дѣти. Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, является не безразличнымъ даже столь распространенное въ разговорѣ съ дѣтьми обыкновеніе обращаться къ нимъ съ шутливыми вопросами о будущемъ и съ лестными для пробуждающаго сознанія разсказами о томъ, что̀ ихъ будто бы ожидаетъ въ жизни. Заманчивыя картины будущаго счастья не безслѣдно шевелятъ дѣтское воображеніе, незамѣтно воспитывая въ юныхъ сердцахъ зародыши честолюбія. Подобныя шутки съ дѣтьми всего чаще бываютъ невиннымъ развлеченіемъ и проходятъ навсегда, какъ это изобразилъ Гоголь въ бесѣдѣ Манилова съ дѣтьми за обѣденнымъ столомъ, когда Маниловъ спрашиваетъ у одного изъ нихъ, хочетъ ли онъ быть посланникомъ; но если, напр., въ вопросѣ Манилова сказалась только обычная его комическая слабость къ пустымъ и безплоднымъ фантазіямъ, то бываетъ съ другой стороны и такъ, что ребенку вкладываютъ въ голову болѣе осуществимыя мечты, и тогда онъ постепенно привыкаетъ къ возбужденіямъ честолюбія въ указываемомъ ему направленіи. Это случается особенно тогда, когда шутки сопровождаются искренними пожеланіями и къ нимъ примѣшивается не-

[1]) „Московскій Сборникъ“, подъ редакціею С. Шарапова, 1887 г., стр. 218.

вольный самообманъ самихъ родителей и ихъ задушевныя, горячія мечты. Итакъ, возникаетъ вопросъ: не было ли также *искусственнымъ образомъ* затронуто въ дѣтствѣ честолюбіе Гоголя подъ вліяніемъ родителей и окружающей среды? Не такимъ ли именно способомъ пріучился онъ заглядывать въ заманчивую даль будущаго и въ ней искать надежды для удовлетворенія рано подстрекаемаго честолюбія? Съ своей стороны мы отвѣтили бы на этотъ вопросъ отрицательно и указали бы скорѣе на внутреннія непостижимыя особенности геніальной натуры, какъ на главную причину рано пробудившихся въ Гоголѣ широкихъ идеаловъ и стремленій [1]), особенно въ виду того, что, какъ уже, вѣроятно, убѣдился читатель изъ предыдущаго очерка личностей и всего склада жизни родителей Гоголя, едва ли возможно допустить, чтобы въ младенческихъ впечатлѣніяхъ нашего писателя могъ участвовать предполагаемый г. Кояловичемъ элементъ. Родители поэта, безъ сомнѣнія, были люди самые скромные и непритязательные, не задававшіеся никакими обширными планами и весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было честолюбивыхъ грезъ. Въ балованномъ ребенкѣ, конечно, легче могло пробудиться честолюбіе, но на подобныхъ шаткихъ основаніяхъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Мы знаемъ только, что, какъ всѣ балованныя дѣти, Гоголь иногда не цѣнилъ должнымъ образомъ оказываемыя ему маленькія услуги и крупныя одолженія, но вовсе не по *эгоистической испорченности характера*, а по естественной безпечности возраста. Гоголь впослѣдствіи сильно жалѣлъ напримѣръ о томъ, что во время своего обученія въ Нѣжинѣ онъ позволялъ себѣ „нужды не по своему состоянію“, потому что не догадывался, какой цѣной все это доставалось. Но мы ничего не знаемъ о возбужденіи въ Гоголѣ такого именно самолюбія, на какое намекаетъ г. Кояловичъ. По тѣмъ же соображеніямъ мы не можемъ согласиться и съ другимъ предположеніемъ г. Кояловича, что будто, отдавая мальчика въ гимназію высшихъ наукъ, отецъ Гоголя задавался болѣе или менѣе опредѣленными планами, именно о будущей его карьерѣ и значеніи въ обществѣ. Дѣло было, какъ мы думаемъ, гораздо проще. Конечно, родители желали доставить сыну по возможности хорошее образованіе, особенно услышавъ лестную рекомендацію для заведенія изъ устъ предводителя дворянства; но приписываемое имъ желаніе „увидѣть сына по окончаніи курса съ правами университета“ очень мало соотвѣтствуетъ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ патріархальныхъ временъ и самой непритязательности скромной помѣщичьей среды, которую со столь же рискованнымъ преувеличеніемъ въ другую сторону иные хо-

[1]) Эти идеалы и стремленія, какъ мы выше сказали, получили нѣсколько *болѣе опредѣленное направленіе подъ вліяніемъ Высоцкаго.*

тятъ сравнивать во всѣхъ подробностяхъ съ средой старосвѣтскихъ помѣщиковъ, заходя въ этомъ направленіи иногда слишкомъ далеко. Самое приведенное нами выраженіе г. Кояловича отзывается, повидимому, понятіями и заботами людей современнаго намъ общества...

Но въ высшей степени мѣтко и основательно, по нашему мнѣнію, указалъ г. Кояловичъ на вѣроятное дѣйствіе на отроческую душу Гоголя примѣра поразительной яркости въ почти баснословномъ возвышеніи Д. Пр. Трощинскаго изъ простыхъ казачьихъ мальчиковъ на высшій постъ въ государствѣ. На глазахъ ребенка-Гоголя Д. П. Трощинскій со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ величайшимъ благоговѣніемъ; его боготворили, признавая благодѣтелемъ цѣлаго края; ему всюду расточали искреннія похвалы и подобострастную лесть въ глаза и заочно. Да и не въ одномъ только мнѣніи не знающаго жизни отрока, но и въ общемъ убѣжденіи Трощинскій является выдающейся личностью въ цѣлой Украйнѣ. Слова, сказанныя Гоголемъ-юношей одной изъ знакомыхъ С. В. Скалонъ [1]), передъ отъѣздомъ въ Петербургъ по окончаніи курса въ Нѣжинѣ, что она или ничего о немъ не услышитъ, или узнаетъ что-нибудь очень хорошее,—эти слова ясно доказываютъ, что въ его воображеніи давно носилось восторженное представленіе объ ожидающемъ его впереди выдающемся значеніи и славѣ; а если представленіе это было между прочимъ внушено какимъ-нибудь живымъ примѣромъ, то, конечно, такимъ образцомъ въ мечтахъ его ранняго дѣтства могъ быть только Д. П. Трощинскій, котораго одно имя произносилось многими какъ святыня. И въ самомъ дѣлѣ, въ дѣтскихъ письмахъ Гоголя есть несомнѣнныя подтвержденія того, что общее безграничное благоговѣніе къ Трощинскому въ первые годы своей школьной жизни раздѣлялъ и нашъ поэтъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что золотыя грезы юности были если не навѣяны, то, по крайней мѣрѣ, подогрѣты упомянутымъ всеобщимъ глубокимъ преклоненіемъ предъ личностью высокопоставленнаго родственника и друга дома родителей Гоголя, заслужившаго личными дарованіями и честнымъ трудомъ завидный всеобщій почетъ. „Примѣръ живой и поразительный“—справедливо замѣчаетъ г. Кояловичъ, „поразительный для мальчика, одареннаго воображеніемъ и честолюбіемъ Гоголя. Быть можетъ, родители его и не дерзали указывать на своего знаменитаго родственника, какъ на примѣръ для ихъ сына; но едва ли будетъ ошибочно предположить, что этотъ примѣръ сталъ занимать мысли Гоголя еще въ очень раннюю эпоху его развитія“ [2]).

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“, 1891, V, 363.
[2]) „Московскій Сборникъ“, изд. Шарапова, 1887, стр. 212.

Прибавлю еще, что преувеличеннымъ представляется мнѣ также домыслъ названной статьи,—будто на отроческую душу Гоголя имѣли сильное вліяніе слышанныя имъ преданія казацкой старины, въ которыхъ небольшая роль досталась на долю его ближайшихъ предковъ. Правда, какъ мы видѣли, украинскія лѣтописи сохранили извѣстія объ Остапѣ Гоголѣ, но семейныя преданія едва ли восходили далѣе дѣда великаго писателя, судя по тому, что сестры его были вполнѣ равнодушны къ загадочной и слишкомъ мало извѣстной личности Остапа, да и не были убѣждены даже въ своемъ происхожденіи отъ него...

Но возвращаемся къ прерванному разсказу.

Чѣмъ притязательнѣе становились замыслы Гоголя, тѣмъ на большее число лицъ распространялось его критическое отношеніе. Случалось даже, что искреннее и глубокое уваженіе Гоголя-ребенка замѣнялось насмѣшками и презрѣніемъ Гоголя-юноши. Въ большинствѣ лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться Гоголю въ Нѣжинѣ, онъ начиналъ видѣть людей ничтожныхъ, ограниченныхъ, мѣтко названныхъ въ письмѣ къ Высоцкому, „существователями“: очевидно, зоркій глазъ подростка научился уже замѣчать въ старшихъ многое, чего не замѣчали сверстники. О самомъ Нѣжинѣ Гоголь отзывается большею частью холодно: „я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ“, пишетъ онъ: „я иностранецъ, забредшій въ чужбину искать того, что̀ находится только въ одной родинѣ“ [1]) и проч.

Мы не знаемъ, какія причины могли заставить Гоголя совершенно перемѣнить свое мнѣніе и характеръ отношеній къ Орлаю, о которомъ онъ прежде отзывался всегда дружелюбно; но перемѣна эта была такъ рѣзка, что издатель писемъ Гоголя рѣшился даже скрыть имя Орлая во многихъ мѣстахъ подъ условной французской литерой (SS. [2])—Въ первый разъ проявляется у Гоголя чувство досады на Орлая по поводу отсрочки экзамена. „У насъ, гдѣ ничего нѣтъ постояннаго“, пишетъ онъ, „вздума-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, ст. 55; ст. такой же отзывъ на стр. 35, также на стр. 59.

[2]) Мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ нѣсколько запутаннымъ и важнымъ для установленія взгляда на личность самого Орлая, имѣвшаго большое вліяніе на внутреннюю жизнь гимназіи высшихъ наукъ. „Докторъ Орлай былъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный, дѣльный и высокообразованный, искренно заботившійся о благѣ заведенія и умѣвшій вести дѣло“. Такъ характеризуетъ его проф. Лавровскій въ своей статьѣ, основанной на изученіи документовъ, такимъ выставляютъ его всѣ лица, помнящія его дѣятельность, при чемъ особенный интересъ представляетъ отзывъ о немъ Кукольника въ біографіи, составленной для изданія Кушелева-Безбородко, подъ названіемъ „Лицей князя Безбородко“. Между тѣмъ, съ другой стороны и слова Гоголя о ненормальномъ состояніи пансіона при Орлаѣ подтверждаются несомнѣнными данными, указанными въ той же нѣсколько разъ названной статьѣ г. Лавровскаго. Мало того, распущенность пансіона, должно быть, была въ самомъ дѣлѣ невообразимая, если принять во вниманіе, что она больше всего и послужила причиной послѣ-

лось *господину директору* отложить экзаменъ и сегодня насъ объ этомъ увѣдомили“ [1]). По отъѣздѣ Орлая директоромъ въ Одессу въ Ришельевскій музей, Гоголь отзывается о немъ еще враждебнѣе: „Директоръ нашъ отправился въ Одессу! Теперь мы одни; однакожъ теперь все приняло другой порядокъ: пансіонъ сталъ улучшаться“ [2]) и проч.

Интересна также перемѣна отношеній Гоголя къ Трощинскому. При первыхъ попыткахъ отнестись критически къ людямъ Гоголь долженъ былъ, конечно, составить какія-нибудь представленія положительнаго характера о немногихъ лицахъ, которыя были въ его глазахъ образцами. Къ такимъ людямъ, безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ нѣкоторое время относить Трощинскаго, который представлялся ему человѣкомъ, принесшимъ въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ пользу обществу, имѣвшимъ высокія и достойныя разумнаго существа стремленія и цѣли въ

довавшаго черезъ нѣсколько лѣтъ закрытія или, правильнѣе, преобразованія гимназіи высшихъ наукъ. Какъ согласить эти противорѣчія? Справедливость требуетъ сказать, что этотъ вопросъ не съ достаточной ясностью и убѣдительностью разработанъ г. Лавровскимъ. Принимая съ ограниченіями хвалебные отзывы Кукольника, справедливо называя ихъ гиперболическими, г. Лавровскій принимаетъ, однако, за подтвержденіе ихъ въ сущности такое обстоятельство, которое скорѣе могло бы возбудить подозрѣніе въ томъ, что, при всемъ своемъ тактѣ и преданности дѣлу, Орлай, все же, не только не добился образцоваго порядка въ заведеніи, но не могъ даже прочно установить сколько-нибудь нормальной школьной дисциплины, такъ что, тотчасъ же по его выходѣ, въ пансіонѣ обнаружилась страшная распущенность, которую онъ, вѣроятно, только умѣлъ своимъ авторитетомъ сдерживать въ приличныхъ границахъ, чего не удалось послѣ сдѣлать менѣе опытнымъ и, весьма вѣроятно, менѣе способнымъ его преемникамъ. Да и при немъ дѣло доходило до того, что неблагопріятные слухи и отзывы о поведеніи вольноприходящихъ учениковъ сильно озабочивали почетнаго попечителя и окружное начальство, тѣмъ болѣе, что мѣстное дворянство, мнѣніемъ котораго гимназія должна была дорожить, такъ какъ это мнѣніе могло отразиться на количествѣ пансіонеровъ, не было въ состояніи отдѣлять пансіонеровъ отъ вольноприходящихъ. Наконецъ audiatur et altera pars: проф. Никольскій имѣлъ какое-нибудь основаніе задѣвать бывшаго директора, рѣшаясь бросать свои ядовитые намеки. Проф. Бѣлоусовъ, принимая должность инспектора, говоритъ, что онъ долго отказывался отъ нея, предвидя, сколько непріятностей и труда предстоитъ ему перенести при такомъ состояніи пансіона, когда воспитанники бродили толпами по трактирамъ и по подозрительнымъ мѣстамъ. Главными распространителями безпорядковъ, по словамъ г. Лавровскаго, были вольноприходящіе ученики еще до пріѣзда Орлая, но при немъ не оказывалось большихъ безпорядковъ между вольноприходящими. Какъ бы то ни было, въ нѣсколько лѣтъ своего директорства Орлаю удавалось только прикрывать и сдерживать безпорядки, но не устранить совсѣмъ. И онъ, имѣя въ виду спасеніе школы, даже долженъ былъ просить Бѣлоусова со слезами на глазахъ принять на себя бремя управленія ею. Наконецъ вѣскимъ подтвержденіемъ нашего предположенія о недостаточности умѣнія Орлая вести дѣло можетъ служить именно то, что поведеніе пансіонеровъ видимо начинаетъ измѣняться къ худшему вслѣдъ за отъѣздомъ Орлая изъ Нѣжина (лѣтомъ 1826 г.), когда въ пансіонѣ возникаетъ какое-то тревожное настроеніе, жалобы пансіонеровъ поднимаются одна за другой и пр. „Можно даже допустить, что предоставленная прежде пансіонерамъ свобода“,—говоритъ г. Лавровскій,—„не вполнѣ соотвѣт-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 34.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

жизни. Недаромъ онъ называлъ его не иначе, какъ благодѣтелемъ Малороссіи, раздѣляя такое мнѣніе съ цѣлымъ краемъ, гдѣ Трощинскаго единодушно признавали даровитымъ и полезнымъ государственнымъ человѣкомъ.

Для Гоголя дружескія отношенія Трощинскаго къ его семейству долго были предметомъ гордости. Но и въ примѣненіи къ этому, боготворимому прежде, человѣку едва ли не произошло въ немъ подобное же охлажденіе, какъ и къ Орлаю. Правда, перемѣна во взглядахъ на него не была такою рѣзкою и при бѣгломъ чтеніи переписки можетъ остаться незамѣченною, но она окажется ясною при сопоставленіи нѣсколькихъ отрывковъ изъ писемъ, раздѣленныхъ не особенно значительнымъ промежуткомъ времени. Какъ далеки въ письмахъ къ Косяровскимъ [1]), подтруниванія и насмѣшливые отзывы надъ кибинцскими обитателями и надъ самой жизнью въ Кибинцахъ отъ былого восторженнаго преклоненія передъ Трощинскимъ, котораго еще годъ назадъ Гоголь называлъ

ствовала ихъ возрасту, что бывали случаи злоупотребленія этой свободой, что совокупность этихъ случаевъ бросала тѣнь на порядки, заведенные въ гимназіи; но не подлежитъ сомнѣнію то, что общее состояніе пансіона при Орлаѣ было вполнѣ благонадежно; что авторитетъ Орлая, уваженіе и расположеніе къ нему и учащихъ и учащихся, устраняли тотъ вредъ, который при другихъ условіяхъ могъ бы произойти отъ частыхъ послабленій, отъ излишней иногда снисходительности директора" (стр. 146). Г. Лавровскій предполагаетъ далѣе, что обвиненія противъ Орлая начались особенно чрезъ два года послѣ его выхода, во время возгорѣвшейся борьбы между двумя враждебными партіями профессоровъ. Но изъ писемъ Гоголя мы видимъ обратное и притомъ размѣры распущенности, указанные людьми, обвинявшими Орлая, даже въ случаѣ сильныхъ преувеличеній, должны же были имѣть какое-нибудь основаніе и быть до извѣстной степени правдоподобными, иначе вѣдь они были бы просто не мыслимы. Но особенно, какъ согласить съ похвалами Орлаю непріязненные отзывы о немъ Гоголя тотчасъ по оставленіи Орлаемъ школы?.. Если взглядъ Гоголя былъ не одиночнымъ явленіемъ,—(а почему бы Гоголю, всегда относившемуся прежде съ любовью къ своему начальнику, вдругъ одному и безъ всякихъ причинъ перемѣниться къ Орлаю, тогда какъ съ нимъ-то Орлай обходился особенно дружески; тутъ всего вѣроятнѣе вліяніе установившагося общаго мнѣнія товарищей),—то вѣдь уже въ этомъ можно видѣть нѣкоторое противорѣчіе словамъ Кукольника и затѣмъ повторяющаго эти слова г. Лавровскаго. Все это остается неяснымъ, и если справедливо то, что „Орлай былъ человѣкъ весьма дѣльный и образцовый педагогъ, вполнѣ преданный дѣлу", наконецъ человѣкъ съ большимъ тактомъ, то все-таки онъ могъ быть далеко не безукоризненнымъ администраторомъ; можетъ-быть, въ его управленіи были и недостатки: иначе не могла бы вдругъ явиться распущенность пансіона по его выходѣ въ такой степени, въ какой ее представляли въ своихъ заявленіяхъ нѣкоторые члены конференціи; вѣдь порочность не можетъ въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца отъ немногихъ вольноприходящихъ охватить всю массу воспитанниковъ, да еще въ добавокъ во время мѣсяцевъ лѣтнихъ, вакаціонныхъ, когда большинство изъ нихъ разъѣхалось по домамъ,—и наконецъ откуда же все-таки неблагопріятный отзывъ Гоголя? Неудовлетворительность нравственнаго уровня воспитанниковъ признаетъ и Орлай въ письмѣ къ Бѣлоусову, къ которому Гоголь отнесся съ такимъ сочувствіемъ, какъ въ приведенныхъ выше строкахъ, такъ въ нѣкоторыхъ другихъ письмахъ. Орлай, напр., самъ былъ недоволенъ поведеніемъ вольноприходящихъ, содержимыхъ на частныхъ квартирахъ и пользовавшихся чрезмѣрной свободой при отсутствіи разумнаго руководства и надлежащаго нравственнаго вліянія.

[1]) См. V т. соч. Гог., изд. Кулиша и „Русскую Старину" 1876, I.

заочно не иначе, какъ великимъ человѣкомъ и его превосходительствомъ. „Въ часы тоски и радости буду вспоминать то время", пишетъ онъ Петру Петровичу Косяровскому, „когда мы составляли дружное семейство и собирались къ домашнему незатѣйливому обѣду гораздо веселѣе и съ большимъ аппетитомъ, нежели въ Кибинцахъ къ тамошнему разноблюдному" [1]) Если это мѣсто можетъ показаться недостаточно подтверждающимъ нашу мысль, хотя въ тонѣ его уже проскользнула легкая насмѣшка, то еще замѣтнѣе проявляется она въ слѣдующихъ строкахъ письма къ Павлу Петровичу Косяровскому: „Ну, а тѣмъ" (пропущено нѣсколько неудобныхъ для печати словъ) „кибинцскимъ чего тамъ выть на насъ? вѣдь мы-же сказали имъ, что скоро будемъ" [2]) и проч., и дальше: „располагаете-ли быть въ Кибинцахъ, хотя, я думаю, нескоро васъ туда залучать!" Интересъ къ Кибинцамъ еще сохранился (Гоголь неоднократно спрашиваетъ послѣ о томъ, что̀ дѣлается въ Кибинцахъ), но куда дѣвалось прежнее безусловное благоговѣніе къ Дмитрію Прокофьевичу, выражавшееся бывало въ застѣнчивомъ желаніи „преподнести его превосходительству не эфемерную мелочь, а сочиненіе, достойное просвѣщеннаго вниманія вельможи, благодѣтеля Малороссіи" [3]). Мы не знаемъ, что̀ было причиной слегка непріязненной насмѣшливости къ кибинцскимъ обитателямъ въ дядяхъ Гоголя, которые своимъ примѣромъ могли подавать поводъ къ подобнымъ-же выходкамъ со стороны юнаго племянника; но для насъ важна уже самая возможность со стороны послѣдняго до нѣкоторой степени отрицательнаго отношенія къ лицу, возбуждавшему въ немъ прежде безграничное благоговѣніе... Послѣ перемѣны къ Орлаю и Трощинскому неудивительно, что большинство людей, съ которыми приходилось встрѣчаться Гоголю, не говоря уже о товарищахъ-ученикахъ, стали казаться ему достойными одного презрѣнія. Происходившая вслѣдствіе этого необщительность со многими и вызываемое ею недовольство были, вѣроятно, причиною нѣкоторыхъ невыгодныхъ и даже враждебныхъ отзывовъ о Гоголѣ наставниковъ и бывшихъ товарищей. Такъ г. Артыновъ утверждаетъ даже, что Гоголь казался въ школѣ просто посредственностью [4]). Очевидно, большинству товарищей задушевныя думы его оставались неизвѣстными (о наставникахъ здѣсь по различію возраста и многолюдства школы не можетъ быть и рѣчи), между тѣмъ какъ они

---

[1]) „Русск. Стар.", 1876 г., I. 40.—Вѣроятнѣе всего можно предположить, что Гоголя оскорбило невниманіе Трощинскаго къ его матери, когда къ его пріѣзду дѣлались большія приготовленія, а между тѣмъ „его высокопревосходительство не благоволилъ пріѣхать" (тамъ-же, стр. 43). Ср. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 94.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 65 и 66.

[3]) Тамъ-же, стр. 66.

[4]) „Русск. Арх.", 1877 г., стр. 191.

были открыты лишь немногимъ избраннымъ. Наконецъ, можно допустить и то, что развитіе Гоголя было позднее, хотя и быстрое [1])...

Задатки будущаго блестящаго дарованія Гоголя проявлялись еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, но преимущественно въ рѣдкой наблюдательности и еще развѣ въ наклонности къ юмору, выражавшемуся въ искусствѣ мастерски подражать голосу и манерѣ, самому способу и характеру выраженій знакомыхъ. Но эта способность, доходившая у него до замѣчательнаго мастерства, направленная пока только на забаву,—даже большинству товарищей могла казаться совсѣмъ не важнымъ преимуществомъ, а наставникамъ, вѣроятно, и казалась именно однимъ изъ проявленій того „шутовства", въ которомъ Гоголь былъ ими замѣчаемъ неоднократно. Наблюдательность его также могъ замѣтить и оцѣнить далеко не всякій, да она и значеніе-то въ настоящемъ смыслѣ получила уже въ то время, когда Гоголь сталъ пользоваться въ своихъ сочиненіяхъ пріобрѣтеннымъ при помощи ея богатымъ матеріаломъ, а для послѣднихъ уже, безъ сомнѣнія, очень пригодился даже запасъ свѣжихъ впечатлѣній дѣтства, не только юности. Совокупность всѣхъ указанныхъ соображеній, кажется, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что для обыкновеннаго, непроницательнаго взгляда Гоголь долженъ былъ казаться сначала заурядным ребенкомъ. Въ душѣ его было, конечно, много задатковъ, свойственныхъ геніальной личности, но пока они дремали и не были вызваны къ жизни, они оставались тайной для людей непроницательныхъ... Изъ всѣхъ лицъ, которыя оставили воспоминанія о дѣтствѣ (соб. школьномъ возрастѣ) Гоголя, одинъ г. Пашковъ, въ небольшой газетной статьѣ въ „Берегѣ", утверждаетъ, что способности его проявлялись въ немъ тогда очень замѣтно и въ особенности онъ отличался юморомъ. Но сообщенныя имъ свѣдѣнія слишкомъ мелочны и, очевидно, не имѣютъ серьезнаго значенія, да и самъ авторъ передающій ихъ съ чужихъ словъ (одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя), сознается, что недостаточно быть только лично знакомымъ съ писателемъ или быть его школьнымъ товарищемъ, чтобы вѣрно охарактеризовать его, и справедливо прибавляетъ, что *знать* человѣка и *узнать*—большая разница. Г. Пашковъ сообщаетъ преимущественно незначительныя подробности о школьныхъ продѣлкахъ Гоголя, о томъ, какъ онъ умѣлъ хорошо притворяться, неподражаемо разыгрывать какую угодно роль, какъ онъ иногда руководилъ шалостями. Такъ будто Гоголь умѣлъ организовать систематически-шутливое преслѣдованіе искус-

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, мы долго не находимъ въ отроческихъ письмахъ яркихъ проблесковъ геніальности Гоголя, которыя свидѣтельствовали-бы о раннемъ развитіи его душевныхъ силъ, подобно тому, какъ, напр., мы имѣемъ много данныхъ, чтобы убѣдиться въ замѣчательно раннемъ развитіи Лермонтова.

но скрываемыми шалостями противъ нелюбимаго нѣмца-надзирателя (Зельднера), любилъ устраивать разныя продѣлки надъ товарищами, особенно во вкусѣ извѣстнаго всѣмъ по „Мертвымъ Душамъ“ *гусара*. Случалось однако, что подобныя шутки принимали болѣе или менѣе непріятный характеръ по своимъ послѣдствіямъ: иногда дѣло доходило до лазарета, и тутъ-то Гоголь своими оригинальными выдумками ставилъ въ затруднительное и смѣшное положеніе Орлая, какъ доктора. Довѣрчивый, хотя и ученый, эскулапъ совершенно поддавался обману, и Гоголь торжествовалъ. Такъ, когда Гоголь вздумалъ одного изъ учениковъ, надъ которымъ подсмѣивался, увѣрить, что у него бычачьи глаза, то ему удалось будто бы довести бѣднаго ребенка до состоянія легкаго и непродолжительнаго помѣшательства, такъ что его принуждены были даже лѣчить. Иногда также Гоголь, желая будто бы выиграть немного времени отъ учебныхъ занятій, для своихъ литературныхъ упражненій, умѣлъ искусно провести своихъ наставниковъ, а однажды такъ искусно притворился бѣшенымъ, что вполнѣ сумѣлъ на нѣсколько дней убѣдить Орлая въ своемъ мнимомъ безуміи. Совершенно невѣроятно, однако, мнѣніе г. Пашкова, что Гоголь могъ уже въ то время обдумывать свои дивные „Вечера на Хуторѣ“. Всѣ извѣстныя данныя свидѣтельствуютъ о наклонности его во время школьной жизни къ стихотвореніямъ или къ напыщенной прозѣ, къ высокому слогу, да и матеріалъ, необходимый для этихъ произведеній, Гоголь, какъ извѣстно изъ фактовъ, собиралъ уже впослѣдствіи въ Петербургѣ. На заявленіе упомянутаго товарища Гоголя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на догадку, лишенную всякихъ основаній и сдѣланную наобумъ, тѣмъ болѣе, что другой товарищъ нашего писателя по заведенію, Кукольникъ, разсказываетъ объ этомъ гораздо правдоподобнѣе: по его словамъ, цѣль Гоголя была избѣгнуть за какой-то проступокъ наказанія розгами [1]). Какъ бы то ни было, продѣлка Гоголя причинила большія хлопоты и испугъ начальству и доктору, а самому Гоголю извѣстное развлеченіе.—Приведенные факты и соображенія, кажется, ясно показываютъ, насколько имѣютъ цѣны показанія г. Пашкова. Мы съ своей стороны считаемъ, какъ было уже замѣчено выше, проявленіемъ даровитости Гоголя въ раннемъ дѣтствѣ преимущественно умѣнье своею страстью къ театру завлечь и товарищей; это могло быть не всѣми достаточно оцѣнено, но это было въ высшей степени важно.

Въ чемъ же заключались, однако, положительные идеалы Гоголя? чего онъ искалъ и къ чему стремился въ своемъ недо-

[1]) „Лицей кн. Безбородко“, I отдѣлъ, стр. 77.

вольствѣ окружающими людьми и настоящимъ положеніемъ? Мы узнаемъ изъ писемъ, что цѣлью его стремленій становится въ концѣ школьной жизни полезная общественная дѣятельность въ Петербургѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что и эти стремленія въ столицу зародились у него подъ вліяніемъ того же Высоцкаго, какъ старшаго и уважаемаго товарища, котораго сама жизнь должна была по его возрасту раньше натолкнуть на планы и предположенія о будущемъ. „Половина нашихъ думъ уже сбылась“, пишетъ ему Гоголь въ Петербургъ: „ты уже на мѣстѣ, ты ужъ имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ“ [1]), читаемъ мы въ письмѣ отъ 17 января 1827 г. Такимъ образомъ чуть не одно появленіе въ Петербургѣ казалось Гоголю до нѣкоторой степени достиженіемъ цѣли: такъ много на него возлагалось надеждъ. Причину этого, кромѣ безотчетнаго юношескаго увлеченія, можно видѣть и въ привлекательности столицы для юнаго школьника, привыкшаго слышать о ней восторженные отзывы провинціаловъ. Напр., мать его „всегда интересовалась знать Петербургъ и *заочно* восхищалась имъ“ [2]).

При извѣстномъ намъ настроеніи Гоголя переселеніе его друга въ столицу, въ Петербургъ, центръ умственной жизни Россіи, къ которому тогда были устремлены пламенные мечты и замыслы Гоголя, должно было, очевидно, дать новый толчокъ уже ясно обозначавшемуся направленію его мыслей. Съ этихъ поръ Петербургъ надолго, до самаго времени непосредственнаго знакомства съ нимъ, становится для юноши обѣтованной землей, съ которой было связано осуществленіе его плановъ и надеждъ. Если Нѣжинъ казался ему мертвымъ и пустымъ, то Петербургъ привлекалъ не только блестящей карьерой и заманчивой будущностью, но и полной чашей наслажденій, приготовленныхъ для него, какъ онъ думалъ, судьбой: вмѣстѣ съ осуществленіемъ идеаловъ Петербургъ долженъ былъ, казалось юному мечтателю, дать также удовлетвореніе естественному влеченію юноши пользоваться молодостью. „Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, а эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ“ [3]) и далѣе: „Какъ-то будете веселиться на масленицѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь—всякій вечеръ тамъ. Чья музыка?...“ [4]) Убѣжденіе въ несомнѣнности блаженства предстоящей петербургской жизни доходило у Гоголя до того,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 44.
[2]) См. соч. и письма Гог., т. V, стр. 79.
[3]) Тамъ же, стр. 44—45.
[4]) Стр. 45.

что, говоря объ отдаленности срока переѣзда въ столицу, онъ съ воплемъ восклицаетъ: „Зачѣмъ намъ такъ хочется увидѣть наше счастье? Зачѣмъ намъ такъ дано нетерпѣніе?“ [1]). Мы не утверждаемъ однако, что Гоголь предавался исключительно радужнымъ мечтамъ, забывая объ ожидающихъ его заботахъ и возможныхъ неудачахъ, хотя и такое увлеченіе было бы слишкомъ естественно въ его годы, но нельзя не отмѣтить, что юношеская мысль его любила останавливаться преимущественно на свѣтлыхъ сторонахъ будущаго.

Съ другой стороны, въ то же самое время, когда мечты Гоголя съ надеждой останавливались на Петербургѣ, тѣ же смутные идеалы увлекали его въ другую сторону, заставляя по временамъ переносить энтузіазмъ на проектируемую жизнь за-границей. Такая неустойчивость въ одномъ изъ существенныхъ пунктовъ составляемаго плана на будущее должна была отразиться на всемъ остальномъ. Уже по одному факту ея существованія можно смѣло утверждать, что, кромѣ одного, такъ сказать, общаго фона широкихъ замысловъ, для Гоголя еще ничего не опредѣлилось пока въ будущности, (а настоящаго своего призванія, по словамъ „Авторской Исповѣди“, онъ и не подозрѣвалъ въ эти годы). Такое колебаніе было весьма естественно при совершенномъ незнакомствѣ съ идеализируемымъ міромъ и съ предполагаемой ареной дѣятельности, и самымъ наглядным образомъ характеризуетъ какъ степень умственной зависимости Гоголя отъ Высоцкаго, такъ и совершенную еще незрѣлость обоихъ. „Куда ты, туда и я“ [2]), говоритъ въ одномъ письмѣ Гоголь своему другу, дѣлавшему за него смѣлые планы и предположенія, въ то время, когда его руководитель, только-что водворившійся въ Петербургѣ, но уже начинавшій, повидимому, разочаровываться въ немъ, успѣлъ составить съ своими новыми, петербургскими, товарищами проектъ заграничнаго путешествія, въ который не забылъ включить и своего нѣжинскаго пріятеля, будучи заранѣе увѣренъ въ возможности ввести его въ новый товарищескій кружокъ на правахъ самой тѣсной дружбы. Въ этой заочной рекомендаціи, въ поспѣшной готовности обѣихъ сторонъ на основаніи увѣреній посредника взаимно сблизиться и заключить братскій союзъ, наконецъ, въ быстро составленномъ широкомъ планѣ, по крайней мѣрѣ за два года до ближайшаго срока его исполненія, чрезвычайно много юношескаго, о чемъ всего краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ изумленіе самого Гоголя, конечно, еще не успѣвшаго, подобно своему другу, охладѣть къ еще неизвѣстному Петербургу. „Ты уже успѣлъ за меня и слово дать о моемъ согласіи на ваше намѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 44.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 56.

реніе (ѣхать) за-границу. Смотри только впередъ не раскаяться! можетъ быть, мнѣ жизнь нетербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: „не ищи того за моремъ, что̀ сыщешь ближе“ [1]). Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ возникаютъ у Гоголя наравнѣ съ стремленіемъ въ Петербургъ такія же неопредѣленныя порыванія за-границу, и мысль о чужихъ краяхъ все чаще представляется разгоряченному воображенію юноши по мѣрѣ приближенія его къ окончанію курса. Сначала, какъ мы видѣли, Гоголь встрѣтилъ далеко не съ безусловнымъ увлеченіемъ фантазію своего друга, такъ какъ Петербургъ еще сохранялъ для него весь свой престижъ и, вѣроятно, онъ даже не противорѣчилъ тогда другу лишь потому, что боялся огорчить его отказомъ, да и дѣло шло не о близкомъ будущемъ (во всякомъ случаѣ обаяніе первой мечты было еще во всей силѣ). „Такъ ужъ и быть“, пишетъ Высоцкому Гоголь,—„ты далъ слово — нужно спустить твоей опрометчивости. Только когда еще это все будетъ! Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ, но, вѣроятно, безъ тебя не останусь въ немъ“ [2]) и проч. Впослѣдствіи однако, Гоголь сталъ придавать этой мечтѣ большее значеніе. Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому (отъ 3 октября 1827 г.), открывая дядѣ свои планы, онъ выражается такъ: „Къ тому времени, когда я возвращусь домой, можетъ быть, судьба загонитъ меня въ Петербургъ, откуда наврядъ ли залучу когда-либо въ Малороссію. Да, можетъ быть, цѣлый вѣкъ достанется жить въ Петербургѣ; по крайней мѣрѣ такую цѣль я начерталъ уже издавна“ [3]). Но въ письмѣ къ нему же отъ 8 сент. 1828 г. онъ говоритъ между прочимъ: „можетъ быть, попаду въ чужіе края“ [4]). Такимъ образомъ мечта, зародившаяся въ головѣ Высоцкаго, хотя и бывшая плодомъ мимолетнаго увлеченія, едва ли не послужила отдаленной причиной совершенной Гоголемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ поѣздки за-границу. Заранѣе составленное представленіе Гоголя о Петербургѣ не измѣнилось и послѣ охлаждающаго письма Высоцкаго, который, видя преждевременное ослѣпленіе своего друга и, вѣроятно, уже убѣдившись въ неосновательности его увлеченія, не счелъ нужнымъ скрывать отъ Гоголя непривлекательныхъ сторонъ петербургской жизни. Онъ, вѣроятно, указалъ на нихъ со всею правдивостью, судя по впечатлѣнію, произведенному письмомъ на читавшихъ его товарищей Гоголя. Но Гоголя это письмо нисколько не поколебало: напротивъ, онъ съ презрѣніемъ отзывается о напуганныхъ товарищахъ. Онъ снова пишетъ Высоцкому: „Люблю тебя еще болѣе,

[1]) Тамъ же.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 56.
[3]) „Русск. Стар.“, 1876 г., т. I, стр. 41.
[4]) Тамъ же, стр. 43.

чѣмъ прежде, хотя ты ужаснулъ меня чудовищами всякихъ препятствій. Но они безсильны: или странное свойство человѣка!— чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе“ [1]). Замѣчательно однако, что, какимъ эдемомъ ни представлялся Гоголю Петербургъ, перспектива разлуки съ Малороссіей ему казалось прискорбною, но въ то же время и необходимою вслѣдствіе отвращенія его къ безцѣльному, прозябательному существованію въ провинціи, и страха, что ему, доведется, быть можетъ, погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ. „Быть въ мірѣ“, говоритъ онъ, „и не означить своего существованія — это для меня ужасно!“ [2]) Вмѣстѣ съ этими пламенными мечтами принесенія всей жизни на пользу общества и родины, у Гоголя подъ вліяніемъ тѣхъ же благородныхъ побужденій и твердой увѣренности въ своихъ силахъ, возникаютъ заботы объ устройствѣ ближайшихъ родныхъ, является безкорыстное отреченіе въ ихъ пользу отъ собственныхъ правъ на наслѣдство. Подъ какими вліяніями могъ развиться такой благородный взглядъ на задачи своей жизни и что̀ могло вызвать этотъ великодушный порывъ?—вотъ вопросъ, на который трудно дать иной отвѣтъ, кромѣ предположенія о высокомъ воспитательномъ значеніи семьи, глава которой была проникнута истиннымъ религіознымъ чувствомъ и готовностью самопожертвованія для блага близкихъ...

„Но исполнить желаніе и переѣхать въ Петербургъ“ — говоритъ г. Кояловичъ,—„было не такъ легко, какъ это казалось въ минуты интимной товарищеской бесѣды; наканунѣ самаго выполненія этого плана вспомнились пылкому юношѣ и его обязанности къ матери и недостатокъ матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе котораго приходилось разсчитывать больше на свои собственныя силы, нежели на помощь изъ дома, однимъ словомъ, явились затрудненія, которыя нелегко было устранить“.

Но „при всѣхъ этихъ грандіозныхъ замыслахъ, обнаруживавшихъ будущаго геніальнаго дѣятеля“, замѣчаетъ авторъ извѣстной намъ статьи въ „Русской Жизни“, „юность брала свое, и въ томъ же, цитированномъ уже нами, письмѣ Гоголя къ Высоцкому отъ 26 іюня 1827 г., Гоголь обращается къ своему другу съ просьбой заказать для него въ Петербургѣ портному „самому лучшему“ фракъ „по послѣдней модѣ“ и сообщить, какія въ Петербургѣ модныя матеріи на жилеты и панталоны и что̀ они стоятъ.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 55.
[2]) „Русск. Стар.“, 1976 г., т. I, стр. 41.

„Мы уже указывали“ — продолжаетъ авторъ,—„на эту наклонность Гоголя-юноши къ щегольству [1])“. „По всей вѣроятности, она была довольна сильна въ немъ, если онъ, несмотря на глубоко сознанную уже имъ затруднительность своего матерьяльнаго положенія, не только не могъ ее ограничить, но даже, очевидно, поддавался ей и на удовлетвореніе ея тратилъ не малыя, по своему состоянію, суммы. Изъ не разъ цитированнаго письма его къ Высоцкому мы узнаемъ, что у него такъ много было черныхъ фраковъ, что они ему надоѣли и онъ не хотѣлъ на нихъ смотрѣть. Кромѣ указаній въ письмахъ самого Гоголя, объ этой же наклонности его узнаемъ и отъ лицъ, знавшихъ Гоголя-юношу. Одинъ изъ наставниковъ его, Кулжинскій, сообщаетъ, что, по окончаніи курса, „Гоголь прежде всѣхъ своихъ товарищей, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ-теперь вижу его въ свѣтло-коричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка считалась тогда nec plus ultra молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку“ [2]). Лица, знавшія Гоголя въ первые годы по выпускѣ его изъ гимназіи, тоже подмѣтили въ немъ эту черту. По словамъ Лонгинова, познакомившагося съ Гоголемъ въ 1831 г., костюмъ послѣдняго представлялъ рѣзкую противоположность щегольства и неряшества [3]). С. Т. Аксаковъ, разсказывая о первомъ визитѣ къ нимъ Гоголя въ 1832 г., тоже замѣчаетъ, что „въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство“ [4]).

XVI. ОКОНЧАНІЕ ГОГОЛЕМЪ КУРСА ВЪ НѢЖИНѢ И ПЕРЕѢЗДЪ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1827 года Гоголь дѣятельно принимается за приготовленія къ предстоящему выпускному экзамену, представлявшемуся ему въ то же время и бременемъ необходимаго, но тягостнаго, отчета за годы, проведенные въ школѣ, и послѣднимъ желаннымъ разсчетомъ со школой, за стѣнами которой передъ нимъ открывалась заманчивая перспектива свободной и по-

[1]). „Рус. Жизнь“, 1891, № 65.
[2]). „Москвитянинъ“, 1854, № 21.
[3]). „Современ.“, 1854, XLIV, № 3, стр. 86.
[4]). „Рус. Арх.“, 1890. VIII, 6.

лезной жизни, безпрепятственнаго стремленія къ осуществленію давно лелѣемыхъ мечтаній и идеаловъ, возможности труда для пользы общей въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какіе ему начертало пылкое юношеское воображеніе и высокое мнѣніе о своихъ силахъ. Теперь онъ долженъ на время подавить въ себѣ все, что привлекало его вниманіе, и, отложивъ мечты о будущемъ, углубиться въ запоздалыя занятія элементарными учебными курсами,— и онъ работаетъ упорно, не позволяя себѣ ни отдыха, ни развлеченій. Конечно, въ этой сосредоточенной по-неволѣ работѣ нельзя еще видѣть ничего особенно важнаго, но это была въ жизни юноши едвали не первая напряженная дѣятельность, продолжавшаяся почти безъ перерывовъ цѣлые мѣсяцы; это была уже серьезная проба его силъ и энергіи.

Нѣжинскія письма Гоголя оканчиваются въ исходѣ мая 1828 года; послѣднее письмо помѣчено 30 числомъ этого мѣсяца. Въ коротенькой записочкѣ Гоголь вторично съ досадой извѣщаетъ объ отсрочкѣ экзамена, послѣ котораго онъ проситъ выслать за собой лошадей, назначая срокомъ для ихъ прибытія 25 іюня, что совершенно совпадаетъ со свѣдѣніями о времени окончанія учебнаго года, заключающимися въ оффиціальныхъ документахъ гимназіи высшихъ наукъ. Наступившій затѣмъ перерывъ въ перепискѣ Гоголя съ матерью продолжается болѣе полугода, до самаго отъѣзда его въ Петербургъ. Изъ двухъ-трехъ писемъ къ Петру Петровичу Косяровскому, единственныхъ, которыя относятся къ этому времени, мы узнаемъ, что, кромѣ приготовленія и сборовъ въ Петербургъ, мысли Гоголя были тогда также поглощены заботами объ обезпеченіи матери и объ устраненіи отъ нея, насколько возможно, тяжелаго гнета незавидной матеріальной обстановки и вѣчныхъ мелочныхъ невзгодъ, которыхъ, конечно, не мало выпадало на ея долю, при незначительныхъ средствахъ довольно многолюдной семьи. Тутъ, какъ и прежде, Гоголь является преданнымъ и нѣжно заботливымъ сыномъ, старающимся, чѣмъ возможно, облегчить положеніе матери и внутренно упрекающимъ себя за невольныя безпокойства, которыя ему нерѣдко приходилось причинять ей. Особенно интересно въ указанномъ отношеніи письмо отъ 8 сентября 1828 года [1]), почти исключительно посвященное заботамъ о матери, такъ что даже предположенія юноши о собственномъ будущемъ отступаютъ здѣсь на второй планъ. Это письмо въ то же время можетъ дать намъ извѣстную основу для сужденія объ интересахъ, привлекавшихъ тогда его вниманіе и служитъ для ближайшаго ознакомленія съ отношеніями его къ любимому дядѣ. Серьезный тонъ и содержаніе письма ясно заставляютъ насъ предполагать, что

[1]). „Русск. Стар.“, 1876, I, 43 45.

именно этого дядю уважалъ Гоголь больше другихъ несомнѣнно любимыхъ имъ родственниковъ; именно этому дядѣ Гоголь иногда рѣшался повѣрять свои планы и мечты, именно съ нимъ онъ бесѣдовалъ о вещахъ, имѣвшихъ для него особенное значеніе. Неожиданно узнавъ о предположеніи Петра Петровича оставить Малороссію, племянникъ съ любовью упрекаетъ его за то, что тотъ имѣлъ намѣреніе покинуть родныхъ, которые его такъ любили, которыхъ онъ привязалъ къ себѣ, какъ будто только для того, чтобы потомъ разлука съ нимъ причинила послѣднимъ тяжкую печаль; умоляетъ его отмѣнить „грозное рѣшеніе“ и пріѣхать опять въ Васильевку, чтобы по отъѣздѣ Гоголя въ Петербургъ быть матери его „ангеломъ-утѣшителемъ“ [1]). Не для того только, чтобы высказаться подъ вліяніемъ потребности излить накипѣвшія чувства, не съ просьбой о совѣтѣ обращается къ дорогому дядѣ этотъ *скрытный* человѣкъ, *открывая* ему на этотъ разъ то, что было на душѣ: нѣтъ, онъ хочетъ, напротивъ, какъ бы выбрать дядю только сотрудникомъ въ исполненіи задуманнаго предположенія. Здѣсь уже сказывается извѣстная самостоятельность характера, привычка свободно, на собственный страхъ, распоряжаться своими дѣйствіями и даже привлекать старшихъ къ осуществленію своихъ плановъ; мы, очевидно, застаемъ Гоголя на той степени развитія, когда онъ былъ уже далеко не тѣмъ неопытнымъ юношей, почти ребенкомъ въ отношеніи жизненнаго опыта, какимъ онъ можетъ показаться намъ, если мы односторонне обратимъ вниманіе лишь на заглазное преждевременное увлеченіе его неизвѣданною и потому еще болѣе заманчивой петербургской жизнью. Не менѣе важно обратить вниманіе здѣсь и на ту раннюю практичность Гоголя, хотя и имѣвшую источникомъ своимъ искреннюю любовь и заботы о матери, которыя выразились въ его планѣ относительно собственныхъ дѣйствій для обезпеченія послѣдней. Собираясь оставить, можетъ быть навсегда, Малороссію для Петербурга и замышляемой въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ поѣздки за границу, а, можетъ быть, даже жизни тамъ, которая, какъ казалось молодому мечтателю, могла продолжаться нѣсколько лѣтъ, такъ что о немъ, можетъ быть, долго „не будетъ ни слуху, ни духу“ [2]),—выраженіе это два раза повторено въ разсматриваемомъ письмѣ,—Николай Васильевичъ отказывается въ пользу матери отъ своей доли наслѣдства и даже принимаетъ мѣры, чтобы его наслѣдники, подъ которыми онъ

---

[1]). Любопытно, что Гоголь опасался особенно корыстныхъ притязаній на часть имѣнія его матери со стороны какого-то священника о. Меркурія. По словамъ Анны Васильевны Гоголь, фамилія священника была Яновскій. На стр. 141 V-го тома Сочиненій и писемъ Гоголя упоминается сынъ его, Степанъ Меркурьевичъ.

[2]). „Русск. Стар.“, 1876, I, стр. 43 и 44.

подразумѣваетъ здѣсь между прочимъ любимыхъ сестеръ, не лишили ея мѣста, гдѣ она могла бы преклонить голову. „Почемъ знать, каковы еще будутъ мои сестры!“ [1])—вотъ какое восклицаніе вырывается изъ его любящей души подъ вліяніемъ заботъ о матери. Нѣжность къ ней доходитъ у него наконецъ до того, что, по собственному сознанію, „его не беретъ охота возвращаться изъ Петербурга“ (Гоголь говоритъ о предположеніяхъ своихъ на счетъ будущаго) „когда-либо домой, особенно бывши нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ эта необыкновенная мать бьется, мучится, иногда даже о какой-нибудь копѣйкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье“ [2]). Это обстоятельство, слѣдовательно, служило еще лишней причиной стремленія его вонъ изъ дома, вонъ изъ Малороссіи [3]).

Впрочемъ, по мнѣнію господина Кояловича, „успокоивая и обезпечивая дядю насчетъ „своей участи“, Гоголь, въ сущности, успокаивалъ и обезпечивалъ самого себя“.—Собираясь въ длинную дорогу, самая цѣль которой и туманна и опасна, человѣкъ невольно внимательнѣе и глубже всматривается въ себя и изслѣдуетъ тѣ средства, которыми будетъ располагать въ критическую минуту. И только этой невольной думой слѣдуетъ объ-

---

[1]). Тамъ же, стр. 44.

[2]). Стр. 43.

[3]). Догадываясь о содержаніи этого письма Гоголя къ его дядѣ, Марья Ивановна писала въ то же самое время тому же Петру Петровичу Косяровскому о великодушныхъ намѣреніяхъ сына слѣдующее:

„Я не читала Николино письмо къ вамъ; онъ принесъ его ко мнѣ уже запечатаннымъ, и даже некогда было мнѣ спросить, что онъ писалъ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ добръ и при томъ здоровъ и счастливъ. Онъ очень благоразумно ведетъ себя въ его лѣта... Не знаю, что Богу будетъ угодно устроить дальше; повинуюсь во всемъ Его святой волѣ. Я догадываюсь, не писалъ ли мой Никоша къ вамъ на счетъ имѣнія. Онъ говоритъ,—не помнитъ, что писалъ. Назадъ тому мѣсяца два онъ меня удивилъ, убѣждая позволить записать мнѣ свою часть имѣнія, увѣряя притомъ, что это будетъ полезно и даже необходимо для спокойной моей жизни, на случай, если я не буду имѣть добрыхъ зятей, а онъ, можетъ быть, будетъ слишкомъ далеко отъ меня, и симъ поступкомъ тронулъ меня до слезъ... Какъ пріятны были тогда слезы! Дай Богъ, чтобы всѣ добрые въ такихъ только обстоятельствахъ проливали ихъ“.

Вотъ еще интересные отрывки изъ писемъ Марьи Ивановны Косяровскому о сынѣ:

„Никоша мой имѣетъ чинокъ въ рангѣ университетскихъ студентовъ 14 класса. Съ нимъ несправедливо поступили, такъ же, какъ и съ другими, въ его отдѣленіи бывшими, по причинѣ партій ихъ наставниковъ. Ему слѣдовало получить 12 классъ, но онъ нимало не въ претензіи, тѣмъ болѣе, что обѣ партіи сказали, что онъ достоинъ былъ получить даже 10 классъ, когда бы былъ плохъ онъ въ томъ училищѣ, а 12 по всѣмъ правамъ должно было ему дать (?!). Главное, что надобно было болѣе ласкаться къ нимъ, а онъ никакъ не могъ сего сдѣлать“...

Передъ самымъ отъѣздомъ Гоголь писалъ П. П. Косяровскому:

„Отъѣзжая уже въ свою дорогу, почитаю обязанностью и долгомъ проститься съ вами, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, и благодарить васъ за вашу пріязнь, за ваше дружеское расположеніе, за вашу помощь всѣмъ намъ, которую всегда готово было оказывать ваше рѣдкое сердце, наконецъ, пожелать

яснить мысль Гоголя о возможности обезпечить свое существованіе „алфресскою живописью“ или „повареннымъ искусствомъ“.[1]).

Замѣчаніе глубоко справедливое: Гоголь является передъ нами въ разсматриваемую пору еще личностью неустановившеюся, то почти ребенкомъ, то уже съ нѣкоторой житейской опытностью, отчасти почтительнымъ и преданнымъ сыномъ, отчасти нѣсколько эгоистомъ... [2]).

XVII. ПРІѢЗДЪ ГОГОЛЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И ПЕРВЫЯ ЕГО ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ.

По окончаніи курса въ Нѣжинѣ, два друга рѣшили вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ: Данилевскій для поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Гоголь — на государственную службу. Данилевскій, какъ всегда, явился руководителемъ Гоголя въ отношеніи путевыхъ издержекъ, трудностей и хлопотъ. Было условлено, что онъ заѣдетъ за Гоголемъ изъ Тòлстаго въ Васильевку, откуда они должны были вмѣстѣ двинуться въ дальній путь. Дѣло было въ декабрѣ 1828 г. Для дороги былъ приготовленъ помѣстительный экипажъ, и послѣ продолжительныхъ проводовъ и напутствій Маріи Ивановны Гоголь кибитка двинулась.

Дорога лежала на Москву, но Гоголь ни за что не хотѣлъ проѣзжать черезъ нее, чтобы не испортить впечатлѣнія первой торжественной минуты въѣзда въ Петербургъ. Поэтому они поѣхали по бѣлорусской дорогѣ, на Нѣжинъ, Черниговъ, Могилевъ,

---

вамъ возможнаго счастья и достойнѣйшей награды за добродѣтель. Неугасимо во мнѣ пылаетъ благодарность, и дай Богъ, чтобы она выразилась со временемъ не въ пустыхъ словахъ, а до того, будьте увѣрены, почтеннѣйшій и любезнѣйшій дяденька, что никогда не изглажу изъ сердца того должнаго почтенія и преданности, съ которыми имѣю честь быть вѣчно признательнымъ.

Николай Гоголь-Яновскій.

Изъ Петербурга буду писать къ вамъ; теперь я приготовляюсь и укладываюсь“.

Гоголю долго не удавалось выѣхать изъ дому; еще за три мѣсяца мать писала о немъ:

„Никоша мой хочетъ непремѣнно черезъ 4 дня выѣхать, хотя и не все ему готово, но никакъ ужъ не могу удержать: надобно опредѣлиться ему до новаго года“.

[1]). „Московскій Сборникъ“, 1887, стр. 223.

[2]). Въ письмѣ къ Косяровскому Гоголь упоминаетъ также и о знаніи имъ ремеслъ. Слова его подтверждаются разсказомъ Анненкова о его страсти къ рукодѣліямъ и воспоминаніями его сестры Быковой о томъ, какъ онъ раскрашивалъ бордюрами и арабесками комнаты въ деревнѣ. (См. „Русь“, 1885, 26 и „Воспом.“ и крит. оч. Анненкова, т. I, стр. 213). С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ не разъ говоритъ также о кулинарномъ искусствѣ Гоголя. („Русск. Арх.“, 1890, VIII.)

Витебскъ и т. д. [1]). Въ Нѣжинѣ прожили нѣсколько дней, повидались съ нѣкоторыми товарищами и, между прочимъ, съ неуспѣвшимъ выѣхать въ Петербургъ же Прокоповичемъ [2]). Во время пути не произошло ничего особенно замѣчательнаго, но по мѣрѣ приближенія къ Петербургу нетерпѣніе и любопытство юныхъ путниковъ возрастало съ каждымъ часомъ. Наконецъ издали показались безчисленные огни, возвѣщавшіе о приближеніи къ столицѣ. Дѣло было вечеромъ. Обоими молодыми людьми овладѣлъ невыразимый восторгъ: они позабыли о морозѣ и, какъ дѣти, то-и-дѣло высовывались изъ экипажа и приподнимались на цыпочки, чтобы получше разсмотрѣть невиданную ими столицу. Наконецъ, ихъ жаднымъ взорамъ открылось вожделѣнное зрѣлище, хотя, въ сущности, они приближались только къ окраинамъ города [3]). Гоголь совершенно не могъ придти въ себя; онъ страшно волновался и за свое пылкое увлеченіе поплатился самымъ прозаическимъ образомъ, схвативъ насморкъ и легкую простуду, но особенно обидная непріятность была для него въ томъ, что онъ, отморозивъ носъ, вынужденъ былъ первые дни просидѣть дома. Онъ чуть не слегъ въ постель, и Данилевскій перепугался было за него, опасаясь, чтобы онъ не разболѣлся серьезно. Отъ всего этого восторгъ быстро смѣнился совершенно противоположнымъ настроеніемъ, особенно когда ихъ стали безпокоить страшныя петербургскія цѣны и разныя мелочныя дрязги: съ облаковъ пришлось спуститься на землю.

На послѣдней станціи передъ Петербургомъ наши путники прочли объявленіе, гдѣ можно остановиться, и выбрали домъ Трута у Кокушкина моста, гдѣ и пришлось Гоголю проскучать нѣсколько дней въ одиночествѣ, пока Данилевскій, не будучи въ состояніи устоять противъ соблазна и оставивъ его одного, пустился странствовать по стогнамъ Сѣверной Пальмиры. Неудивительно, что первыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ знакомства съ Петербургомъ, были несравненно отраднѣе, нежели у Гоголя [4]).

---

[1]) Такимъ образомъ предположительныя соображенія г. Кояловича о проѣздѣ Гоголя черезъ Москву совершенно опровергаются (См. „Московск. Сборникъ“, 1887, стр. 261—262).

[2]) Прокоповичъ оканчивалъ тогда курсъ и пріѣхалъ въ Петербургъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе Гоголя.

[3]) Впечатлѣнія при въѣздѣ въ столицу не отразились ли въ „Ночи передъ Рождествомъ“ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изображаются первыя впечатлѣнія въ Петербургѣ пріѣзжаго путника—на этотъ разъ въ лицѣ Вакулы?

[4]) Этими данными оканчиваются записанныя и выслушанныя мною отъ Данилевскаго воспоминанія о ихъ школьной жизни и совмѣстныхъ поѣздкахъ до переѣзда въ Петербургъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь еще небольшую записку Гоголя Данилевскому по поводу одной изъ прежнихъ поѣздокъ, вѣроятно, въ Нѣжинъ:

„Не забудь меня увѣдомить въ случаѣ какого-нибудь измѣненія по части нашего выѣзда, то-есть если онъ подвинется подальше воскресенья (пославши

Вскорѣ Данилевскій выдержалъ экзаменъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Во все время пребыванія въ школѣ, пользуясь отпусками въ воскресные и праздничные дни, онъ постоянно проводилъ ихъ у Гоголя, тѣмъ болѣе, что другихъ знакомыхъ у него не было. Въ Петербургѣ наши пріѣзжіе застали, впрочемъ, многихъ однокашниковъ-нѣжинцевъ. Всѣ они въ опредѣленные дни сходились другъ у друга и составляли тѣсно сплотившуюся товарищескую компанію. Случалось, конечно, и Гоголю принимать у себя товарищей, и это обстоятельство подало поводъ одному благопріятелю наговорить Марьѣ Ивановнѣ, что у Гоголя будто бы „пировало“ множество гостей на его счетъ, и что онъ одинъ занималъ квартиру, состоявшую изъ трехъ комнатъ, чего никогда въ дѣйствительности не было.

Въ кружкѣ нѣжинцевъ Гоголю особенно были близки два брата Прокоповича (пріятель его Николай, прозванный за румяный цвѣтъ лица Красненькимъ, и Василій, обыкновенно называемый Гоголемъ—Васька), Иванъ Григорьевичъ Пащенко и художникъ Мокрицкій. Вечера проходили оживленно и шумно, и кружокъ постепенно расширялся отъ присоединенія къ нему новыхъ лицъ. Такъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1834 году, въ немъ часто бывалъ извѣстный впослѣдствіи писатель П. В. Анненковъ, получившій въ кружкѣ прозваніе Жюль-Жаненъ.

XVIII. ИДИЛЛІЯ „ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ“.

Итакъ въ послѣднихъ числахъ 1828 года Гоголь былъ уже въ Петербургѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ его жизни, имѣющій особый интересъ при изученіи его личнаго развитія. Это былъ въ началѣ періодъ броженія, неопредѣленныхъ порывовъ, постоянныхъ надеждъ и частыхъ разочарованій, стремленія къ широкой и полезной дѣятельности, отыскиванія себѣ высокой цѣли жизни и достойнаго призванія, на которомъ могли бы найти примѣненіе его замѣчательныя дарованія, и въ то же время это были годы тяжелыхъ испытаній, годы пріобрѣтенія въ настоящемъ смыслѣ жизненнаго опыта, наконецъ, временемъ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ. Не можетъ подлежать

верхового изъ Сорóчинецъ въ пятницу или субботу). Если же все по-старому, то мы всѣ будемъ въ Сорóчинцахъ въ воскресенье на обѣдъ, никакъ не позже двухъ часовъ, а если можно, то и раньше, чтобы пораньше выѣхать послѣ обѣда въ то же воскресенье“.

Подпись: „твой Н. Г.“ (буквы эти слиты на подобіе вензеля). Даты на письмѣ никакой нѣтъ.

сомнѣнію, что жизнь въ Петербургѣ произвела значительную перемѣну въ характерѣ Гоголя и что ему онъ въ большой степени былъ обязанъ своей будущностью, такъ какъ въ немъ и благодаря ему силы юноши развились и не заглохли безъ примѣненія, какъ легко могло бы случиться въ провинціальной глуши.

Перемѣна условій жизни и окружающей обстановки большею частью кладетъ замѣтный отпечатокъ на судьбу человѣка, рѣзко измѣняя внѣшнюю сферу его дѣятельности и до нѣкоторой степени реагируя даже на самую его нравственную личность, неизбѣжно поставленную въ необходимость найти себѣ иное опредѣленіе и провѣрить свои взгляды и наклонности среди новыхъ, созданныхъ измѣнившимся положеніемъ, обстоятельствъ. При этомъ, чѣмъ рѣзче бываетъ перемѣна, тѣмъ, естественно, ярче выступаютъ грани, раздѣляющія жизнь на отдѣльные періоды, которые кажутся на первый взглядъ иногда совершенно несходными. Въ дѣйствительности, однако, едва ли можно признать въ большинствѣ случаевъ существованіе такихъ рѣшительныхъ переворотовъ, и потому внимательное изученіе біографическаго матеріала обыкновенно приводитъ къ убѣжденію въ невѣрности заранѣе составившихся рельефныхъ, но неточныхъ обобщеній, и вызываетъ необходимость болѣе естественнаго и вѣрнаго освѣщенія уже извѣстныхъ фактическихъ данныхъ. Слѣдя за послѣдовательнымъ развитіемъ геніальной личности и ея судьбою, вниманіе изслѣдователя невольно останавливается прежде всего именно на замѣчаемыхъ въ ней рѣзкихъ перемѣнахъ, но затѣмъ, отмѣтивъ послѣднія, оно не должно забывать и другой стороны дѣла—отысканія и уясненія сходныхъ сторонъ, несомнѣнно существующихъ въ разное время въ жизни одного и того-же человѣка; въ противномъ случаѣ внѣшнія обстоятельства легко могутъ заслонить собою существенныя черты внутренняго развитія. Это должно быть справедливо и въ примѣненіи къ Гоголю. Поэтому слова Кулиша, что „съ переселеніемъ Гоголя съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, рѣзко отличный отъ предшествовавшаго“, дѣйствительно справедливы, насколько они касаются внѣшней стороны дѣла, и особенно въ связи съ послѣдующимъ сравненіемъ [1]), но, по нашему мнѣнію, они нѣсколько грѣшатъ односторонностью, такъ какъ именно представляютъ не совсѣмъ точное обобщеніе, сдѣланное на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ. Велика была, безъ сомнѣнія, разница между жизнью Гоголя въ школѣ, когда онъ былъ юношей не очень прилежнымъ, но страстно отдававшимся возможнымъ и доступнымъ

[1]) „Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ“. („Зап. о жизни Гоголя“, 1, стр. 59).

для него художественнымъ наслажденіямъ, юношей, еще только мечтавшимъ о предстоящей самостоятельной жизни, и съ другой стороны, хотя бы первыми невѣрными шагами его на поприщѣ послѣдней въ Петербургѣ, когда для него настало время уже *дѣятельной провѣрки* заранѣе составленныхъ идеаловъ и приспособленія къ условіямъ окружающей обстановки (не говоря уже о дальнѣйшей жизни въ столицѣ); но, повторяемъ, *главный* интересъ изслѣдованія долженъ заключаться скорѣе въ отысканіи нити, связывающей оба отмѣченныхъ періода, нежели въ констатированіи и безъ того рѣзко бросающагося въ глаза различія. Если не пришло еще, быть можетъ, время „слить разныя мелочи въ одну стройную картину“ [1]), то не худо во всякомъ случаѣ поискать между ними связи и по возможности разобраться въ нихъ. Припомнимъ, что, совершенно параллельно съ рѣзкой перемѣной въ жизни Гоголя со времени переѣзда его въ Петербургъ, можно было-бы, пожалуй, съ такимъ же правомъ отмѣтить и перемѣну въ характерѣ его творчества;—достаточно назвать „Ганца Кюхельгартена“ и „Вечера на Хуторѣ“;—пришлось-бы предположить, что въ Петербургѣ Гоголь сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, что между его школьными годами и первыми шагами на жизненномъ поприщѣ лежитъ цѣлая бездна. Но такъ какъ подобнаго перерожденія, конечно, допустить невозможно, то наша задача найти между этими двумя, повидимому, столь, „рѣзко отличными періодами“, извѣстныя точки соприкосновенія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что духовный складъ личности Гоголя оставался во все разсматриваемое время въ сущности одинъ и тотъ же, такъ какъ онъ долженъ былъ въ значительной степени опредѣлиться въ годы ранней юности писателя,—и это имѣетъ въ настоящемъ случаѣ существенное значеніе въ виду чрезвычайно послѣдовательнаго и вѣрнаго себѣ характера его развитія,—мы дѣйствительно можемъ въ оба указанные періода, особенно сближая ихъ болѣе смежные пункты, отмѣтить разительное сходство во взглядахъ Гоголя на вопросы, наиболѣе интересовавшіе его и казавшіеся ему особенно важными. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній, результатомъ пережитого воспріимчиваго возраста, оказывающаго всегда такое рѣшительное вліяніе на образованіе личности человѣка, и съ тонко развитою наблюдательностью, для которой, по собственному признанію автора, съ приближеніемъ зрѣлыхъ лѣтъ наступаетъ менѣе благопріятная пора, и наконецъ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и сложившимися взглядами на назначеніе своей жизни и будущей дѣятельности,—міросозерцаніемъ, составлявшимъ, каково-бы ни было его дѣйствительное достоинство, внутреннее

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. 1. стр. 57.

содержаніе юноши,—могъ-ли Гоголь тотчасъ совершенно измѣниться и порвать съ своимъ прошлымъ? Если бы это было такъ, то неизбѣжно послѣдовало бы заключеніе, что стремленія его были не только не глубоки, смутны и туманны [1]), чего дѣйствительно нельзя отрицать, но и не искренни, что они наконецъ были всецѣло навѣяны со стороны и не могли назваться въ настоящемъ смыслѣ его достояніемъ. Но кромѣ многихъ мѣстъ въ его перепискѣ, относящихся къ первымъ годамъ его петербургской жизни и представляющихъ несомнѣнное сходство съ прежними, нѣжинскими, взглядами, мы имѣемъ еще не мало вѣскихъ соображеній въ пользу противоположнаго мнѣнія. Точно то же не безъ основанія можно было утверждать, относительно его поэтической дѣятельности, съ тою только разницей, что дѣйствіе измѣнившихся обстоятельствъ въ этой сферѣ сказалось рѣзче и рѣшительнѣе, преимущественно въ смыслѣ ихъ вліянія на способъ, характеръ и самый выборъ предметовъ для творчества; но и здѣсь преемственная связь можетъ быть усмотрѣна и констатирована въ довольно обширномъ запасѣ готовыхъ художественныхъ образовъ, рано сложившихся въ фантазіи Гоголя на почвѣ впечатлѣній чуткой отроческой души и впослѣдствіи въ значительной степени лишь мастерски выработанныхъ и обогащенныхъ новыми красотами при болѣе или менѣе разнообразномъ ихъ выраженіи въ первыхъ его произведеніяхъ.

Чрезвычайно интересно для разъясненія занимающаго насъ вопроса обратиться къ самому раннему изъ извѣстныхъ произведеній юношеской фантазіи нашего писателя. Мы говоримъ о рѣдко вспоминаемомъ и едва-ли не мало извѣстномъ у насъ „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“. Далеко не отличаясь яркими художественными достоинствами, которыя мы привыкли находить даже въ самыхъ незрѣлыхъ и несовершенныхъ произведеніяхъ Гоголя, сурово принятая современной критикой и почти вслѣдъ затѣмъ уничтоженная рукою самого автора, наконецъ исключенная изъ цѣлаго ряда изданій полныхъ собраній его сочиненій [2]),—эта приторно-сентиментальная идиллія никогда особенно и не обращала на себя вниманія, хотя Кулишъ справедливо указалъ на присутствіе въ ней рядомъ съ многими очень и очень слабыми такихъ картинъ, которыя уже обнаруживаютъ проблески будущаго таланта Гоголя. Кулишъ указываетъ преимущественно на небольшіе отрывки описательнаго характера, напр. на изображеніе дома мызника Вильгельма Бауха, картину моря и на нѣсколько другихъ картинъ, въ которыхъ мысль автора съ любовью переносится въ

[1]) Это тогдашнее юношеское міросозерцаніе Гоголя, какъ видитъ читатель, *мы отнюдь не склонны считать особенно серьезнымъ и глубокимъ*, какъ, по странному недоразумѣнію, показалось одному критику.

[2]) Кромѣ Тихонравовскаго, во всѣхъ отношеніяхъ капитальнаго.

страны классическаго міра; можно было бы прибавить еще описаніе утра и домика пастора въ самомъ началѣ первой картины, описаніе жаркаго дня и вообще весь конецъ той же картины, и большую часть шестой картины [1]).

Идиллія все-таки на нашъ взглядъ заслуживаетъ изученія со стороны біографическаго матеріала, который, хотя и въ очень незначительныхъ дозахъ, могъ-бы быть извлеченъ также и изъ нея. Для насъ важно въ данномъ случаѣ то, что здѣсь мы находимъ однако явные слѣды тѣхъ юношескихъ мечтаній Гоголя, о которыхъ мы говорили раньше, а съ другой—подтвержденіе собственныхъ позднѣйшихъ признаній его о годахъ юности. Сверхъ того, если не ошибаемся, внимательный разборъ идилліи могъ-бы показать съ наглядной очевидностью, что въ ней нашелъ себѣ выраженіе упомянутый запасъ сложившихся готовыхъ художественныхъ образовъ, отчасти отразившійся, но уже въ истинно-художественной формѣ, потомъ въ другихъ, сравнительно болѣе зрѣлыхъ, преимущественно ближайшихъ по времени, произведеніяхъ, особенно въ „Вечерахъ на Хуторѣ“. Попытаемся привести нѣкоторыя соображенія въ пользу обоихъ нашихъ предположеній, для чего прибѣгнемъ къ сличеніямъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ „Ганца“ съ другими произведеніями и съ письмами Гоголя.

Первымъ вопросомъ при изученіи „Ганца Кюхельгартена“ является точное опредѣленіе года его написанія: съ только-что указанной біографической точки зрѣнія этотъ вопросъ получаетъ весьма существенное значеніе. Самъ поэтъ, какъ извѣстно, обозначилъ на рукописи 1827 г., но затѣмъ, согласно извѣстному мнѣнію Прокоповича, приведенному въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, это показаніе, казалось бы, не можетъ считаться достовѣрнымъ и должно уступить другому предположенію—о томъ, что Гоголь писалъ идиллію въ началѣ своей жизни въ Петербургѣ, „когда онъ проживалъ въ немъ безъ дѣла“. Едва ли, однако, это справедливо; намъ кажется, что на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній можно скорѣе признать справедливою помѣтку самого писателя, которому, при томъ, конечно, не было причины никого мистифицировать, какъ склоненъ былъ предполагать покойный его школьный товарищъ. Достойно вниманія, что въ идилліи мы замѣчаемъ явные слѣды тѣхъ мыслей, которыя занимали Гоголя подъ конецъ его нѣжинской жизни и притомъ преимущественно въ 1827 г. [2]) Въ „Ганцѣ“ мы находимъ то же не-

---

[1]) См. объ этой идилліи нѣсколько замѣчаній А. Н. Пыпина („Вѣстн. Евр.“, 1895, XII, 700).

[2]) Идиллію „Ганцъ Кюхельгартенъ“ мы относили къ 1827 г. еще въ первомъ изданіи (см. книгу „Ученическіе годы Гоголя“, изд. 1, стр. 78). Къ тому же убѣжденію пришелъ и Н. С. Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ лучшему, 10-му, изданію сочиненій Гоголя (т. V, стр. 543 и 545) и г. Кояловичъ въ статьѣ: „Дѣт-

опредѣленное, не совсѣмъ выяснившееся стремленіе героя въ далекія и чуждыя страны, манящія его предполагаемымъ просторомъ для дѣятельнаго служенія добру, ожидаемымъ богатствомъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя можно тамъ найти; далѣе, размышленіе Ганца о будущей своей судьбѣ и желаніе разгадать „незнаемый удѣлъ“, наконецъ несомнѣнно такое же точно, какъ у самого Гоголя, опасеніе за возможность осуществленія своихъ высокихъ стремленій и боязнь ничтожества общаго жребія съ большинствомъ такъ называемыхъ дюжинныхъ людей и проч. Особенно поразительно совпаденіе въ VIII картинѣ идилліи (въ пѣснѣ Ганца) и нѣкоторыхъ письмахъ 1827 году, — совпаденіе, доходящее до мелочей, до буквальнаго почти сходства, простирающагося на отдѣльныя выраженія: это послѣднее обстоятельство едва ли кто рѣшится назвать случайностью. Сдѣлаемъ сличеніе:

„Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславью въ жертву,
При жизни быть для міра мертву!“
(„Ганцъ Кюхельгартенъ“, VIII картина, пѣснь Ганца. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

„Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольства высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться“ (Соч. и письма Гог., т. V, стр. 56). „Исполнятся ли мои высокія предначертанія? *или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей?*“ (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому, „Русская Старина“, 1876 г., 1 кн.. стр. 42).

„Не знаю сбудутся ли мои предположенія, или неумолимое веретено судьбы *зашвырнетъ меня съ толпой самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ*“ (Соч. и письма Гог., т. V, стр. 58, письмо Высоцкому).

„Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью не остывшей,
Волненія міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?“
(Соч. Гог., изд. X, т V, стр. 22).

„Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожная мысль, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести хоть малѣйшую пользу, бро-

---

ство и юность Гоголя“, въ „Московскомъ Сборникѣ“, 1887, стр. 246.—Но покойный другъ Гоголя, А. С. Данилевскій, выражалъ мнѣ нѣкоторое сомнѣніе, чтобы идиллія эта могла быть написана въ Нѣжинѣ: тогда бы о ней было извѣстно товарищамъ, — соображеніе, которымъ, вѣроятно, руководился и Прокоповичъ. Въ такомъ случаѣ можно бы еще допустить, что она была написана во время полугодовой жизни Гоголя въ деревнѣ въ 1828 г., но *во всякомъ случаѣ* до переѣзда его въ Петербургъ.

сала меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ, при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, *не означивъ своего имени* ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—*быть въ мірѣ и не означить своего существованія* была для меня мысль ужасная". (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому отъ 3 октября 1827 года, „Русская Старина", 1876 г., I т., стр. 41).

Остальныя строфы той же пѣсни Ганца въ равной мѣрѣ могли бы быть примѣнены къ характеристикѣ душевнаго состоянія и взглядовъ Гоголя именно за 1827 г.; укажемъ лишь слѣдующіе стихи:

„Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошные края?"
Также: „И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтитъ юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый"...
Или: „Я вашъ! я вашъ! изъ сей пустыни
Вниду я въ райскія мѣста"... (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

(рѣчь идетъ о поѣздкѣ въ чужіе края; замѣтимъ, что Гоголь называлъ райскимъ мѣстомъ въ письмѣ къ Высоцкому Петербургъ, пользуясь совершенно тождественнымъ выраженіемъ съ приведеннымъ).

Въ общемъ настроеніи выписанной строфы и выраженныхъ въ ней мысляхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію сходство съ нѣкоторыми мѣстами писемъ къ Высоцкому. Такимъ образомъ можно считать доказаннымъ, что именно тѣ же самыя мысли и стремленія волновали Гоголя въ 1827 году, которыя выражены въ приведенной пѣснѣ Ганца, при чемъ не случайно и то, что указанное совпаденіе обнаруживается какъ разъ въ самыхъ задушевныхъ мечтахъ автора и героя его перваго произведенія. Позднѣе, въ Петербургѣ, взгляды Гоголя во многомъ значительно измѣнились или, по меньшей мѣрѣ, приняли иное направленіе, и уже по отношенію къ петербургскому времени, конечно, никакъ не возможно было бы допустить такого поразительнаго сходства, доходящаго почти до полнаго совпаденія въ приведенныхъ цитатахъ. Было бы весьма интересно сравнить для бо̀льшаго подтвержденія сказа̀ннаго разбираемую идиллію съ „Луизой" Фосса, въ переводѣ Теряева, такъ какъ эта пьеса служила въ настоящемъ случаѣ образцомъ для Гоголя, но намъ, къ сожалѣнію, не удалось достать этой книги, сдѣлавшейся въ настоящее время библіографической рѣдкостью...

Считая первое наше предположеніе достаточно обоснованымъ, переходимъ ко второму. Здѣсь также удобнѣе всего можно подтвердить вышесказанное наглядными сопоставленіями поражающихъ своимъ сходствомъ отрывковъ, хотя на этотъ разъ ихъ можно привести лишь немного. Вотъ примѣры:

„Свѣтаетъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ и домъ, и садикъ въ ней такіе-жъ;
Все движется въ серебряной водѣ,
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой — вотъ только не шумитъ“.

(Начальные стихи „Ганца Кюхельгартена“, соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. I, стр. 234; изд. X, т V, стр. 5).

„Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, *и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею,, кажется, заснулъ, весь потонувши въ негѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!*“ (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 9).

„Величественно сыплется громъ украинскаго соловья“. („Утопленница“). („Соч. Гог.. изд. X, т. I, стр. 58).

„Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья“. (Тамъ же, стр. 74).

„На небѣ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи... *Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости.* Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ“... (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 9).

„Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, воза съ горшками, мельницы — все *опрокинулось стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую прекрасную бездну*“. (Изд. Кулиша, т. I, стр. 14, „Сорочинская Ярмарка“; изд. X, т. I, стр. 11—12).

„Съ изумленіемъ глядѣлъ Левко въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, *опрокинувшись внизъ*, виденъ былъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи“ и проч.

(Изд. Кулиша, т. I, стр. 79, „Майская Ночь“ или „Утопленница“; изд. X, т. I, стр. 74).

„Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ“. (Соч. Гог., изд. X, т. I. стр. 58).

„*Какъ безсильный старецъ держалъ прудъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди темнаго ночного воздуха*“ и проч. („Утопленница“). (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 55).

„Блистательно всю рощу оглашаетъ Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ.“ (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 29).

„Какой же день! Веселые вились
И пѣли жавронки; ходили волны
Отъ вѣтру золотого въ полѣ хлѣба
Сгустились вотъ надъ ними деревья;
На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ“
и проч. („Ганцъ Кюхельгартенъ“).

„Скирды хлѣба то тамъ, то сямъ, словно казацкія шапки, пестрѣли по полю“. („Вечеръ наканунѣ Ив. Куп.“). „Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями“ („Утопленница“). (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 58).

Сравни сходную картину въ „Страшной Мести“ въ описаніи Днѣпра. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 169).

„Рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ“. („Сороч. Ярм.“; Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 11).

Подобныя черты сходства отмѣтимъ кстати въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другихъ раннихъ произведеній Гоголя,—сходство едва ли случайное.

„Лѣнивою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ лѣтъ уже весь родъ человѣческій“. (Соч. Гог., изд. X, I ч., стр. 10 „Сороч. Ярм.“).

„Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною“. (Соч. Гог., изд. X, т. V, „Учитель“, стр. 52).

Ниже мы не разъ будемъ имѣть случай показывать, какъ Гоголь любилъ при переработкѣ художественныхъ образовъ вначалѣ обращаться къ готовымъ уже наброскамъ. Чѣмъ внимательнѣе будутъ изучаться черновыя его рукописи, тѣмъ больше мы будемъ находить доказательствъ этому. Такъ совершенно тотъ же (съ небольшими перемѣнами) указанный нами готовый образъ, встрѣчающійся въ „Учителѣ“, въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ пера Гоголя, повторенъ имъ во второй половинѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ при описаніи усадьбы Плюшкина: „Дворъ былъ обнесенъ довольно крѣпкой оградой, которая, можетъ, когда-нибудь была выкрашена краской, но такъ какъ хозяинъ не думалъ вовсе объ ея поновленіи, то *прислужился другой неутомонный живописецъ, который расписываетъ весь родъ человѣческій, и что̀ ни есть на свѣтѣ, и въ томъ числѣ мужскія и женскія лица, ни мало ни заботясь о томъ, нужно ли это или нѣтъ, и довольны ли его кистью или недовольны. Хозяинъ этотъ былъ время*“ [1]). Въ исправленной редакціи все это мѣсто отсутствуетъ и замѣнено другимъ: сколько же, слѣдовательно, могло быть такихъ же черновыхъ набросковъ уничтожено авторомъ, тогда какъ, напротивъ, они легко могли, въ видѣ предварительныхъ эскизовъ, являться изъ-подъ пера его въ его первоначальныхъ работахъ.

Далѣе. Уже въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя мы встрѣчаемъ нерѣдко любимые и опредѣленно сложившіеся, выношенные художественные образы и пріемы. Припомнимъ художественныя изображенія граціозной позы то предающейся безпечной радости, то погруженной въ глубокую думу красивой молодой жен-

[1]) „Русск. Стар.“, 1885, XII, 570; Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 415—416.

щины, отчаянно-веселой пляски иногда уже стараго казака, охваченнаго беззавѣтнымъ увлеченіемъ, захватывающимъ душу и возвышающимся до степени заразительнаго обаянія, противъ котораго не могутъ устоять всѣ тѣ, которымъ приходилось быть зрителями этой картины, наконецъ смѣну обаянія чувствомъ тихой и глубокой грусти и вообще склонность къ переходамъ отъ задушевнаго веселья къ столь же задушевной скорби.—Въ изображеніи природы укажемъ еще картины очаровательно-ясныхъ ночей съ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, покрытыхъ мракомъ садовъ и лѣса и т. п.

Изъ установившихся пріемовъ слѣдуетъ отмѣтить неожиданно-юмористическія сопоставленія серьезнаго съ комическимъ, восклицательную форму рѣчи [1]).

Приведемъ еще нѣсколько другихъ примѣровъ:

„Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы“ и проч. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 33).

„На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи“. („Тарасъ Бульба)“. (Тамъ же, стр. 305).

Сходныя изображенія можно указать въ „Ночи передъ Рождествомъ“ *(Оксана)* и въ „Майской Ночи“.

„Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія онѣ покачивали охмѣлѣвшими головами. Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо“.

„Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли ръзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!“ („Сороч. Ярм.“. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр.35).

[1]) „Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!“ (Срвн. Гог., изд. X, т. I, стр. 10—11).

„Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула падающіе на очи длинные волосы свои и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись въ прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника:— зашелестятъ, зазвучатъ и *понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука проѣзжающей телѣги*". („Тарасъ Бульба", конецъ VI главы; изд. Х., т. I, стр. 303 и 304).

„Вездѣ, гдѣ-бы то ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховатобѣдныхъ и неопрятно-пѣсснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плететея жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, вдругъ, неожиданно, пронесется среди бѣдной деревушки, не видѣвшей ничего кромѣ сельской телѣги: *и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами*". (Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 88–89).

Для сравненія съ приведенными выдержками напомнимъ еще также размышленія Чичикова послѣ встрѣчи съ губернаторской дочкой, описаніе чувствъ юноши, пораженнаго подобною же предполагаемою встрѣчей. („Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи вдаль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры, и себя, и службу, и міръ, и все, что̀ ни есть въ мірѣ!"). Наконецъ послѣднія заключительныя слова „Сорочинской Ярмарки" можно сопоставить съ задушевнымъ, исполненнымъ глубокой грусти восклицаніемъ, оканчивающимъ собою веселую повѣсть „о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" („Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!"). Не заключается ли уже въ этомъ трагическомъ ceterum censeo проявленіе въ зародышѣ той особенности таланта Гоголя, которую онъ называлъ „смѣхомъ сквозь слезы", а отчасти и предрасположеніе къ аскетическому, отрицательному взгляду на радости жизни?

Напомнимъ наконецъ, что сходство въ поэтическихъ пріемахъ иногда, въ немногихъ единичныхъ случаяхъ, объясняется подражаніями одному и тому же источнику. Такъ, въ началѣ своей литературной карьеры Гоголю не разъ случалось пользоваться одинаковыми сюжетами, несомнѣнно заимствованными и потомъ переработанными изъ комедій его отца, произведеній Нарѣжнаго, наконецъ особенно изъ малороссійскихъ пѣсенъ и народныхъ преданій. Таковы пріемъ Хиврей поповича Аѳанасія Ивановича въ VI главѣ „Сорочинской Ярмарки" и пріемъ Солохой дьячка Осипа Никифоровича въ „Ночи передъ Рождествомъ" (передѣлка сценъ изъ пьесы отца Гоголя: „Романъ и Параска"); изображе-

ніе ограниченныхъ интересовъ мелкой помѣщичьей среды въ „Учителѣ“ и впослѣдствіи въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Но все это разсмотримъ полнѣе въ слѣдующихъ главахъ; теперь же въ примѣръ вліянія на Гоголя народныхъ пѣсенъ приведемъ два сходные отрывка изъ „Вечера наканунѣ Ивана Купалы“: „И родной отецъ — врагъ мнѣ: неволитъ идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня! Темная, темная моя будетъ хата: изъ кленоваго дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!“ (слова Пидорки). „Будетъ и у меня свадьба! только дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ: воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надъ моею могилою; гладкое поле будетъ моя хата“... (слова Петруся).—Не станемъ уже послѣ цѣлаго ряда сдѣланныхъ указаній приводить, можетъ быть, рискованныхъ сближеній между „Ночными Видѣніями“ Ганца Кюхельгартена и сходными описаніями, хотя и безконечно болѣе художественными и опредѣленными, въ „Майской Ночи“, и многихъ другихъ.

Другія заимствованія изъ народной поэзіи можно видѣть въ изображеніи прощанія казачки съ сыномъ, отправляющимся на битву (въ „Страшной Мести“, въ описаніи Днѣпра и въ концѣ первой главы „Тараса Бульбы“). Заимствованіе въ картинѣ ночи на Днѣпрѣ образовъ изъ „Голубиной Книги“ слишкомъ извѣстно.

Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ обращенія Тараса къ казакамъ съ вопросами: „А что, паны, есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли казацкая сила? Не погнулись ли казаки?“ и отрицательные отвѣты на нихъ представляютъ подражаніе извѣстнымъ стихамъ въ былинѣ о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси:

„Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!“

Слѣды вліянія произведеній народной поэзіи въ сильно измѣненномъ видѣ, въ отдаленной переработкѣ нѣсколько разъ отраженнаго въ фантазіи художественнаго образа, можно замѣтить у Гоголя и иногда даже въ его письмахъ послѣдняго десятилѣтія. Приведемъ примѣры: „Содрагаясь отъ ужаса за людей, и подвигнувшись небеснымъ ангельскимъ состраданіемъ, любовь Божія къ человѣку уже не поражаетъ его, а молитъ, какъ братъ умоляетъ брата или *какъ несчастная и безотрадная мать умоляетъ сына, идущаго на вѣрную гибель, умоляетъ его такими воплями и стонами, отъ которыхъ безчувственный камень содрог-*

нется“ [1]). Тѣмъ болѣе такихъ слѣдовъ можно, конечно, видѣть въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гоголя, начиная съ исправленной редакціи „Тараса Бульбы“. „Много уже значитъ сказать утѣшительное слово, и если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стоитъ только разинуть ротъ, а потомъ уже помогаетъ Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное“ [2]). Также ср. о душеспасительномъ и успокоительномъ словѣ въ письмѣ къ Языкову [3]) и въ извѣстномъ мѣстѣ главы о Плюшкинѣ, о внезапномъ могучемъ обращеніи русскаго человѣка отъ порока къ „трезвости души“ [4]) и въ рѣчи Тараса къ войску [5]).—Но все это мы здѣсь только слегка намѣтили съ цѣлью показать, какъ важно стараться подсмотрѣть зарожденіе въ поэтической душѣ Гоголя какъ художественныхъ образовъ, такъ и отвлеченныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь.

Въ виду выше указанныхъ соображеній мы, кажется получаемъ право смотрѣть на идиллію „Ганцъ Кюхельгартенъ“, какъ, такъ сказать, на художественное подведеніе итоговъ самимъ Гоголемъ его міросозерцанію на переходѣ отъ ранней юности къ зрѣлому возрасту. На обзорѣ этого произведенія и его автобіографическаго значенія мы и останавливаемъ разсказъ нашъ о юности Гоголя. Приведемъ лишь въ заключеніе суровый отзывъ объ этой идилліи Полевого, подѣйствовавшій на Гоголя, какъ извѣстно, такъ сильно, что онъ рѣшилъ сжечь свое первое литературное дѣтище: „Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе г-на Алова не было предназначено для печати, но что важныя для одного автора причины побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей идилліи. Достоинство слѣдующихъ стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

„Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но демона отрекся я,

---

[1]) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 160—161.

[2]) Ср. объ утѣшительномъ словѣ Кукубенка въ VII гл. „Тараса Бульбы“; соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 306—307.

[3]) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 179.

[4]) Соч. и письма Гог., т. VI, 163.

[5]) Соч. Гог. изд. X, т. I, стр. 329—330. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ вообще замѣчается въ его позднѣйшей, исправленной редакціи какъ болѣе сильный подъемъ патріотическаго чувства, такъ и больше слѣдовъ изученія народной поэзіи. Такъ напр., вышесказаннаго обращенія Бульбы къ казакамъ мы не находимъ въ первоначальной редакціи, а равно и такихъ, несомнѣнно возникшихъ подъ вліяніемъ былинъ подражаній народному эпосу, какъ напр.:

„Гдѣ прошли незамайковцы—такъ тамъ и улица! гдѣ поворотили — такъ ужъ тамъ и переулокъ“ (см. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 332—334).

И остальная жизнь моя—
Заплата малая моя
За остальную жизни повѣсть".

„Заплатою такихъ стиховъ должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ".

XIX. НАЦІОНАЛЬНЫЯ СИМПАТІИ ГОГОЛЯ; ИХЪ ЗАРОЖДЕНІЕ И УКРѢПЛЕНІЕ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ МОЛОДОСТИ.

Въ заключеніе коснемся вопроса о національныхъ симпатіяхъ Гоголя, образовавшихся подъ вліяніемъ впечатлѣній молодости.

Гоголь былъ всегда однимъ изъ самыхъ горячихъ почитателей родины. Начиная съ тѣхъ лѣтъ, какъ ребенкомъ заслушивался онъ мастерскихъ разсказовъ отца, дышавшихъ всей силой свѣтлаго малороссійскаго юмора, въ немъ зашевелилось сочувствіе къ этой „рѣзкой чертѣ, которою отличается донынѣ отъ другихъ русскихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ". Глядя на сцену деревенскаго театра Трощинскаго, онъ впервые переживалъ сильныя художественныя впечатлѣнія, и они также были неразрывно связаны съ родной Украйной, ея бытомъ и нравами. Вообще въ его домашней обстановкѣ не было недостатка въ пищѣ для развитія глубокихъ патріотическихъ симпатій: его мать прекрасно знала малороссійскія народныя преданія и повѣрія, одна изъ бабушекъ [1]) обладала тонкимъ малороссійскимъ юморомъ, одна изъ тетокъ съ увлеченіемъ пѣла по цѣлымъ днямъ малороссійскія пѣсни, такъ что Гоголь въ одномъ изъ писемъ къ Данилевскому, гостившему однажды въ его отсутствіе въ Васильевкѣ, высказываетъ увѣренность, что она уже напѣвала ему уши пѣснями *по богрендомъ-духтеромъ* (напѣвъ одной полуцыганской пѣсни). По свидѣтельству П. А. Кулиша, подтверждаемому воспоминаніями родственниковъ Гоголя, тетка эта, Катерина Ивановна Ходаревская, была его любимой пѣвицей малороссійскихъ пѣсенъ [2]). Между сосѣдями Гоголя не было также недостатка въ людяхъ, представлявшихъ собой коренные малороссійскіе типы. Такъ какъ Гоголь такимъ образомъ воспитался въ чисто національной сферѣ, то въ немъ всегда, при каждомъ поводѣ, просыпался истинный малороссіянинъ. При своей

[1]) Агаѳья Матвѣевна Лукашевичъ.
[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 174.

извѣстной скрытности онъ былъ несравненно общительнѣе съ земляками; въ Петербургѣ, напр., по воспоминаніямъ не только Анненкова, но Данилевскаго, Прокоповича, Пащенка [1]) и другихъ, Гоголь въ кружкѣ нѣжинцевъ являлся истинно-добрымъ товарищемъ, а въ первые же пріѣзды въ Москву общая любовь къ Украйнѣ, въ силу какого-то магическаго притяженія, сразу сблизила его съ Максимовичемъ и особенно съ Щепкинымъ, съ которымъ они всегда уединялись вдвоемъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ и отводили душу въ сердечной бесѣдѣ; то же чувство симпатіи въ немъ, еще застѣнчивомъ юношѣ, побѣдило неловкую робость передъ блестящей фрейлиной Россетъ, лишь только она заговорила съ нимъ объ Украйнѣ, въ которой провела самое раннее дѣтство. Со временемъ недоброжелатели Гоголя, замѣчая въ немъ эту страсть къ Малороссіи, усматривали что-то недружелюбное, какое-то „невольно вырвавшееся небратство“, напр., въ такомъ невинномъ выраженіи, какъ „два русскихъ мужика“, и провозгласили его за это „врагомъ Россіи“, утверждая съ другой стороны, что „вся хохлацкая душа Гоголя вылилась въ „Тарасѣ Бульбѣ“ [2]). Въ самомъ Римѣ, упоенный прелестью Италіи, Гоголь между прочимъ цѣнилъ ее и за находимое въ ней сходство съ Малороссіей. Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ на родину Гоголя покоробило и непріятно поразило смущеніе одной матери баловницы при малороссійскомъ произношеніи ея маленькимъ сыномъ слова вареники [3]). Подобныхъ мелкихъ и крупныхъ случаевъ можно было бы указать множество. Наконецъ, еще за годъ до кончины, когда онъ страшно состарѣлся душевно, достаточно было ему услышать звуки родныхъ мелодій, чтобы все въ немъ встрепенулось и ярко вспыхнула едва тлѣющая искра воодушевленія. Кн. Репнина разсказывала намъ, какъ Гоголь, во время своей жизни въ Одессѣ въ домѣ ея отца, пріобрѣлъ себѣ этимъ поэтическимъ энтузіазмомъ общую любовь, не исключая даже прислуги и дворни, которая восхищалась, во-первыхъ, тѣмъ, что „сочинитель“ молится совсѣмъ какъ простой человѣкъ, кладетъ земные поклоны и, вставая, сильно встряхиваетъ волосами [4]), и во вторыхъ, что онъ любитъ пѣть и слушать простыя пѣсни [5]). Кромѣ того, той же кн. Репниной случилось

[1]) Въ передачѣ г. Пашкова, см. „Берегъ“, 188[illegible], № 268, дек. 18.

[2]) См. „Русск. Стар.“, 1888. X, стр. 133. Ср. враждебные отзывы о Гоголѣ, переданные ему К. С. Аксаковымъ („Русск. Арх.“, 1890, VIII, стр. 87).

[3]) „Берегъ“, 1880, № 268.

[4]) Гоголь обыкновенно становился за печкой домовой церкви Репниныхъ, но его оттуда все-таки видѣли.

[5]) Для той же цѣли Гоголь любилъ собирать дѣтей и молодыхъ людей и аккомпанировалъ имъ. Онъ вообще любилъ хорошую, вокальную и инструментальную музыку. См. также въ дневникѣ Никитенка („Русская Старина“, 1889, X) о пѣніи малороссійскихъ пѣсенъ, по просьбѣ Гоголя, на вечерѣ у Аксакова. О томъ же см. въ „Русск. Архивѣ“, 1890, VIII, 195.

и раньше убѣдиться въ страстномъ чувствѣ любви Гоголя къ Украйнѣ, ярко выразившемся однажды, когда, гуляя съ нею, по возвращеніи изъ Іерусалима, въ саду родового помѣстья Репниныхъ, въ Яготинѣ (въ Малороссіи), онъ вдругъ началъ восторгаться высокими, рослыми деревьями (кленами) и вообще растительностью Украйны. Сначала этотъ внезапный приливъ восхищенія показался княжнѣ напускной аффектаціей, но когда она переѣхала потомъ съ отцомъ въ Одессу и убѣдилась въ преимуществѣ малороссійской растительности, она припомнила этотъ случай и поняла Гоголя...

Въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ Кулиша читаемъ также разсказъ о немъ Н. Д. Бѣлозерскаго, рисующій Гоголя въ разсматриваемую пору довольно живо между прочимъ и со стороны его національныхъ симпатій. „Одинъ изъ моихъ пріятелей Н. Д. Бѣлозерскій“,— сообщалъ Кулишъ, — „посѣщая въ Нѣжинѣ бывшаго инспектора гимназіи князя Безбородко, Бѣлоусова, видалъ у него студента Гоголя, который былъ хорошо принятъ въ домѣ своего начальника и часто приходилъ къ его двоюродному брату, тоже студенту, Божко, для ученическихъ занятій. Онъ описываетъ будущаго поэта въ то время немного сутуловатымъ и съ походкою, которую всего лучше выражаетъ слово *пѣтушкомъ*. Впослѣдствіи они встрѣтились уже какъ старые знакомые въ Петербургѣ, въ эпоху „Вечеровъ на Хуторѣ“ и „Миргорода“. Бѣлозерскій нашелъ Гоголя уже пріятелемъ Пушкина и Жуковскаго, у которыхъ онъ проживалъ иногда въ Царскомъ Селѣ. Это была самая цвѣтущая пора въ жизни поэта. Онъ писалъ тогда сцены изъ воспоминаній родины, трудился надъ „Исторіею Малороссіи“ и любилъ проводить время въ кругу земляковъ. Тутъ-то чаще всего видѣли его такимъ оживленнымъ, какъ разсказываетъ Гаевскій въ своихъ „Замѣткахъ для біографіи Гоголя“ [1]).

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 100 — 101. Упоминаемыя здѣсь слова Гаевскаго приводимъ ниже: описывая на основаніи разсказовъ многихъ лицъ, хорошо знавшихъ Гоголя, о необыкновенной скрытности его характера, В. П. Гаевскій говоритъ: „О характерѣ Гоголя намъ удалось собрать только весьма немного общихъ чертъ. По словамъ одного изъ товарищей Гоголя, В. М. П– ки, жившаго съ нимъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, *не было человѣка скрытнѣе Гоголя*: по словамъ его, онъ умѣлъ сообразить средства съ цѣлью, удачно выбрать средство и самымъ скрытнымъ образомъ достигать цѣли. Нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ въ Римѣ, коротко знавшіе Гоголя, *твердили* то же самое, прибавивъ только, что онъ былъ молчаливъ въ высшей степени. Бывало, отправится съ кѣмъ-нибудь бродить по сожженнымъ лучами солнца полямъ обширной римской Кампаніи, пригласитъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣнія птицъ, и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порыву неудержимой веселости и являлся такимъ, какимъ представляютъ его себѣ, судя по произведеніямъ, всѣ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острота слѣдовала за остротой, и веселый смѣхъ его слушателей не умолкалъ ни на минуту“ („Современникъ“, т. XXXV, 1852, октябрь, отдѣ, стр. 143—144).

При всей любви къ Украйнѣ Гоголь, однако, не рѣшался покинуть Петербургъ, и хотя высказываетъ однажды намѣреніе переѣхать въ провинцію, но это намѣреніе было вынужденное и мимолетное. „Признаюсь, Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По моему, ежели ѣхать, такъ ужъ ѣхать въ одну Малороссію. Но, признаюсь, если разсудить, какъ нужно, то несмотря на мою охоту и желаніе ѣхать въ Малороссію, я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга".

Въ неустроенномъ положеніи оставался Гоголь въ Петербургѣ до начала 1831 года, когда слѣдующія слова его свидѣтельствовали ясно, что внѣшнія его условія и самое настроеніе значительно измѣнились къ лучшему. „Вѣрьте, что Богъ ничего не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія. Источникъ ихъ находится въ самомъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастіе. Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случилось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть. Зато теперь какая тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ думѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе— польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства" [1]).

Въ этихъ словахъ Гоголь подводитъ итоги впечатлѣніямъ, пережитымъ въ первые два года своей петербургской жизни, и отмѣчаетъ перемѣну, происшедшую въ его судьбѣ и положеніи.

Съ этихъ поръ онъ становится въ ряды признанныхъ литераторовъ и пріобрѣтаетъ прочное и почетное положеніе. Теперь онъ радуется совѣту докторовъ поменьше сидѣть на мѣстѣ во избѣжаніе геморроидовъ, какъ внѣшнему поводу для оставленія службы. „Я душевно былъ радъ оставить ничтожную службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной Богъ знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ".

[1]) Эти строчки письма Марья Ивановна воспроизводитъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ П. П. Ксяровскому: „я получила отъ Николеньки письмо очень пріятное, что онъ счастливо продолжаетъ службу и благодаритъ Бога за претерпѣнныя имъ нужды и разнообразія, которыхъ иному во весь вѣкъ не придется испытать. „Зато" пишетъ, „какая тишина теперь въ моемъ сердцѣ и какая твердость въ душѣ моей, и какъ пріятно мнѣ, что не я ищу, но моего ищутъ знакомства".

ПРИЛОЖЕНІЯ.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНІЙ О НАИБОЛѢЕ РАННИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГОГОЛЯ.

Въ своей обстоятельной рецензіи на мою книгу „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. I, (см. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1892 г., III), покойный академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ высказалъ, между прочимъ, нѣсколько весьма мѣткихъ и цѣнныхъ предположеній, заслуживающихъ полнаго вниманія любителей отечественной литературы. Замѣчанія эти касаются поры первоначальнаго творчества Гоголя, и хотя на основаніи ихъ за недостаткомъ данныхъ нельзя рѣшить положительно намѣченные имъ вопросы, но соображенія, ими вызываемыя, быть можетъ, могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на совершенно пока неясный для насъ школьный періодъ творчества Гоголя.

Первое изъ этихъ замѣчаній (если разсматривать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ) касается вопроса о степени и характерѣ вліянія на Гоголя въ его ранней юности со стороны извѣстнаго писателя первой половины нашего столѣтія Марлинскаго. Что подобное вліяніе существовало, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство вполнѣ компетентнаго и добросовѣстнаго лица, А. С. Данилевскаго, школьнаго товарища Гоголя, указавшаго мнѣ въ личной бесѣдѣ съ нимъ по поводу разспросовъ моихъ о характерѣ первыхъ его юношескихъ литературныхъ опытовъ Гоголя, что они носили на себѣ слѣды подражанія Бестужеву (Марлинскому). Академикъ Бестужевъ-Рюминъ полагалъ возможнымъ искать этихъ слѣдовъ въ первыхъ печатныхъ произведеніяхъ Гоголя, ссылаясь между прочимъ на то, что мною же было отмѣчено у Гоголя стараніе держаться въ нихъ приподнятаго строя рѣчи.

Дѣйствительно, встрѣтивъ въ словахъ Данилевскаго подтвержденіе замѣченныхъ нами особенностей стиля Гоголя въ первыхъ пробахъ его пера, мы надѣялись въ этомъ указаніи найти ключъ къ приблизительному рѣшенію занимающаго насъ вопроса, но недостатокъ опредѣленныхъ данныхъ лишаетъ насъ возможности придти въ настоящемъ случаѣ къ болѣе или менѣе положительному заключенію. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ лицеистовъ, товарищей Гоголя, не позаботился сохранить экземпляры рукописныхъ журналовъ, къ которымъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, всѣ они, повидимому, снова стали относиться съ большимъ интересомъ, нежели вскорѣ по окончаніи курса, когда они эти тетради забросили. Въ школьное время они несомнѣнно дорожили своимъ дѣтищемъ, что доказываютъ заботливо разрисованныя виньетки, строжайшій секретъ, которымъ была окружена до выхода каждая новая книжка, споры и ссоры изъ-за книжекъ журнала, но особенно то обстоятельство, что дѣти-школьники въ продолженіе многихъ лѣтъ относились къ своей затѣѣ съ неослабнымъ интересомъ и съ полной серьезностью. Если не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать значеніе этихъ дѣтскихъ упражненій, то не надо забывать и того, что, благодаря интернату и обусловливаемой имъ общности всѣхъ интересовъ до послѣднихъ подробностей, какъ бы то ни было, такой журналъ привлекалъ на свои страницы

лучшую умственную производительность тѣснаго товарищескаго кружка. Театральныя развлеченія нѣжинскихъ школьниковъ, какъ мы знаемъ, могли удовлетворять довольно строгимъ требованіямъ и удостоивались посѣщенія людей, не лишенныхъ вкуса и художественнаго образованія; нельзя сомнѣваться и въ томъ, что школьный журналъ не былъ одной пустой забавой, но задавался и притязаніями дѣльнаго литературнаго обозрѣнія. Конечно, естественное преобладаніе въ школьномъ журналѣ матеріала, годнаго лишь для своего домашняго употребленія, было причиной скораго забвенія его со стороны не только ближайшаго поколѣнія лицеистовъ, но и самихъ издателей, удержавшихъ современемъ о немъ лишь самое смутное представленіе, и все таки, въ виду того, что въ этомъ журналѣ помѣщались гоголевскіе опыты, потеря его чрезвычайно прискорбна. Если справедливо наше мнѣніе, что къ лицейскому времени относится тотъ историческій романъ, двѣ главы изъ котораго вошли потомъ въ „Арабески“ [1]), то эти уцѣлѣвшіе фрагменты могли бы служить яснымъ доказательствомъ того, что статьи „Звѣзды“ или „Метеора Литературы“ были далеко не вовсе безынтересны.

Покойный Данилевскій указалъ по памяти вліяніе на Гоголя въ школьное время тогдашняго кумира молодежи Бестужева; онъ не выдвигалъ и не подчеркивалъ этого вліянія, но по смыслу его словъ можно было бы видѣть слѣды такого вліянія единственно во внѣшней формѣ раннихъ гоголевскихъ опытовъ, и вообще вліяніе это представлялось ему очень ограниченнымъ и мимолетнымъ, какимъ оно, конечно, и было, почему мы и сообщили это въ подстрочномъ примѣчаніи. Мы знаемъ, что Гоголя-отрока сильно интересовали романы Вальтера-Скотта; онъ-же любилъ пьесы своего отца и Котляревскаго, горячо увлекался Пушкинымъ, не пренебрегая и старинными нашимъ театромъ прошлаго вѣка,— слѣдовательно на долю Марлинскаго могла оставаться не очень большая доза увлеченія, а въ послѣдніе годы ученія въ Нѣжинѣ, когда у Гоголя стало ясно обозначаться коренное несогласіе во вкусахъ съ Кукольникомъ, Марлинскій все больше становился близкимъ послѣднему, а не Гоголю. Но внѣшняя форма, нѣкоторые заимствованные вначалѣ неопытнымъ школьникомъ литературные пріемы, кое-какіе мелкіе эффекты разсказа, приподнятый строй рѣчи и тому подобное могли проявляться у Гоголя въ самыхъ раннихъ опытахъ еще замѣтнѣе, чѣмъ мы находимъ это въ „Плѣнникѣ“ или въ началѣ „Сорочинской Ярмарки“. Уже школьникомъ Гоголь имѣлъ притязанія живописать Малороссію и брать сюжеты изъ украинской исторіи, въ противоположность Марлинскому, воображеніе котораго уносилось въ началѣ его литературной дѣятельности преимущественно въ Новгородъ или Ревель. Въ веденіи діалога и во многихъ подробностяхъ разсказа Гоголь съ самаго начала, очевидно, былъ совершенно оригиналенъ и въ частности не зависѣлъ и отъ Марлинскаго, что и не могло быть иначе, потому что болѣе замѣтныя черты сходства гоголевскихъ литературныхъ пріемовъ даже и въ самое раннее время не ускользнули бы отъ вниманія современниковъ. Вотъ почему, принимая слова Данилевскаго, мы все-таки выразили сожалѣніе, что у насъ не сохранилось почти никакихъ, даже скудныхъ свѣдѣній о первыхъ литературныхъ опытахъ Гоголя и что намъ слишкомъ мало извѣстно о сюжетахъ, которые онъ заимствовалъ для этихъ опытовъ, и наконецъ, о томъ, кому и какъ онъ подражалъ: теперь этотъ вопросъ представляется почти безнадежнымъ, и самое большое, что можно въ данномъ случаѣ разъяснить, это было бы опредѣлить, насколько вліяніе Марлинскаго отразилось на раннихъ опытахъ Кукольника и насколько вообще это можетъ быть признано въ отношеніи нѣжинской молодежи 20-хъ годовъ, такъ какъ едва ли можно сомнѣваться, что Гоголь равно настолько подчинялся ему, насколько это подчиненіе авторитетному образцу раздѣлялось въ то время всѣми вообще его нѣжинскими товарищами. Жаль, что для углубленія въ этотъ вопросъ, помимо недостаточнаго числа отрывковъ раннихъ литературныхъ опытовъ Гоголя, у насъ прежде всего почти совсѣмъ не выяснена хронологія произведеній Марлинскаго, надъ чѣмъ стоило бы поработать нашимъ библіографамъ, какъ историкамъ литературы не мѣшало бы, по вѣрному замѣчанію Бестужева-Рюмина, выяснить степень литературнаго вліянія Марлинскаго въ тридцатыхъ годахъ. Любопытно, что Гоголь насмѣхался всего больше, когда говорилъ о Кукольникѣ, надъ вычурностью его слога, т. е. именно надъ тѣмъ,

[1]) См. „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. I, стр. 251—254.

что Кукольникъ заимствовалъ отъ Марлинскаго. „Возвышенный все тотъ же; трагедіи его все тѣ же“ [1]), писалъ Гоголь Данилевскому, быть можетъ, намекая этими словами на то литературное вліяніе, казавшееся ему ложнымъ, которому когда-то и самъ онъ былъ причастенъ, но которое давно стало для него на вѣки пережитымъ и оставленнымъ, тогда какъ Кукольникъ продолжалъ „играть сравненіями, какъ мячикомъ, и потрясать небо, землю и адъ, будто перышко“. Въ началѣ 1832 г. Гоголь уже глумился надъ такими выраженіями, какъ „губы посинѣли цвѣтомъ моря“ или „тростникъ шепчетъ, какъ шепчутъ во мракѣ цѣпи“.

Здѣсь онъ уже явно осмѣивалъ стилистическіе пріемы во вкусѣ Марлинскаго; стоитъ только сравнить такія выраженія, напр. съ слѣдующими сравненіями Марлинскаго: „Капли (вина) были такъ сладки, будто сами ангелы съ радости наплакали свои слезы въ бутылки“ или „солнце играетъ, словно Божія улыбка“, „пламенная рѣчь взоровъ изъяснила длинную повѣсть, начертанную жгучими письмами на скрижаляхъ сердца“, „въ туманныхъ глазахъ догорали послѣднія искры души“ и проч.

Въ указанныхъ мною примѣрахъ приподнятаго строя рѣчи въ первыхъ печатныхъ произведеніяхъ Гоголя, такимъ образомъ, можно было бы видѣть послѣднюю дань вліянія Марлинскаго, отъ котораго онъ скоро совершенно освободился. Вотъ два-три примѣра: „Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало по малу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлый Божій міръ. Раздѣтыя безжалостно осенью деревья сквозили, какъ рѣшето и, казалось, дрожали отъ вечерняго холода желтые листья, какъ объѣдки и битые ковши отъ недавняго пиршества, валялись неприбранные“ и проч. Въ томъ же родѣ встрѣчаются сравненія и у Марлинскаго, напр. „прощальные лучи солнца бросали уже волнистыя тѣни на круглыя стѣны замка“, „новая молнія растворила небо“; „ночь накрывала землю необъятными своими крыльями“; но, конечно, въ данномъ случаѣ возможно только общее указаніе, и никакое изслѣдованіе немыслимо.

„Широкоплечіе дубы, словно старые ратники,—читаемъ мы въ „Аммалатъ-Бекѣ“—„стоятъ на часахъ, между тѣмъ какъ тополи и чинары готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ“; у Гоголя въ „Сорочинской Ярмаркѣ“: „лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы“! Конечно, здѣсь не можетъ быть и мысли о заимствованіи, чего не допускаетъ уже сопоставленіе времени появленья повѣстей, откуда взяты эти примѣры, но извѣстное сходство въ стилѣ представляется безспорнымъ.

Никакой дальнѣйшей работы надъ сравненіемъ стиля Марлинскаго и раннихъ произведеній Гоголя допустить нельзя, во первыхъ по самому характеру вопроса о стилѣ, не поддающемуся точному изслѣдованію, а во вторыхъ, по крайне неудовлетворительному состоянію хронологіи произведеній Марлинскаго. Такъ, обращаясь къ извѣстному словарю Геннади („Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ“) мы могли бы только установить, что въ началѣ 20-хъ годовъ Бестужевъ помѣщалъ свои произведенія въ „Сынѣ Отечества“ („О балладѣ Жуковскаго „Рыбакъ“, 1821 г., LXVIII т. стр. 61—73) и въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворительности“, наконецъ въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 г. („Взглядъ на старую и новую словесность Россіи“, „Романъ и Ольга“, „Вечеръ на бивуакѣ“) въ 1824 г. („Взглядъ на русскую словесность въ 1823 г. „Замокъ Нейгаузенъ“ и „Романъ въ семи письмахъ“) въ 1825 г. („Взглядъ на русскую литературу, въ 1824 г. и 1825 г.“; „Ревельскій турниръ“ и „Измѣнникъ“). И только. Какія еще произведенія Марлинскаго относятся именно къ 1820 годамъ и какія могли быть въ рукахъ у нѣжинскихъ школьниковъ—вопросъ теперь едва ли разрѣшимый и слишкомъ мало обѣщающій даже въ случаѣ разъясненія его. Кромѣ того, у Гоголя встрѣчается реторика и въ альбомной замѣткѣ 1826 г. и въ дѣтскихъ письмахъ къ матери; она же временами проявлялась у него и въ теченіе всей жизни въ нѣкоторыхъ серьезныхъ статьяхъ и, по свидѣтельству профессора и академика Никитенко, проскальзывала даже въ его устной бесѣдѣ, лишь только онъ начиналъ говорить о „матеріяхъ важныхъ“, и здѣсь уже его реторика, конечно, была совершенно незави-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 152.

сима отъ Марлинскаго, такъ что установить опредѣленныя грани и доказать, что именно явилось плодомъ вліянія Марлинскаго, намъ представляется вопросомъ совершенно безнадежнымъ, но совпаденіе нашего невысказаннаго предположенія съ мнѣніемъ Бестужева-Рюмина и приведенныя имъ соображенія, кажется, ясно говоритъ въ пользу большой вѣроятности словъ почтеннаго ученаго, которыя впрочемъ и исчерпываютъ весь вопросъ,—насколько онъ когда-нибудь можетъ быть исчерпанъ; подойти къ нему ближе едва ли возможно.

Что касается подражанія Гоголя въ „Ганцѣ-Кюхельгартенѣ“ извѣстному произведенію поэта Фосса „Луиза“ (въ переводѣ Теряева), то этотъ опытъ отчасти разъясняетъ намъ, какимъ способомъ слагались первыя произведенія Гоголя. Дѣло въ томъ, что главное содержаніе идилліи представляетъ изображеніе внутренняго міра самого юнаго автора, его стремленій и помысловъ въ то время, когда писалась идиллія; но авторъ, увлеченный понравившимся ему литературнымъ образцомъ, предпринялъ написать эпическое произведеніе, для котораго не имѣлъ достаточно матеріала по отсутствію жизненнаго опыта, вслѣдствіе чего идиллія ему не удавалась и составилась изъ разбросанныхъ, ничѣмъ необъединенныхъ отрывковъ. Любопытно, что начало почти буквально заимствовано въ первыхъ строфахъ идилліи. Затѣмъ, какъ это справедливо указано Кулишемъ, Гоголь довольно рабски списалъ пастора съ Фоссовскаго „добросердечнаго пастора Гринарскаго“, а героиню разсказа то же назвалъ Луизой. Очевидно, его прежде всего интересовало изображеніе самого главнаго героя, для болѣе полной обрисовки котораго автору понадобились и другія лица, взятыя на прокатъ изъ первой понравившейся повѣсти, вскорѣ затѣмъ, быть можетъ, забытой. Гоголь, очевидно, воспользовался произведеніемъ Фосса, какъ рамкой, въ которую ему нужно было вставить изображеніе самого себя въ лицѣ Ганца, причемъ, конечно, нѣмецкая обстановка и самое имя героя взяты совершенно случайно. Въ распоряженіи Гоголя было единственно изображеніе юношескихъ мечтаній героя, и потому собственно лишь начало пьесы является почти перифразомъ нѣмецкаго образца, послѣ чего Гоголю понемногу удается уже перейти къ болѣе свободному подражанію, которое могло бы быть болѣе живымъ и характернымъ, еслибы ему посчастливилось самому испытать любовь и изобразить знакомое чувство, но такъ какъ этого не было, то на выручку должно было явиться клише въ лицѣ Фоссовой Луизы и только во второй половинѣ идилліи Гоголь, дойдя, наконецъ, до изображенія стремленій Ганца, вышелъ на ровную дорогу. Отвлеченное представленіе о женщинѣ и любви было причиной того, что Гоголю не удалось связать разрозненныя части своего юношескаго опыта и пришлось, также впрочемъ по примѣру своего образца, сослаться въ оправданіе на свой юный (также 18 лѣтній) возрастъ „Дѣйствіе вертится“—говоритъ Кулишъ—„и на борьбѣ Ганца между любовью къ простенькой деревенской дѣвушкѣ и жаждой славы. Онъ покидаетъ свою возлюбленную, пускается въ широкій свѣтъ, узнаетъ, что люди холодны и возвращается къ своей Луизѣ. Вся романическая канва такимъ образомъ явно придумана ради сюжета, какъ для него же понадобилась Луиза и самая любовь къ ней героя идилліи. Впрочемъ первыя строки обѣихъ идиллій, оригинальной и переводной, поразительно сходны.

Въ подлинникѣ:

„Drauszen in lustiger Kühle der zwo breitlaubigen Linden,
Die, von gelblicher Blüte verschönt, voll Binnengesürres,
Schattend der Mittagsstub; hinsäuselten über das Moosdach;
Hielt der redliche Pfarrer von Grünau heiter ein Gastmahl,
Seiner Luise zur Lust, haüsräthlich prangend in Schlafrock“.

У Гоголя:

„Подъ тѣнью липъ стоитъ уютный домикъ
Пастора. Въ немъ давно старикъ живетъ.
Ветшаетъ онъ, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернѣла;
И лѣпится давно цвѣтистый мохъ
Ужъ по стѣнамъ“ и проч.

Обративъ вниманіе на пріемы Гоголя въ настоящемъ случаѣ, мы можемъ догадываться, что неполнота и незаконченность его первыхъ литературныхъ опытовъ могла побуждать его и въ другихъ случаяхъ подобнымъ же образомъ выдавать несвязанные между собой отрывки за единственные сохранившіеся остатки цѣлыхъ произведеній, гдѣ также могли быть заимствованія изъ случайно понравившейся книги. Вообще же вліянію на Гоголя Фосса, Марлинскаго [1]) и другихъ неизвѣстныхъ образцовъ мы не можемъ придавать серьезнаго значенія, хотя и нельзя не пожалѣть объ исчезновеніи слѣдовъ ихъ вліянія на первоначальное творчество нашего писателя.

[1]) Можно замѣтить, напр., что имя Бригитта, встрѣчающееся въ „Главѣ историческаго романа“ (соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 312), заимствовано у Марлинскаго; но подобныя мелочи намъ ничего не дадутъ.

Оглавленіе.

Стр.

I. Предки Н. В. Гоголя. Личность и вліяніе родителей. 1
II. Краткія свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя и о домашней средѣ его до поступленія въ школу 18
III. Школьная жизнь Гоголя. 21
IV. Переписка съ матерью и съ родственниками во время пребыванія въ школѣ. Слогъ писемъ. 27
V. Воспоминанія А. С. Данилевскаго о дѣтствѣ и школьной жизни Гоголя. 33
VI. Страсть Гоголя къ живописи. Впечатлѣнія дѣтства, отразившіяся въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ 43
VII. Школьная жизнь Гоголя въ характеристикахъ Кулиша и г. Кояловича. 47
VIII. Кончина В. А. Гоголя и ея вліяніе на развитіе его сына 58
IX. Нравственный переломъ въ Гоголѣ по смерти отца. 62
X. Жизнь М. И. Гоголь послѣ смерти ея мужа 66
XI. Бытъ малороссійскихъ помѣщиковъ временъ юности Гоголя. 78
XII. Отношенія Гоголя къ матери и къ роднымъ въ послѣднее время его школьной жизни. 84
XIII. Послѣднее время жизни Гоголя въ Нѣжинѣ 88
XIV. Краткій обзоръ писемъ Гоголя къ Г. И. Высоцкому. 92
XV. Юношескіе планы и мечты Гоголя. Перемѣна въ его отношеніяхъ къ его прежнимъ авторитетамъ: Орлаю, Трощинскому и проч. 96
XVI. Окончаніе Гоголемъ курса въ Нѣжинѣ и переѣздъ его въ Петербургъ. 109
XVII. Пріѣздъ Гоголя въ Петербургъ и первыя его впечатлѣнія въ столицѣ. 113
XVIII. Идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ“. 115
XIX. Національныя симпатіи Гоголя; ихъ зарожденіе и укрѣпленіе подъ вліяніемъ впечатлѣній молодости. 128
Приложенія 133

1960

3 2044 009 904 871

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
FEB 11 1991

WIDENER
BOOK DUE
SEP 10 1991

CANCELLED
SEP 14 1991

WIDENER
BOOK DUE
JUL 02 1995